М. Драгомировъ.

ОЧЕРКИ:

Разборъ „Войны и Мира.“

Русскій солдатъ.

Наполеонъ I-й.

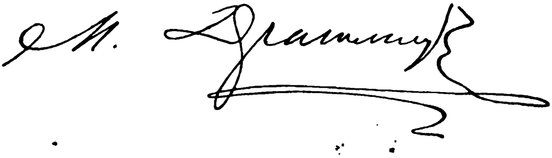
Жанна д'Аркъ.

Кіевъ.
Изданіе книгопродавца Н. Я. Оглоблина.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 8 Мая 1898 года.

КІЕВЪ.
Тип. С. В. Кульженко. Ново-Елисавет. ул., соб. д. № 4.
1898.

фот. С. В. Кульженко.

Война и Миръ гр. Толстого

СЪ ВОЕННОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

I.

Нельзя сказать, чтобы военная литература, особенно за послѣдніе два вѣка, отличалась бѣдностью; нельзя сказать также, чтобы человѣчество обоихъ полушарій было слишкомъ скупо на ту дѣятельность, которая даетъ матерьялъ для военной литературы; не смотря на это, мы не знаемъ ничего, или почти ничего, о тѣхъ внутреннихъ процессахъ и явленіяхъ, которые происходятъ въ душѣ человѣка подъ вліяніемъ опасности. Причинъ такому основательному невѣжеству въ дѣлѣ, занимающемъ довольно видное мѣсто въ жизни народовъ, много—и весьма вѣскихъ; но отъ этого ничуть не легче самому дѣлу, или, лучше сказать, состоянію понятій о немъ; ибо никто, конечно, не станетъ спорить противъ того, что фальшивыя представленія о душевныхъ процессахъ, при какой бы то ни было дѣятельности, до добра не доводятъ. На военномъ дѣлѣ это отразилось самымъ нагляднымъ образомъ: если были цѣлыя эпохи, убѣжденныя въ томъ, что, чѣмъ массы людей совершеннѣе воспроизводятъ прямолинейныя и прямоугольныя геометрическія фигуры, тѣмъ войско лучше, чѣмъ солдатъ ближе къ автомату, тѣмъ онъ болѣе годенъ для дѣла,—если, повторяемъ, были подобныя цѣлыя

эпохи, то это ни чему иному приписано быть не можетъ, какъ полному невниманію къ духовной дѣятельности человѣка, призваннаго дѣйствовать въ массахъ, на боевомъ полѣ, подъ вліяніемъ опасности.

Многимъ, особенно не изъ военныхъ, пожалуй, покажется, что если психическая сторона военнаго дѣла не обращала на себя вниманія изслѣдователей, то это потому, что самое дѣло не заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія, ибо—де война есть не болѣе, какъ остатокъ дикости въ человѣческой натурѣ, съ уничтоженіемъ котораго остатка настанетъ вѣчный миръ, и всѣ распри будутъ улаживаться разговоромъ. Мы не раздѣляемъ этой точки зрѣнія, подсказываемой человѣку инстинктомъ самосохраненія; не раздѣляемъ потому, что въ природѣ все основано на борьбѣ, а человѣкъ не можетъ стать выше какого бы то ни было изъ законовъ природы. Еще Лейбницъ сказалъ: „вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ", и кто хоть на минуту серьезно и безпристрастно остановится на этомъ вопросѣ, тотъ вѣроятно признаетъ, что Лейбницъ сказалъ такую истину, которая едва ли обратится когда либо въ анахронизмъ.

Но если бы даже и не было такъ, если бы война и перестала когда либо имѣть свое роковое и неизбѣжное значеніе въ развитіи человѣчества, все же она рано или поздно должна сдѣлаться предметомъ всесторонняго изслѣдованія для тѣхъ людей, которымъ дано заглядывать въ глубь внутренняго человѣка и дѣлать осязательнымъ для всѣхъ результатъ своихъ наблюденій: въ видѣ ли художественныхъ образовъ, въ видѣ ли философскаго изслѣдованія—все равно. Война, и только одна война, вызываетъ то страшное и совмѣстное напряженіе всѣхъ духовныхъ сторонъ

человѣка, въ особенности воли, которое показываетъ всю мѣру его мощи и которое не вызывается никакимъ другимъ родомъ дѣятельности.

Намъ кажется, что невниманіе психологовъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя происходятъ въ душѣ человѣка подъ пулями и гранатами, или при разрѣшеніи такихъ вопросовъ, какіе пришлось рѣшать, напр., Наполеону подъ Маренго или подъ Ватерлоо, лишало ихъ по сіе время самыхъ драгоцѣнныхъ фактовъ для изученія духовной дѣятельности человѣческаго организма. Могутъ замѣтить: почему-же не занимались этимъ сами военные? По весьма простой причинѣ: одни—по странному предубѣжденію, будто человѣкъ на войнѣ долженъ быть не человѣкомъ, а героемъ, и что, слѣдовательно, должно скрывать передъ непосвященными тѣ муки сомнѣній, колебаній, борьбы съ инстинктомъ самосохраненія, черезъ которыя неминуемо проходитъ въ дѣлѣ всякій военный; другіе—потому, что, позируя передъ обыкновенными смертными въ роли юпитеровъ-громовержцевъ, тщились и въ своихъ сочиненіяхъ не представить работу своего ума и воли такъ, какъ она дѣйствительно происходила, а хлопотали объ одномъ только: о томъ, чтобы скрыть процессъ этой работы; таковы, напр., были Цезарь, Наполеонъ; читавшіе сочиненія ихъ безъ труда убѣдятся въ вѣрности этого положенія: подобные люди никогда не ошибаются; никогда не мучимы сомнѣніями; неудачамъ ихъ виновато все, что угодно—небо, вода, земля, но никогда не они сами; третьи, наконецъ,—и таковыхъ масса—не занимались тѣмъ, что происходитъ въ душѣ человѣка во время боя, по той простой причинѣ, что и сами-то едва помнятъ и сознаютъ, что́ и какъ съ ними тамъ происходило.

Однимъ словомъ, повѣствованіе о военныхъ событіяхъ и понынѣ еще не выходило изъ эпическаго періода, т. е. изъ того, когда человѣкъ самыя обыкновенныя происшествія расположенъ возводить на степень чудесныхъ, самые обыкновенные и часто не совсѣмъ даже казистые поступки расположенъ считать геройствомъ.

Намъ кажется, что настало наконецъ время трезваго отношенія и къ военнымъ событіямъ: Агамемноны, Ахиллесы и другіе болѣе или менѣе красивые эпическіе герои должны сойти со сцены и уступить мѣсто обыкновеннымъ людямъ, съ ихъ великими доблестями и съ ихъ, подчасъ, унизительными слабостями; съ ихъ самоотверженіемъ, доходящимъ до того, чтобы положить голову за други своя,—и съ ихъ себялюбіемъ и своекорыстіемъ, доводящими до стремленія уложить (руками непріятеля) того ближняго, который имъ не пришелся по сердцу; съ ихъ способностью взбираться подъ пулями и гранатами на вертикальныя стѣны безо всякой посторонней подмоги, и съ ихъ обычаемъ давать иногда тылъ и бѣжать безъ оглядки изъ за одного того, что какому нибудь негодяю вздумается крикнуть: „мы обойдены"!

Дѣло отъ этого выиграетъ: оно всегда выигрываетъ отъ правды. Въ теоріи не будутъ ограничиваться всеизвиняющей фразой: „это случайность", а будутъ задаваться вопросомъ о томъ, какъ нужно вести и организовать войска, дабы они возможно менѣе поддавались неблагопріятнымъ случайностямъ.

Что время подобнаго трезваго отношенія къ военнымъ явленіямъ настало, доказательство налицо; читающая военная публика обладаетъ уже двумя твореніями, представляющими опытъ разсказа о томъ, какъ дѣла дѣлаются, а не какъ

они должны бы были дѣлаться: мы разумѣемъ „Войну и Миръ" гр. Толстого и брошюру ген. Трошю: l'Armée française en 1867. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ болѣе общаго, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда: оба они имѣютъ въ виду, преимущественно, внутреннюю сторону военныхъ явленій; послѣднее какъ бы служитъ исправленіемъ и дополненіемъ первому. То, чего не досказалъ романистъ, взявшись за несвойственную ему роль философа, договариваетъ военный изъ тѣхъ, которые не только дѣлаютъ войну, но и думаютъ о ней, думаютъ, подготовленные къ тому серьезной теоретической работой, а не на основаніи однихъ непосредственныхъ впечатлѣній.

Романъ гр. Толстого интересенъ для военнаго въ двоякомъ смыслѣ: по описанію сценъ военныхъ и войсковаго быта и по стремленію сдѣлать нѣкоторые выводы относительно теоріи военнаго дѣла. Первыя, т. е. сцены, неподражаемы и, по нашему крайнему убѣжденію, могутъ составить одно изъ самыхъ полезнѣйшихъ прибавленій къ любому курсу теоріи военнаго искусства; вторые, т. е. выводы, не выдерживаютъ самой снисходительной критики по своей односторонности, хотя они интересны, какъ переходная ступень въ развитіи воззрѣній автора на военное дѣло.

Попытаемся прослѣдить „Войну и Миръ" съ поставленныхъ двухъ точекъ зрѣнія.

На первомъ планѣ является бытовая мирно-военная картинка, но какая! Десять батальныхъ полотенъ самаго лучшаго мастера, самаго большого размѣра можно отдать за нее. Смѣло говоримъ, что не одинъ военный, прочитавъ ее, невольно скажетъ себѣ: да, это онъ списалъ съ нашего полка!

Пѣхотный полкъ, прибывшій къ Браунау послѣ 30 верстнаго перехода, получилъ увѣдом-

леніе, что фельдмаршалъ будетъ смотрѣть его на походѣ завтра; начальство—въ мучительномъ недоумѣніи на счетъ формы, въ которой должно представиться, и, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и зрѣлыхъ совѣщаній, на основаніи того начала, что лучше „перекланяться, чѣмъ не докланяться“, рѣшаетъ представиться въ парадной формѣ.

Солдатъ всю ночь чистится и чинится (послѣ 30 верстнаго перехода); на слѣдующее утро полкъ готовъ такъ, „что и на Царицыномъ лугу съ поля не прогнали-бы“; полковой командиръ, во всемъ съ иголочки, похаживалъ передъ фронтомъ съ видомъ человѣка, счастливо совершающаго одно изъ самыхъ торжественныхъ дѣлъ жизни,— и вдругъ.... прискакиваетъ адъютантъ изъ штаба съ подтвержденіемъ того, что главнокомандующій желаетъ видѣть полкъ на походѣ, т. е. совершенно въ томъ положеніи, въ которомъ онъ шелъ: въ шинеляхъ, чехлахъ и безъ всякихъ приготовленій... Роль перемѣняется. Первая мысль у командира—найти виноватаго парадной формѣ. Михайло Митричъ, одинъ изъ баталіонныхъ командировъ, по всей вѣроятности, тотъ, который первымъ напомнилъ руководящее начало житейской философіи (лучше перекланяться, чѣмъ не докланяться), получилъ упрекъ въ томъ родѣ, что вѣдь говорилъ же ему полковой командиръ, „что на походѣ, такъ въ шинеляхъ“... Что въ его власти было послушать или не послушать совѣтъ, почтенному командиру это въ голову не пришло. Наконецъ, рѣшили переодѣть въ шинели.

Когда начальникъ боится, что его распекутъ, онъ чувствуетъ неопреодолимый позывъ распечь своего подчиненнаго; такъ было и тутъ: разжалованный изъ офицеровъ солдатъ стоитъ въ тонкой синеватой шинели, которую носить

походомъ разрѣшилъ ему самъ же полковой командиръ. И вотъ требуется ротный командиръ, дѣлается ему выговоръ, со всѣми усовершенствованіями тона и выраженій добраго стараго времени. Напускаются и на солдата; но послѣдній оказался не изъ безотвѣтныхъ. Можно ожидать, что за отвѣты начальнику, изъ строя, его, если не предадутъ суду, то, по крайности, хоть какъ нибудь приведутъ въ чувство; ничуть не бывало: оказалось, что командиръ горячился и выходилъ изъ себя только при условіи безмолвія съ противной стороны--нравственная упругость его за эту черту не шла.

Но вотъ махальный закричалъ не своимъ голосомъ:

„Ѣдетъ".

Полковой командиръ, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, *дрожащими* руками взялся за стремя, перекинулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу и со счастливымъ рѣшительнымъ лицомъ, на бокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть. Полкъ встрепенулся, какъ оправляющаяся птица, и замеръ".

„Сми-р-р-р-но! закричалъ полковой командиръ потрясающимъ душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ къ подъѣзжающему начальнику".

Подобныя сцены, по нашему мнѣнію, могутъ имѣть высокопоучительное и отрезвляющее вліяніе.

Вотъ начальникъ части, хоть и не большой, но все же достаточно сильной, чтобъ въ хорошихъ рукахъ дать иногда поворотъ большому сраженію; приготовленъ ли онъ къ тому, чтобы спокойно встрѣчать опасность, чтобы въ тѣ минуты, когда поздно бываетъ ожидать приказанія, имѣть на столько чувства личнаго достоинства и

Вотъ въ какую форму отливала человѣка система, теперь уже, благодаря Бога, отошедшая въ вѣчность, по которой лучшимъ средствомъ для поддержанія порядка считалось не требованіе настоящаго, серьезнаго дѣла, которое должны знать войска, а такъ называемое взбучиваніе за первую попавшуюся мелочь: за не совсѣмъ правильно пришитую пуговицу, за оттѣнокъ шинели и проч. Если это прошлое,—зачѣмъ же его тревожить, можетъ быть скажутъ нѣкоторые: затѣмъ, чтобы возвратъ къ нему былъ возможно менѣе вѣроятенъ, отвѣтимъ мы.... Вспоминать старыя ошибки и увлеченія здорово: это тотъ-же пѣтушій крикъ, который протрезвилъ увѣреннаго въ своей твердости ап. Петра,—твердости, которой не хватило и на нѣсколько минутъ.

А хотите знать, къ чему ведетъ фальшивое убѣжденіе, будто честь полка страждетъ, если открывшагося въ немъ негодяя выгнать гласно, тѣмъ путемъ, который указываетъ законъ? Всякому извѣстно, что подобнаго господина, чтобы „не марать мундира“, спускаютъ втихомолку, чаще всего устраиваютъ ему переводъ *по его собственному желанію.* Затѣмъ въ части, изъ которой его спустили, его забываютъ—и дѣлу конецъ. Относительно эгоистическаго, узкаго интереса части—ему дѣйствительно конецъ; но относительно интереса всей войсковой семьи подобное спусканье является дѣломъ до таковой степени злостнымъ, что, можетъ быть, сами господа спускатели содрогнулись бы, давъ себѣ трудъ мысленно прослѣдить послѣдствія своего ребяческаго взгляда на зависимость, будто-бы существующую между репутаціей, напр., полка и нравственными свойствами какой либо единичной личности, входящей въ составъ его.

нравственной самостоятельности, чтобы самому принять рѣшеніе и взять на себя за него отвѣтственность; приготовленъ ли онъ ко всему этому—пусть рѣшатъ читатели.

Не одинъ добросовѣстный и искренній начальникъ, посмотрѣвшись въ это зеркало, задумается надъ собственнымъ обычаемъ; и не безплодно задумается, если, замѣтивъ въ этомъ обычаѣ черты, общія съ поведеніемъ этого полковаго командира, отъ нихъ откажется.

И такова всепримиряющая, великая сила художественнаго изображенія! Передъ вами стоитъ, какъ живой, человѣкъ, каждый шагъ котораго, въ прямомъ его дѣлѣ, повергаетъ его въ колебанія и ребяческую тревогу; но, лично, онъ не возбуждаетъ къ себѣ никакого антипатическаго чувства. Вѣрное изображеніе досказываетъ то, чего непосредственно въ немъ вовсе и нѣтъ: досказываетъ, что этотъ человѣкъ вышелъ такимъ не по своимъ свойствамъ, а что его сдѣлала такимъ система. Вы это видите и на безотвѣтномъ Тимохинѣ, которому подъ Измаиломъ выбили два переднихъ зуба прикладомъ: стало быть онъ видалъ виды и боевую упругость имѣетъ, а въ ожиданіи мирнаго смотра чуть не дрожитъ; видите и на миломъ шутникѣ Жерковѣ, который и въ вѣкъ не доѣдетъ съ порученіемъ въ такое мѣсто, гдѣ летаютъ пули и ядра, но доподлинно разскажетъ потомъ начальнику, *что̀* тамъ было и *ка̀къ* было, и ужъ, конечно, наградою за свои военные подвиги обойденъ не будетъ; видите, наконецъ, на буйномъ, необузданномъ энергическомъ Долоховѣ, котораго не уняло производство въ солдаты и который, какъ тѣнь на картинѣ, выставляетъ остальныя лица въ свѣтѣ еще болѣе рѣзкомъ, чтобы не было уже никакого сомнѣнія въ томъ, *кто* они таковы и *почему* они таковы.

Вотъ въ какую форму отливала человѣка система, теперь уже, благодаря Бога, отошедшая въ вѣчность, по которой лучшимъ средствомъ для поддержанія порядка считалось не требованіе настоящаго, серьезнаго дѣла, которое должны знать войска, а такъ называемое взбучиваніе за первую попавшуюся мелочь: за не совсѣмъ правильно пришитую пуговицу, за оттѣнокъ шинели и проч. Если это прошлое,—зачѣмъ же его тревожить, можетъ быть скажутъ нѣкоторые: затѣмъ, чтобы возвратъ къ нему былъ возможно менѣе вѣроятенъ, отвѣтимъ мы.... Вспоминать старыя ошибки и увлеченія здорово: это тотъ-же пѣтушій крикъ, который протрезвилъ увѣреннаго въ своей твердости ап. Петра,—твердости, которой не хватило и на нѣсколько минутъ.

А хотите знать, къ чему ведетъ фальшивое убѣжденіе, будто честь полка страждетъ, если открывшагося въ немъ негодяя выгнать гласно, тѣмъ путемъ, который указываетъ законъ? Всякому извѣстно, что подобнаго господина, чтобы „не марать мундира", спускаютъ втихомолку, чаще всего устраиваютъ ему переводъ *по его собственному желанію.* Затѣмъ въ части, изъ которой его спустили, его забываютъ—и дѣлу конецъ. Относительно эгоистическаго, узкаго интереса части—ему дѣйствительно конецъ; но относительно интереса всей войсковой семьи подобное спусканье является дѣломъ до таковой степени злостнымъ, что, можетъ быть, сами господа спускатели содрогнулись бы, давъ себѣ трудъ мысленно прослѣдить послѣдствія своего ребяческаго взгляда на зависимость, будто-бы существующую между репутаціей, напр., полка и нравственными свойствами какой либо единичной личности, входящей въ составъ его.

Сцена перемѣняется: передъ нами одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ; дышется привольнѣе, люди менѣе загнаны нравственно; не особенно заняты они своей боевой спеціальностью, но и не погрязли въ типѣ тѣхъ ничтожныхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ боевому дѣлу мелочей, которыя въ конецъ измочаливаютъ внутренняго человѣка. Передъ нами небольшой кружекъ: Денисовъ—впослѣдствіи знаменитый партизанъ Давыдовъ; Ростовъ—юнкеръ его эскадрона, и г. Телянинъ одинъ изъ офицеровъ того же эскадрона, *за что-то* переведенный въ полкъ изъ гвардіи, передъ походомъ. Онъ держитъ себя очень хорошо; но сердце къ нему не лежитъ. Денисовъ и Ростовъ на минуту отлучаются изъ избы, оставя въ ней г. Телянина одного. Нѣсколько минутъ спустя, Телянинъ уходитъ; а еще нѣсколько минутъ спустя, Денисовъ хватился своего кошелька и не нашелъ его. Не стану дѣлать блѣднаго очерка этого казуса, ибо увѣренъ, что, кто рѣшится прочесть этотъ разборъ, уже давно прочелъ разбираемую сцену въ самомъ романѣ. Дѣло въ томъ, что Ростовъ накрываетъ Телянина съ кошелькомъ въ трактирѣ и сгоряча, по юношески,—и по здравому смыслу также,—докладываетъ объ этомъ полковому командиру въ присутствіи другихъ офицеровъ. Полковой командиръ сказалъ, что это неправда. Ростовъ наговорилъ ему „глупостей“, офицеры собрались, чтобы убѣдить Ростова извиниться передъ „Богданычемъ“, какъ они между собою называли полковаго командира. Ростовъ упрямится на основаніи того же, незатемненнаго фальшивыми представленіями, убѣжденія, что онъ правъ и что человѣку, знающему, что ему говорятъ правду, странно называть эту правду ложью.

Его сбиваетъ съ этой точки ветеранъ полка, два раза разжалованный за дѣла чести, два раза выслуживавшійся, сѣдѣющій уже штабсъ-ротмистръ Кирстенъ. Прямой, честный, симпатическій, сросшійся съ полкомъ. Полкъ для него родина, семья, все; одинъ изъ тѣхъ людей, которые себя не могутъ понять безъ полка и безъ которыхъ полку не достаетъ чего-то. Кому же и понимать честь полка, какъ не ему?

„...что теперь дѣлать полковому командиру? Надо отдать подъ судъ офицера и замарать (?) весь полкъ? Изъ за одного негодяя весь полкъ осрамить? Такъ, что ли по вашему? А по нашему не такъ... А теперь, какъ дѣло хотятъ замять(!), такъ вы изъ-за фанаберіи какой-то не хотите извиниться, а хотите все разсказать“. И т. д.

Въ этой аргументаціи, что ни слово, то непослѣдовательность; а между тѣмъ всѣмъ, слушавшимъ почтеннаго штабсъ-ротмистра, рѣчь его казалась торжествомъ логики, пронявшей, наконецъ, и самого Ростова, тѣмъ болѣе, что дальше рѣчь приправляется упреками въ томъ родѣ, что ему „своя фанаберія дорога“...

Во первыхъ, какимъ образомъ полкъ можетъ считаться отвѣтственнымъ за навязаннаго господина и навязаннаго какъ? переведеннаго за *что-то* изъ другой части? Во вторыхъ, если низкій поступокъ офицера мараетъ полкъ, то почему же не мараетъ полка такой же поступокъ, сдѣланный солдатомъ? А это вѣдь случается; положимъ, не часто, но случается во всякой части, и этого не скрываютъ; въ третьихъ,—допуская даже солидарность всего полка со всякимъ, даже и съ гнилымъ членомъ его,—что собственно составляетъ дѣйствительный позоръ; низкій-ли поступокъ, или же огласка его? Намъ кажется, что чѣмъ сильнѣе проникнуто извѣстное общество

чувствомъ чести, тѣмъ болѣе рѣшительно и явно должно оно извергать изъ себя все то, что оскорбляетъ это чувство: вѣдь покрываетъ воръ вора, честный человѣкъ не долженъ покрывать вора, иначе онъ становится какъ бы его сообщникомъ. Какимъ, наконецъ, образомъ, Кирстенъ, который всадилъ бы пулю всякому, кто его заподозрилъ бы въ недостаткѣ правдивости, нравственно казнитъ въ этомъ случаѣ Ростова именно за правдивость, и съ горечью говоритъ, что онъ мѣшаетъ „замять" дѣло? Или и этотъ честный служака, въ которомъ нѣтъ ничего показного, которому жизнь копѣйка, вѣруетъ въ ту аксіому, что грѣхъ не бѣда, молва не хороша. Оказывается, что какъ будто такъ, хотя, вѣроятно, ни самому Кирстену, ни его товарищамъ это не приходило въ голову.

Намъ кажется, что во всемъ этомъ столько безсознательной и поэтому именно грустной лжи, что становится весьма тяжело, когда подумаешь, къ какимъ она приводитъ послѣдствіямъ: скорѣе часто, чѣмъ рѣдко приводитъ. Впрочемъ, будемъ слѣдить за развитіемъ факта по разсказу гр. Толстого; рядомъ съ логикой, въ которой все построено на предразсудкахъ, этотъ разсказъ покажетъ намъ другую, неумолимою логику—логику природы вещей, въ силу которой нелѣпый поступокъ неминуемо порождаетъ нелѣпыя послѣдствія, казнящія за этотъ поступокъ.

Съ Ростовымъ говорятъ такъ, какъ будто главная вина заключается уже въ его опрометчивости, а не въ томъ, что́ ей подало поводъ; немножко поупорствуй онъ—и дѣло можетъ быть повернулось бы для него очень плохо. Рѣшись онъ поставить на своемъ, и рано или поздно его почти навѣрное выкурили бы изъ полка, и можетъ быть даже со скандаломъ; ибо что же

стѣсняться съ человѣкомъ, который такъ равнодушенъ къ „чести" полка?

Но онъ сдаетъ; „я виноватъ, кругомъ виноватъ! Ну, что вамъ еще"?!...

— „Вотъ это такъ, графъ, — поворачиваясь крикнулъ штабъ-ротмистръ, ударяя его большой рукой по плечу".

— „Я тебѣ говорю,—закричалъ Денисовъ,— онъ малый славный".

Слѣдовательно начинало уже зарождаться убѣжденіе въ томъ, что онъ не „славный малый" даже въ Денисовѣ, который зналъ Ростова и душой лежалъ къ нему... И все изъ за чего? Изъ за того, что онъ назвалъ воромъ господина, взявшаго изъ подъ подушки чужой кошелекъ. Но этимъ не кончилось! Г. Телянинъ исключенъ изъ полка *по болѣзни*, которая ему не помѣшала, впрочемъ, впослѣдствіи поступить въ провіантское вѣдомство. Въ 1807 году мы застаемъ его уже коммиссіонеромъ въ штабѣ; Гусарскій полкъ, въ которомъ болѣзнь помѣшала г. Телянину служить, входитъ въ число частей, состоящихъ на попеченіи сказаннаго штаба. Дошло въ полку до того, что солдаты питались какимъ-то горькимъ машкинымъ корнемъ, который они почему-то называли сладкимъ, а лошади соломой съ крышъ. Денисовъ не въ состояніи былъ болѣе выносить подобнаго положенія, которое тянулось уже около двухъ недѣль, и въ одинъ, какъ говорится, прекрасный день отбилъ транспортъ, шедшій по близости его расположенія, въ какую-то пѣхотную часть. Некрасиво, слова нѣтъ; но въ подобномъ положеніи на 100 начальниковъ изъ тѣхъ, которымъ ихъ солдатъ дороже личной отвѣтственности, по крайней мѣрѣ 90 сдѣлали бы то же самое; и оправданіе ихъ было бы то же самое, вѣроятно, которое представилъ, поѣхавъ

въ штабъ для объясненій, Денисовъ: „Разбой не тотъ дѣлаетъ, кто беретъ провіантъ, чтобы кормить своихъ солдатъ, а тотъ, кто беретъ его, чтобы класть въ карманъ“. Тѣмъ не менѣе позволили росписаться въ этомъ провіантѣ, яко бы въ принятомъ по всѣмъ правиламъ искусства и съ должнымъ соблюденіемъ формъ. Пошелъ росписываться и встрѣчаетъ—Телянина. „Какъ, ты насъ съ голоду моришь!?“ и т. д., что читателямъ извѣстно. Отбитіе транспорта еще бы согласились можетъ быть замазать, хотя отъ этого плохо пришлось цѣлому пѣхотному полку; но оскорбленіе одного изъ тѣхъ, кто былъ прямымъ виновникомъ рѣшимости Денисова на отбитіе— этого ужъ, конечно, нельзя допустить замазать. По донесенію чиновниковъ оказалось уже, что онъ побилъ не одного, а двухъ, и ворвался въ коммиссію въ пьяномъ видѣ. Конечно, слѣдствіе, судъ. Денисовъ легко раненый, рѣшился уйти въ госпиталь, чтобы уклониться отъ явокъ въ судъ и всякихъ прочихъ мытарствъ; какъ человѣкъ, дѣло котораго было рубить, а не судиться, онъ съ внутреннимъ ужасомъ бѣжалъ отъ этой новой дѣятельности, въ которой долженъ быть явиться паціентомъ, не имѣя и понятія даже о тѣхъ крючкахъ и уверткахъ, при помощи которыхъ онъ могъ бы, если не совершенно спастись, то, по крайней мѣрѣ, поплатиться возможно меньше.

И такъ, „честь“ полка заставила прикрыть вора; это дало ему возможность заняться своей спеціальностью въ сферѣ болѣе обширной, болѣе прибыльной и, главное болѣе безопасной; затѣмъ, „честь“ полка обошлась во все то число людей, которое погибло отъ лишеній; въ то, что Ростовъ могъ вылетѣть изъ полка, хотя представлялъ всѣ задатки на хорошаго члена его; въ то, наконецъ, что одинъ изъ лучшихъ офицеровъ попалъ подъ

судъ и если не будетъ уничтоженъ, то, конечно, благодаря какой нибудь счастливой случайности, а не обыкновенному ходу дѣлъ.

Можетъ быть возразятъ: что не Телянинъ, такъ другой; что все же это авторская подтасовка; что, наконецъ, на войнѣ лишенія неизбѣжны. На первое замѣтимъ, что не будь это именно Телянинъ,—Денисову и въ голову бы не пришло „расписываться"; при томъ же нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы на мѣсто Телянина не попалъ человѣкъ честный, если бы г. Телянина лишили въ полку возможности попасть на какое либо другое мѣсто. Что же до авторской подтасовки, то противъ нее мы ничего не имѣемъ, если она дышетъ жизненной правдой: при этомъ условіи она перестаетъ быть подтасовкой, а поднимается на высоту художественнаго, поэтически вѣрнаго сопоставленія лицъ и дѣйствій. Все разсказанное произошло самымъ естественнымъ образомъ: Телянинъ поступилъ въ провіантское вѣдомство потому, что такіе господа любятъ мѣста теплыя; представился онъ съ формуляромъ незапятнаннымъ—не принять его не было резону. Все остальное пошло какъ по маслу. Одно похоже на натяжку: что онъ попалъ именно въ тотъ штабъ, отъ котораго зависѣлъ полкъ Денисова; но и подобное сближеніе двухъ дѣйствующихъ лицъ до такой степени просто и естественно, до такой степени часто бываетъ на самомъ дѣлѣ, что было бы смѣшно считать его натяжкой и въ настоящемъ случаѣ. Авторскія подстройки даютъ чувствовать заблаговременно, куда авторъ гнетъ: я, напр., убѣжденъ, что гр. Толстой женитъ Ростова на княжнѣ Болконской, а Безухова на Наташѣ; и поэтому нахожу, что тутъ какъ будто подстройка; но во всей исторіи Телянина до такой степени нѣтъ ничего подоб-

наго, что, провѣривъ свои впечатлѣнія, всякій, читавшій „Войну и Миръ", вѣроятно признаетъ сцену о томъ, какъ Денисовъ обезпокоилъ почтеннаго провіантскаго дѣятеля столь же естественною, сколь неожиданною. Что же до того, что на войнѣ лишенія неизбѣжны, то это совершенно вѣрно; но они могутъ быть болѣе или менѣе велики; и, конечно, никто спорить не станетъ, что у коммиссіонера со свойствами г. Телянина они должны были выйти очень велики. Не знаю, достаточно ли ясно слѣдуетъ изъ сказаннаго та мысль, что *не будь фальшивыхъ представленій о чести полка, войсковой организмъ легко и свободно очистился бы отъ того процента презрѣнныхъ личностей, которыя, бывъ уличены въ чемъ либо позорномъ въ своей части, все таки продолжаютъ оставаться въ войскѣ, нанося ему, а иногда даже и прежней своей части, неисчислимый вредъ;* для меня эта мысль представляется какъ естественный логическій выводъ изъ совершенно объективнаго разсказа гр. Толстого. И въ этомъ, по моему мнѣнію, лучшее свидѣтельство художественности разсказа: авторъ описываетъ самый простой, обыденный случай безъ малѣйшей тенденціозности, а между тѣмъ для всякаго, мало-мальски внимательно читающаго его произведеніе, внутренній смыслъ разсказа представляется самъ собой безъ малѣйшаго, со стороны автора, усилія натолкнуть читателя на то либо другое заключеніе.

Мы не продолжаемъ развивать нравственныя послѣдствія для Денисова того, что г. Телянинъ былъ спущенъ втихомолку изъ полка; не продолжаемъ потому, что всѣ, читавшіе „Войну и Миръ", вѣроятно помнятъ сцену свиданія Ростова съ Денисовымъ въ госпиталѣ, при которомъ послѣдній не распрашиваетъ уже ни про полкъ, ни про общій ходъ дѣла, что ему это было даже

непріятно, и что все вниманіе его сосредоточивалось на запросахъ, которые получалъ изъ комиссіи, и на отвѣтахъ, которые онъ давалъ на эти запросы. Закончимъ разборъ этого эпизода однимъ вопросомъ: принимая въ соображеніе то обстоятельство, что въ бою великіе подвиги часто зависятъ именно отъ двухъ—трехъ человѣкъ въ родѣ Денисова, во сколько бы обошлось полку отсутствіе его, предполагая серьезное дѣло? А вѣдь это отсутствіе, въ концѣ концовъ, произошло бы опять отъ того, что не рѣшились заклеймить Телянина, какъ онъ того заслуживалъ.

Боясь наскучить читателю, не буду разбирать другихъ сценъ войскового быта. Всѣ лица въ нихъ до того типичны, что Долоховы, Тимохины и проч. обратятся вѣроятно въ имена нарицательныя, какъ имена Ноздрева, Собакевича, Манилова и другихъ героевъ Гоголя. Но не могу перейти къ боевымъ сценамъ, не упомянувъ еще объ одномъ типѣ, очерченномъ гр. Толстымъ превосходно,—о типѣ офицеровъ, жаждущихъ поскорѣе произойти и потому изыскивающихъ кратчайшіе и легчайшіе для того ходы. Борисъ Друбецкой и Бергъ—представители этого типа, конечно, съ различіями, обусловленными мѣрою способностей и характеромъ національности каждаго. Какъ первый ловко подмѣчаетъ, что „въ арміи, кромѣ той субординаціи и дисциплины, которая была написана въ уставѣ и которую знали въ полку и онъ зналъ, была другая, болѣе существенная субординація, та, которая заставляла генерала почтительно дожидаться въ то время, когда капитанъ, князь Андрей, для своего удовольствія, находилъ болѣе удобнымъ разговаривать съ прапорщикомъ Друбецкимъ“.

И съ какою похвальною, непоколебимою, быстрою рѣшимостью Борисъ положилъ „слу-

жить впредь не по той писанной въ уставѣ, а по этой, неписанной субординаціи!“

Къ несчастію нѣтъ арміи въ мірѣ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, гдѣ бы эта вторая субординація не была въ ходу, и пройдетъ много времени, пока она выведется; да и выведется ли?

Бергъ не забирается, конечно, такъ высоко, да и не нуждается въ этомъ, ибо обладаетъ снаровкой, не такой утонченной и быстрой, но тоже безъ промаха ведущей къ цѣли. Снаровка его заключается „въ умѣньѣ не потеряться“, т. е. отмалчиваться передъ начальникомъ, какъ бы онъ ни пушилъ и съ какими бы онъ настойчивыми вопросами, вызывающими на оправданіе, къ вамъ ни обращался.

„Что ты нѣмой, что ли? онъ закричалъ. Я все молчу. Чтожъ вы думаете, графъ? На другой день и въ приказѣ не было: вотъ что значитъ не потеряться“.

Такіе проницательные и находчивые молодые люди не могутъ не пойти далеко, еслибъ даже и хотѣли; не могутъ потому, что ясно видятъ и разумѣютъ, отъ чего зависитъ быстрый ходъ.

Боевыя сцены гр. Толстого не менѣе поучительны: вся внутренняя сторона боя, невѣдомая для большинства военныхъ теоретиковъ и мирно-военныхъ практиковъ, а между тѣмъ дающая успѣхъ или неудачу, выдвигается у него на первый планъ въ великолѣпно рельефныхъ картинахъ. Разница между его описаніями сраженій и описаніями историческими такая же, какъ между ландшафтомъ и топографическимъ планомъ: первый даетъ меньше, даетъ съ одной точки, но доступнѣе глазу и сердцу человѣка. Второй даетъ всякій мѣстный предметъ съ большаго числа сторонъ, даетъ мѣстность на десятки верстъ, но

даетъ въ условномъ чертежѣ, не имѣющемъ по виду ничего общаго съ изображаемыми предметами; и потому на немъ все мертво, безжизненно, даже и для приготовленнаго глаза. Такъ и въ большинствѣ историческихъ описанiй сраженiй: знаешь движенiя дивизiй, рѣдко полковъ, еще рѣже баталiоновъ: „двинулись, не смотря на сильный огонь, ворвались, опрокинули, или были опрокинуты, поддержаны резервами" и т. д. Нравственная физiономiя личностей руководящихъ, борьба ихъ съ собою и съ окружающими, предшествующая всякой рѣшимости, все это исчезаетъ—и изъ факта, сложившагося изъ тысячъ человѣческихъ жизней, остается нѣчто въ родѣ сильно потертой монеты: видны очертанiя, но какого лица? наилучшiй нумизматъ не распознаетъ. Конечно, есть исключенiя: но они крайне рѣдки и, во всякомъ случаѣ, далеко не оживляютъ передъ вами событiя такъ, какъ оживляетъ его изображенiе ландшафтное, т. е. представляющее то, что могъ бы въ данную минуту съ одной точки видѣть одинъ наблюдательный человѣкъ.

Скажутъ можетъ быть, что эти Тушины, Тимохины и проч. и проч. не болѣе какъ ложь, что ихъ не было на дѣлѣ, а родились они и жили только въ головѣ автора. Мы, пожалуй, съ этимъ согласимся; но и съ нами должны согласиться въ томъ, что и въ историческихъ описанiяхъ далеко не все правда, и что эти несуществовавшiя на самомъ дѣлѣ личности поясняютъ внутреннюю сторону боя лучше, чѣмъ большая часть многотомныхъ описанiй войнъ, въ которыхъ передъ вами мелкаютъ лица безъ образовъ и въ которыхъ вмѣсто именъ Наполеона, Даву, Нея и проч. можно было бы, безъ всякой потери поставить цифры или буквы. Эти „выдуманные" образы передъ вами живутъ и дѣйствуютъ такъ,

что изъ ихъ дѣятельности извлечетъ для себя неоцѣнимыя практическія указанія всякій, рѣшившійся посвятить себя военному дѣлу и незабывающій въ мирное время, къ *чему* онъ себя готовитъ. Указанія эти такого рода, что мы смѣло ставимъ ихъ на ряду съ указаніями марш. Саксонскаго, Суворова, Бюжо, наконецъ Трошю. Если взять къ тому, что они являются въ разсказѣ гр. Толстого не въ формѣ отвлеченныхъ общихъ мыслей, а въ примѣненіи этихъ мыслей къ дѣлу живыми лицами, представленными такъ, что вы можете слѣдить за ихъ жестомъ, взглядомъ, словомъ,—если взять все это въ разсчетъ, то громадное значеніе военныхъ сценъ гр. Толстого для всякаго военнаго, принимающаго въ серьезную свое ремесло, станетъ ясно, какъ день. Попытаемся показать это.

Самую страшную и трудную для начальника задачу всегда составляло и будетъ составлять—управленіе войсками во время боя; управленіе не въ томъ смыслѣ, чтобы каждому указать точно его роль—это и невозможно, и смыслу не имѣетъ при безконечной измѣнчивости боевой обстановки,—а въ томъ, чтобъ духъ всякаго, такъ сказать, наладить дѣлать то, чего потребуютъ отъ него обстоятельства.

Чтобъ понять всю трудность этой задачи, стоитъ прочесть очеркъ нравственнаго состоянія войскъ передъ началомъ боя, дѣлаемый Трошю:

„Увлеченіе, храбрость, умственныя способности, наконецъ, имѣютъ свои хорошіе и плохіе дни. Заботы о семьѣ или дѣлахъ, нравственное состояніе, состояніе здоровья, излишекъ холода, избытокъ тепла, усталость, голодъ, жажда, неодолимо дѣйствуютъ на то расположеніе, съ которымъ каждый идетъ въ бой. Извѣстно, что въ эпоху войнъ первой имперіи мужество нѣкоторыхъ

генераловъ, увѣренность въ себѣ солдатъ, росли или падали въ зависимости отъ того, находился ли поблизости императоръ, или же его не было".

"...Эта внутренняя тревога, тщательно сдерживаемая, остается скрытою во время передвиженій, предшествующихъ бою; когда часть вступаетъ въ ту сферу, гдѣ свистъ первыхъ снарядовъ, бросаемыхъ издали и потому неопасныхъ, или почти неопасныхъ, предупреждаетъ о томъ, что̀ предстоитъ—впечатлѣнія людей обнаруживаются мертвымъ только молчаніемъ. Для командировъ это именно та минута, въ которую слѣдуетъ подѣйствовать на солдата покойнымъ видомъ, словомъ, сказаннымъ кстати и съ духомъ. Въ подобныя минуты императоръ Наполеонъ объѣзжалъ линіи, готовыя завязать бой, и обращался къ нимъ съ словами, могущими наэлектризовать солдата".

Все это превосходно и вѣрно; но чтобы понять глубокое значеніе и практичность совѣтовъ Трошю, нужно или самому пройти крещеніе огнемъ, или же долго и съ толкомъ вчитываться въ тѣ бѣдные, отрывочные слѣды, которые всякій военный ураганъ оставляетъ за собою въ литературѣ, въ видѣ мемуаровъ очевидцевъ, наставленій болѣе сильныхъ дѣятелей и т. под. Разсказъ гр. Толстого, именно потому, что онъ передаетъ тотъ же совѣтъ въ образахъ, врѣзываетъ его неизгладимыми чертами въ сознаніе человѣка, хоть сколько нибудь привыкшаго дѣлать выводы изъ того, что онъ читаетъ. Мало того: разсказъ показываетъ не только, что̀ нужно дѣлать, но и какъ это дѣлается при извѣстныхъ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ дѣятеля. Въ отношеніи разбираемаго вопроса, т. е., управленія людьми во время боя, мы не знаемъ ничего выше страницъ, живописующихъ Багра-

тіона въ первыя минуты дѣла подъ Голлабрюномъ (или Шенграбеномъ).

Сцена до крайности проста и именно потому и поразительна: раздаются первые выстрѣлы; Багратіонъ, „на каремъ лицѣ котораго, съ полузакрытыми, мутными, какъ будто невыспавшимися глазами“, рѣшительно нельзя было видѣть, „думаетъ ли и чувствуетъ и что думаетъ, что чувствуетъ этотъ человѣкъ въ эту минуту“,— Багратіонъ подъѣзжаетъ къ одному изъ важнѣйшихъ пунктовъ позиціи, къ баттареѣ капитана Тушина. Все, что ему доносятъ, или что онъ видитъ, князь Багратіонъ принимаетъ съ такимъ видомъ, *какъ будто все это было именно то, что онъ предвидѣлъ;* если заговоритъ, онъ произноситъ слова *особенно медленно, какъ бы внушая, что торопиться некуда;* просвиставшее ядро убило наповалъ казака, ѣхавшаго въ свитѣ; сосѣди его шарахнулись: „князь Багратіонъ, прищурившись, оглянулся, и увидавъ причину происшедшаго замѣшательства, равнодушно отвернулся, какъ бы говоря: стоитъ ли глупостями заниматься! и пріостановилъ лошадь, чтобы поправить зацѣпившуюся за бурку шпагу“. Трудно очертить лучше идеалъ того спокойнаго и, такъ сказать заразительнаго самообладанія, которое неодолимо должно было сообщиться всѣмъ, попадавшимъ въ сферу его вліянія! „Багратіонъ спрашивалъ: чья рота? а въ сущности онъ спрашивалъ: ужъ не робѣете ли вы тутъ?“. И его понимали и подбадривались.

„Кн. Андрей тщательно прислушивался къ разговорамъ князя Багратіона съ начальниками и къ отдаваемымъ имъ приказаніямъ и, къ удивленію, замѣчалъ, что приказаній никакихъ отдаваемо не было, а что кн. Багратіонъ только старался дѣлать видъ, что все, что дѣлалось по

необходимости, случайности и волѣ частныхъ начальниковъ, что все это дѣлалось, хоть не по его приказанію, но согласно съ его намѣреніями. Благодаря такту, который выказывалъ кн. Багратіонъ, кн. Андрей замѣчалъ, что, не смотря на ту случайность событій и независимость ихъ отъ воли начальника, присутствіе его сдѣлало чрезвычайно много *). Начальники, съ разстроенными лицами подъѣзжавшіе къ кн. Багратіону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело привѣтствовали его, становились оживленнѣе въ его присутствіи и видимо щеголяли передъ нимъ своею храбростью".

То есть, князь Багратіонъ, какъ опытный полководецъ, понималъ, что въ бою для успѣха прежде всего нужно успокоить людей, а потомъ поддержать и укрѣпить въ нихъ довѣріе къ самимъ себѣ; и онъ дѣлаетъ то и другое—подавляетъ чужое безпокойство и волненіе своимъ каменнымъ спокойствіемъ; находитъ всѣ распоряженія частныхъ начальниковъ хорошими и сообразными съ его намѣреніями, *хотя это* и не всегда было на самомъ дѣлѣ,—*дабы утвердить въ этихъ начальникахъ довѣріе къ самимъ себѣ.* Онъ понималъ, что пустившись въ исправленія, всего бы не сдѣлалъ, а начальниковъ и войска неминуемо бы засуетилъ. Самый простой здравый смыслъ говоритъ, что изъ двухъ людей, исполняющихъ опасное назначеніе, тотъ, который за него берется, хоть и не совсѣмъ ловко, но рѣшительно и съ увѣренностью, всегда вѣрнѣе достигаетъ цѣли, чѣмъ тотъ, который и знаетъ, какъ за него взяться наилучшимъ образомъ, но не довѣряетъ собственнымъ силамъ. Если князь Андрей и уди-

---

*) **Мы даже полагаемъ, что сдѣлалъ все и при томъ самъ Багратіонъ, а не его присутствіе.**

вился видимой бездѣятельности князя Багратіона, то потому только, что онъ составилъ себѣ прямо противоположное дѣйствительности представленіе о томъ, что можетъ и чего не долженъ дѣлать въ бою командиръ значительнаго отряда.

Гр. Толстой ни слова, къ сожалѣнію, не сказалъ о тѣхъ военныхъ взглядахъ, съ которыми его герой выѣхалъ на войну: если бы это было сдѣлано, удивленіе кн. Андрея получило бы совсѣмъ другую окраску, чѣмъ та, которую оно имѣетъ теперь. Позволимъ себѣ пополнить этотъ пробѣлъ, припомнивъ эпоху, въ которую дѣйствовалъ кн. Андрей, и огромную дозу самомнѣнія, составляющую, судя по очерку автора, характеристическую черту этой личности.

До кампаніи кн. Андрей видѣлъ, конечно, только мирныя упражненія войскъ, установившіяся тогда на точномъ основаніи фридриховскихъ формъ, педантическихъ, потерявшихъ смыслъ и духъ со смертью великаго короля. Эти формы, какъ всякому извѣстно, сводились къ возстановленію развернутаго строя изъ колоннъ на полныхъ дистанціяхъ и къ движенію развернутыхъ линій: то и другое—съ идеальною правильностью, „чистотой", какъ тогда выражались. Опоздай взводъ зайти въ линію на полъ-секунды, разравняйся строй при движеніи на шагъ—и начальники пускали въ ходъ всю свою безконтрольную власть, дабы устранить безпорядки, столь, по ихъ мнѣнію, ужасные. Нравственная энергія и другія внутреннія свойства личности не цѣнились ни во что, такъ какъ на первый планъ выступали тѣ качества, чисто внѣшнія, которыя были необходимы для достиженія идеала однообразія, стройности, единовременности движенія; эти качества были: для солдата—умѣнье единовременно съ другими производить всякое движе-

ніе; для офицера и начальника, кромѣ того,— богатырскій голосъ и умѣнье скомандовать до такой степени единовременно со своими равными, что для этого необходимы были особыя предварительныя спѣвки. Всякое самомалѣйшее движеніе исполнялось и прекращалось не иначе, какъ по командѣ старшаго начальника, которая, по всей командной лѣстницѣ, нисходила до непосредственныхъ исполнителей. Перевести, безъ команды свыше, свой баталіонъ, не то, что на сто или полтораста, а даже на пять шаговъ— было вольнодумствомъ до того неслыханнымъ, что дерзкая мысль о немъ вѣроятно не приходила въ голову современнымъ баталіоннымъ командирамъ даже и во снѣ. Прибавьте къ этому безпрерывную и суетливо-поспѣшную дѣятельность адъютантовъ, скачущихъ по всѣмъ направленіямъ для отдачи приказаній и замѣчаній по самомалѣйшимъ мелочамъ или неправильностямъ, и предъ вами предстанетъ та среда, въ которой кн. Андрей началъ свое практическое военное образованіе.

Были, правда, у насъ преданія, чисто русскія, другой тактики и другихъ ученій, преданія Румянцева, Суворова; но къ тому времени, когда кн. Андрей долженъ былъ начать свою службу, эти преданія пришибло морозомъ, до такой степени основательнымъ, что ихъ какъ будто и не бывало. Остались дѣятели, сформировавшіеся подъ вліяніемъ этихъ преданій, но они что-то молчали: вѣроятно противное теченіе было слишкомъ сильно; одни не хотѣли, другіе не умѣли ему противустоять и держали про себя то, что приняли, какъ священный завѣтъ, отъ геніальнаго чудака, поднимавшаго свою армію пѣтушьимъ крикомъ, вмѣсто барабаннаго боя, для этого установленнаго.

Обратимся теперь къ теоретической подготовкѣ, какую могъ получить кн. Андрей въ своихъ военныхъ взглядахъ. То было время господства геометрическихъ теорій въ военномъ дѣлѣ. Полагали, что все стратегическое и тактическое знаніе можно свести къ нѣсколькимъ геометрическимъ чертежамъ, заключить его, слѣдовательно, въ рамки точной, вполнѣ опредѣленной науки. Какъ получить перевѣсъ надъ непріятелемъ на театрѣ войны? Нужно имѣть охватывающую базу и объективный уголъ въ 90 градусовъ; отступать по расходящимся отъ непріятеля дорогамъ, наступать къ нему—по сходящимся. Какъ разбить на полѣ сраженія? Слѣдуетъ принять косвенный боевой порядокъ, т. е. обойти непріятеля съ котораго либо изъ фланговъ. Не правда ли, какъ все просто и ясно? На бѣду въ этихъ простыхъ и ясныхъ теоріяхъ проглядѣли самую мелочь, т. е. человѣка со всѣми его слабыми и сильными нравственными сторонами; распорядились, однимъ словомъ, такъ, какъ будто вся война происходитъ не въ полѣ, а на доскѣ: линіями и углами, выводимыми мѣломъ, а не составленными изъ людей*). Само собою разумѣется, что, чѣмъ сказанныя теоріи были одностороннѣе, тѣмъ логическое построеніе ихъ было строже и тѣмъ сильнѣе была увѣренность людей, усвоившихъ эти теоріи, въ томъ, что они знали, что́ такое война и какъ ее дѣлаютъ. Наталкиваясь на факты, опрокидывавшіе ихъ ребяческіе углы и линіи, эти люди, конечно, должны были находить не то, что они ошибаются, а что дѣло ведется не такъ, какъ слѣдуетъ.

Особенно это было неизбѣжно въ томъ случаѣ, когда напитавшійся подобными теоріями

*) Т. е., сами того не замѣчая, изъ стратегіи и тактики сдѣлали стратегическую и тактическую геометрію.

человѣкъ расположенъ былъ, по врожденнымъ свойствамъ, вѣрить въ безусловную непогрѣшимость своихъ взглядовъ и убѣжденій. Таковъ былъ Фуль, такъ превосходно нарисованный гр. Толстымъ; кн. Андрей тоже былъ Фуль, только передѣланный на русскіе нравы, и при томъ не плебей, а аристократическаго происхожденія: Фуль диллетантъ.

Принявъ въ соображеніе все сказанное о практической и теоретической подготовкѣ князя Андрея къ военному дѣлу, станетъ понятно, почему онъ былъ такъ удивленъ поведеніемъ Багратіона во время боя подъ Голлабрюномъ. Багратіонъ не суетился и другихъ не суетилъ; разсылалъ адъютантовъ съ приказаніями во много разъ меньше, чѣмъ кн. Андрею случалось видѣть на самыхъ небольшихъ ученіяхъ; не устраивалъ никакихъ ученыхъ боевыхъ порядковъ, а распредѣлилъ войска на позиціи, какъ мѣстность того требовала: для героя „Войны и Мира" было ясно какъ день, что этотъ военоначальникъ ничего не дѣлалъ. *Не смотря на это,* присутствіе кн. Багратіона, какъ признаетъ кн. Андрей, сдѣлало чрезвычайно много. Я полагаю, онъ былъ бы болѣе правъ, еслибъ сказалъ, что *именно поэтому* Багратіонъ и сдѣлалъ чрезвычайно много. Но онъ не могъ такъ сказать, потому что распоряженіе боемъ рисовалось въ его сознаніи въ только что очерченномъ видѣ. Не знаемъ, намѣренно или нѣтъ гр. Толстой выдаетъ своего героя въ разбираемомъ случаѣ; находимъ только, что его изображеніе еще болѣе выигрываетъ отъ этого въ художественной правдѣ, являя Болконскаго вполнѣ человѣкомъ своего времени.

Что же до Багратіона, то онъ изображенъ идеально хорошо, въ этомъ убѣждаетъ насъ сличеніе художественнаго портрета гр. Толстого съ

тѣмъ, что говоритъ маршалъ Саксонскій объ обязанностяхъ главнокомандующаго въ день сраженія:

„Нужно, чтобы въ день сраженія главнокомандующій ничего не дѣлалъ: онъ яснѣе будетъ видѣть происходящее, сохранитъ независимость ума и будетъ болѣе способенъ пользоваться тѣми мгновеніями боя, въ которыя непріятель станетъ въ невыгодное положеніе; и когда онъ дождется одного изъ такихъ мгновеній (quand il verra sa belle), онъ долженъ броситься во весь духъ къ слабому мѣсту, схватить первыя попавшіяся подъ руку войска, двинуть ихъ быстро и не щадить себя (payer de sa personne): вотъ отчего зависитъ выигрышъ и рѣшеніе боя. *Я отнюдь не говорю, ни гдѣ, ни какъ это должно дѣлать, ибо это зависитъ отъ разнообразія мѣстъ и положеній, возникающихъ во время боя; сущность въ томъ, чтобы подмѣтить мгновеніе и умѣть имъ воспользоваться*“.

Какъ читатель можетъ видѣть, авторъ „Войны и Мира“ до такой степени вѣрно сдѣлалъ каждый штрихъ своего изображенія, что можно подумать, будто онъ создалъ это изображеніе по образцу, указанному марш. Саксонскимъ.

А вотъ идеалъ Болконскаго, набросанный тѣмъ же марш. Саксонскимъ, какъ указаніе того, *чего не слѣдуетъ дѣлать.*

„Многіе главнокомандующіе занимаются въ день сраженія только тѣмъ, что двигаютъ войска съ строжайшимъ соблюденіемъ равненія и дистанцій, отвѣчаютъ на вопросы, съ которыми къ нимъ обращаются адъютанты, разсылаютъ своихъ адъютантовъ во всѣ концы и сами безпрерывно скачутъ; однимъ словомъ, они хотятъ сами все сдѣлать и оттого ничего не дѣлаютъ. Я считаю такихъ генераловъ людьми, у которыхъ голова идетъ кругомъ, которые болѣе ничего не

видятъ, и которые умѣютъ дѣлать только то, что они дѣлали всю свою жизнь,—разумѣю фронтовыя ученія. Отчего это происходитъ? Оттого, что весьма мало есть людей, занимающихся высшими сторонами войны; что большинство офицеровъ занимается только строевыми ученіями и думаетъ, будто все военное искусство заключается въ нихъ однихъ: попадая въ главнокомандующіе, такіе офицеры оказываются полными новичками, и *не умѣя дѣлать то, что нужно, они дѣлаютъ то, что умѣютъ*".

Мы оставили кн. Багратіона въ ту минуту, когда онъ стоялъ на баттареѣ Тушина и на все отвѣчалъ словомъ, или выраженіемъ лица: „хорошо". По новымъ донесеніямъ онъ счелъ за нужное переѣхать къ правому флангу, гдѣ получилъ донесеніе отъ полковаго командира, что полкъ его (сбившійся уже въ кучу) выдержалъ кавалерійскую атаку, „хотя трудно было съ достовѣрностью сказать, была ли отбита атака, или полкъ былъ разбитъ атакой".

„Кн. Багратіонъ наклонилъ голову въ знакъ того, что все это было совершенно такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ. Обратившись къ адъютанту, онъ приказалъ ему привести съ горы два баталіона 6-го егерскаго, мимо которыхъ они сейчасъ проѣхали. Кн. Андрея поразила въ эту минуту перемѣна, происшедшая въ лицѣ князя Багратіона. Лицо его выражало ту сосредоточенную и счастливую рѣшимость, которая бываетъ у человѣка, готоваго въ жаркій день броситься въ воду и берущаго послѣдній разбѣгъ. Не было ни невыспавшихся тусклыхъ глазъ, ни притворно *)-глубокомысленнаго вида: круглые, твердые, ястребиные глаза восторженно и нѣ-

*) Такъ казалось кн. Андрею.

сколько презрительно смотрѣли впередъ, очевидно ни на чемъ не останавливаясь, хотя въ его движеніяхъ оставалась прежняя размѣренность и медленность".

И такъ, минута схвачена: подходятъ баталіоны, живые баталіоны, такіе, какими умѣетъ ихъ рисовать только графъ Толстой. Вотъ они поравнялись, вотъ имъ сказали: „Молодцами ребята!" Остановили, приказали снять ранцы.

„Багратіонъ объѣхалъ прошедшіе мимо него ряды*) и слѣзъ съ лошади. Онъ отдалъ казаку поводья, снялъ и отдалъ бурку, расправилъ ноги и поправилъ на головѣ картузъ. Голова французской колонны, съ офицерами впереди, показалась изъ подъ горы".

Съ человѣкомъ, который въ подобную минуту все это продѣлываетъ спокойно, люди, каковы бы они ни были, не могутъ не быть спокойны; не могутъ допустить даже мысли, чтобы была на свѣтѣ такая сила, которая ихъ бы сломила и которой они не сломили бы... Настала торжественная минута, именно та, въ которую главнокомандующій не долженъ щадить себя. Багратіонъ—воспитанникъ суворовской школы—угловъ и линій не зналъ, но эти минуты зналъ.

„Съ Богомъ!" проговорилъ Багратіонъ твердымъ, слышнымъ голосомъ, на мгновеніе обернулся къ фронту и, слегка размахивая руками, неловкимъ шагомъ кавалериста, какъ бы трудясь, пошелъ впередъ по неровному полю. *Кн. Андрей чувствовалъ, что какая-то непреодолимая сила влечетъ его впередъ, и испытывалъ большое счастье*".

---

*) Т. е. заглянулъ въ лицо каждому солдату—повтореніе того же: „ужъ не робѣете ли вы тутъ?" только въ другой формѣ.

И то, что испытывалъ въ эту минуту кн. Андрей, конечно испытывалъ послѣднiй изъ солдатъ въ баталiонахъ, предводимыхъ кн. Багратiономъ. Вотъ что выигрываетъ и рѣшаетъ сраженiя, скажемъ словами маршала Саксонскаго, а не тѣ распоряженiя, отсутствiе которыхъ со стороны Багратiона такъ поразило князя Андрея... Людямъ, незнакомымъ съ этой страшной игрой, въ которой ставками являются тысячи, иногда и десятки тысячъ человѣческихъ головъ, кажется, будто въ бою стрѣляютъ только пулями, ядрами, картечью,--нѣтъ: тамъ стрѣляютъ еще и живой картечью, т. е. массами людей, и одерживаетъ верхъ только тотъ, кому дана внутренняя сила сплотить массу людей въ одно существо и устремить ихъ къ цѣли съ неуклонимостью бездушнаго снаряда... Князь Багратiонъ былъ одинъ изъ искуссныхъ стрѣлковъ въ этой стрѣльбѣ. Приготовить снарядъ, захвативъ его въ свой взглядъ, прицѣлить, выпустить наконецъ, именно въ ту минуту, когда это сдѣлать всего выгоднѣе—не раньше и не позже—все это вещи до такой степени трудныя, что даются избраннымъ, исключительнымъ натурамъ. И всякiй безпристрастный наблюдатель долженъ признать, что на такихъ людяхъ лежитъ печать избранiя,—какъ бы они ни казались иногда незначущи, иногда пошлы, иногда даже грязноваты въ другихъ обыденныхъ сферахъ жизни.

Атака двухъ баталiоновъ, предводимыхъ Багратiономъ, конечно, была удачна и обезпечила отступленiе на правомъ флангѣ *).

---

*) Любопытно было бы, знать, кому кн. Андрей приписалъ бы успѣхъ этой атаки и кто, по его мнѣнiю, въ этомъ случаѣ атаковалъ: *онъ* ли, Багратiонъ, не убившiй ни одного человѣка, или *они*, стрѣлявшiе и коловшiе!?

Считаемъ излишнимъ вдаваться въ разборъ происходившаго на остальныхъ пунктахъ мѣста побоища; но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи указать на то неподражаемое мастерство, съ которымъ очерчены: добродушная, робкая, штатская, неказистая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, героическая фигура Тушина; сцена распри „Богданыча“ съ тѣмъ полковымъ командиромъ, который представлялъ свой полкъ на смотръ подъ Браунау; безсиліе этого послѣдняго остановить свой бѣжавшій полкъ, „не смотря на отчаянный крикъ прежде столь грознаго для солдатъ его голоса“; подвигъ Тимохина—запуганнаго, пьяненькаго Тимохина, съ одной своей ротой возстановляющаго бой; нахальнаго Долохова, лѣзущаго со взятыми трофеями къ полковому командиру и мимоходомъ, за одно присваивающаго себѣ то, что сдѣлалъ Тимохинъ, т. е. остановку роты, когда бѣжалъ весь полкъ.

Бой кончился; на всѣхъ пунктахъ приказано отступать.

„Въ темнотѣ какъ будто текла невидимая, мрачная рѣка, все въ одномъ направленіи, гудя топотомъ, говоромъ и звуками копытъ и колесъ. Въ общемъ гулѣ, изъ за всѣхъ другихъ звуковъ, яснѣе всѣхъ были стоны и голоса раненыхъ, во мракѣ ночи. Ихъ стоны, казалось, наполняли собой весь этотъ мракъ, окружавшій войска. Ихъ стоны и мракъ этой ночи—это было одно и то же“.

Остановили.

„Теперь уже не текла, какъ прежде, во мракѣ невидимая рѣка, а будто послѣ бури укладывалось и трепетало мрачное море“.

Передъ вами, какъ живой, стоитъ тотъ тысячеголовый организмъ, который называютъ войскомъ!

Мало по малу части начали устанавливаться по бивакамъ. По дорогѣ, на которой останови-

лась баттарея Тушина, проходятъ отбившіеся отъ своихъ частей солдаты, раненые; четверо проносятъ на шинели что то тяжелое.—„Кончился, что-же его носить?—сказалъ одинъ изъ нихъ.— Ну васъ! И они скрылись во мракѣ со своею ношей“.

Но вотъ Тушина потребовали къ кн. Багратіону. Для рельефа послѣдующей сцены, обратимся опять къ Трошю. „Многіе изъ военныхъ усваиваютъ себѣ, часто совершенно искренно и по убѣжденію въ необходимости этого, особенную физіономію, привычки, рѣчь *). Эта манера, такъ сказать напускная, исчезаетъ въ бою *неодолимо* и замѣняется другой, соотвѣтствующей врожденнымъ инстинктамъ человѣка. Тамъ люди хорошаго закала и дѣйствительно храбрые проявляютъ это качество блистательно; другіе, въ обыкновенное время бойкіе на словахъ, когда дѣло идетъ о войнѣ, впадаютъ въ мрачное, убитое молчаніе; храбрые на словахъ, всегда, повидимому, готовые на бой и поэтому пріобрѣтшіе теоретическую репутацію неустрашимости, являются глубоко смущенными; нѣкоторые даже постыдно исчезаютъ во время дѣла, неспособные обуздать свое волненіе и оцѣнить его послѣдствія. Третьи, хотя и подвержены мучительной тревогѣ, сдерживаютъ ее усиліемъ воли; но они ничего не видятъ, не слышатъ, не могутъ собрать своихъ мыслей и одинаково неспособны предводить или быть предводимыми. Люди хладнокровные, кроткіе, считаемые зачастую робкими **) въ

*) Этотъ намекъ весьма хорошо поясняется одной замѣткой, сдѣланной, если не ошибаемся, Жоржъ-Зандъ, которая, характеризуя какого то генерала, говоритъ, что даже на стаканъ съ водой, который бралъ, онъ считалъ нужнымъ бросить повелительный взглядъ.

**) Тушинъ, Тимохинъ.

мирное время, обнаруживаютъ увлекающую храбрость и даютъ наилучшій примѣръ; сумасброды, у которыхъ, повидимому, голова не совсѣмъ въ порядкѣ, являютъ спокойствіе, здравость сужденія, распорядительность въ неожиданныхъ размѣрахъ. Во всемъ бой есть безошибочный оселокъ, дающій мѣру способностей и мужества каждаго, помимо его и независимо отъ него.

„Послѣ сраженія, большая часть оставшихся въ живыхъ мало по малу принимаетъ свою обычную манеру и физіономію, повидимому и не помня даже о своемъ преображеніи во время боя; и представляется тогда наблюденію другое, новое зрѣлище: каждый, въ мѣрѣ, допускаемой его положеніемъ, усиливается утвердить за собой славу успѣха, отклонить отвѣтственность за неудачу. Самолюбіе, гордость, честолюбіе заставляютъ пускаться въ продѣлки, которыя часто бываютъ не искренни и даже предосудительны. Бой, во время котораго служили общему дѣлу съ лицомъ, поневолѣ открытымъ, уже забытъ; начинается другой бой—личныхъ интересовъ. Не одинъ ловкачъ является передъ общимъ мнѣніемъ въ маскѣ и требуетъ его благосклонности, съ мѣстомъ въ бюллетенѣ и въ наградномъ спискѣ. И отъ этого, сколько сомнительныхъ подвиговъ, удостоившихся чести опубликованія! Сколько подвиговъ дѣйствительной храбрости и самоотверженія проходятъ безвѣстно, или узнаются слишкомъ поздно, благодаря тому, что виновники этихъ подвиговъ не трубили объ нихъ, или же поплатились за нихъ жизнью, что̀ часто бываетъ; или же, наконецъ, тяжело изувѣченные, не находятся налицо.

„Часто мнѣ приходилось видѣть все это и каждый разъ становилось тяжело: *это эксплуатація войны*, въ которой убитые, раненые, безъ вѣсти пропавшіе и скромные проигрываютъ; ос-

тавшіеся въ живыхъ, находящіеся налицо и нахальные—выигрываютъ."

Теперь перейдемъ въ избу, занимаемую кн. Багратіономъ, по близости баттареи Тушина. Собрались нѣкоторые изъ начальниковъ частей, свита кн. Багратіона тутъ же.

„Полковой командиръ, представлявшійся подъ Браунау, докладывалъ князю, что, какъ только что началось дѣло, онъ отступилъ изъ лѣса и, пропустивъ дроворубовъ, съ двумя баталіонами ударилъ въ штыки и опрокинулъ французовъ.

„Какъ я увидалъ, ваше сіятельство, что первый баталіонъ разстроенъ, я сталъ на дорогѣ и думаю: „пропущу этихъ и встрѣчу батальнымъ огнемъ"; такъ и сдѣлалъ.

„При чемъ долженъ замѣтить, В. С., продолжалъ онъ, *вспоминая о разговорѣ Долохова съ Кутузовымъ* и о послѣднемъ своемъ свиданіи съ разжалованнымъ,—что рядовой, разжалованный, Долоховъ на моихъ глазахъ взялъ въ плѣнъ французскаго офицера и особенно отличился". О Тимохинѣ, о томъ, какъ полкъ шарахнулъ назадъ, не слушая его, въ мирное время грознаго, голоса,—ни слова. Эксплуатація войны начинается. Отсутствующій остался въ проигрышѣ, говорунъ и нахалъ выиграли.

„Здѣсь то я видѣлъ, В. С., атаку павлоградцевъ, *безпокойно оглядываясь,* вмѣшался Жерковъ, который вовсе не видалъ въ этотъ день гусаръ, а только слышалъ о нихъ отъ пѣхотнаго офицера.—Смяли два каре, ваше сіятельство".

Этотъ еще не вполнѣ успѣлъ влѣзть въ свою до—и послѣ—боевую маску; лжетъ онъ уже бойко и хлестко, но еще безпокойно оглядывается; его мучитъ опасеніе, не видѣлъ ли кто того, что, бывъ посланъ съ приказаніемъ, онъ и близко даже не подъѣхалъ къ тому мѣсту,

куда былъ посланъ. Пройдетъ нѣсколько времени, онъ оглядываться перестанетъ и до мельчайшихъ подробностей начнетъ описывать, какъ гусары наскочили на каре, какъ были встрѣчены залпомъ, какъ не смотря на это, ворвались и т. д . . .

Входитъ Тушинъ, робкій и сконфуженный, какъ и всегда при видѣ начальства; споткнулся на древко взятаго французскаго знамени и возбудилъ тѣмъ смѣхъ нѣкоторыхъ изъ свиты, Жеркова въ особенности.

„Какимъ образомъ орудіе оставлено?" спросилъ Багратіонъ, нахмурившись не столько на него, сколько на веселенькихъ штабныхъ. Тушину, остановившему со своею одною баттареей, безъ всякаго содѣйствія пѣхоты и конницы, наступленіе французовъ въ центрѣ, „Тушину теперь только, при видѣ грознаго начальства, во всемъ ужасѣ представилась его вина и позоръ въ томъ, что онъ, оставшись живъ, потерялъ два орудія . . . . " Онъ стоялъ передъ Багратіономъ съ дрожащею нижнею челюстью и едва проговорилъ: не знаю . . . ваше сіятельство . . . людей не было, ваше сіятельство„.

—„Вы бы могли изъ прикрытія взять!" Котораго не было. Но Тушинъ не сказалъ того, боясь *подвести* другого начальника . . . Скромный начиналъ проигрывать и рисковалъ проиграть тѣмъ больше, чѣмъ совершонный имъ подвигъ былъ выше . . . Его выручилъ, наконецъ, какъ извѣстно, кн. Андрей, рѣзко высказавшій, что сдѣлала и въ какомъ положеніи была баттарея, когда пришло приказаніе отступать. А жаль, что выручилъ, потому жаль, что на дѣлѣ чаще случается такъ, какъ говоритъ Трошю. Впрочемъ кн. Андрею не совсѣмъ повѣрили.

Вотъ *выдуманные, но живые люди*; они му-

чатся, гибнутъ, дѣйствуютъ, лгутъ, дѣлаютъ великіе подвиги, низко трусятъ: все это такъ, какъ настоящіе люди; и потому-то они высоко поучительны; и потому-то достоинъ будетъ сожалѣнія тотъ военный дѣятель, который не зарубитъ себѣ, благодаря разсказу гр. Толстого, какъ неразсчетливо приближать къ себѣ господъ вродѣ Жеркова, какъ зорко нужно приглядываться, чтобы увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ Тушиныхъ, Тимохиныхъ; какъ нужно быть проницательно-осторожнымъ, чтобы не произвести въ герои какого нибудь Жеркова, или исправнаго и столь умно-распорядительнаго послѣ боя безъименнаго полкового командира.

II.

Авторъ „Войны и Мира“ не ограничивается однимъ изображеніемъ военныхъ сценъ и военныхъ типовъ, но вдается и въ теоретическія разсужденія по поводу такихъ, напр., вопросовъ: возможна ли какая нибудь теорія въ военномъ искусствѣ? Какое значеніе главнокомандующаго въ арміи? Какія причины вызвали міровое движеніе 1812 года? Рѣшенія на эти вопросы даетъ иногда онъ самъ, иногда герой его романа, кн. Андрей. Въ разборѣ мнѣній относительно этихъ вопросовъ намъ придется нѣсколько повторяться, такъ какъ одна и та же мысль повторяется иногда по нѣскольку разъ и въ сочиненіи, только въ измѣненной формѣ.

Хотя во взглядахъ кн. Андрея и автора есть много общаго, но отдѣлять эти взгляды необходимо, по той причинѣ, что кн. Андрей, и по своимъ личнымъ свойствамъ, и по времени, въ которое жилъ, не могъ смотрѣть на нѣкоторыя вещи иначе, какъ заставляетъ его авторъ смотрѣть на

нихъ. При томъ же авторъ—живописецъ; кн. Андрей мечталъ быть практическимъ дѣятелемъ: вслѣдствіе этого односторонния разсужденія того и другого объясняются причинами совершенно различными, что̀ при разборѣ необходимо принимать въ расчетъ. То, что въ кн. Андреѣ является слѣдствіемъ жизненныхъ неудачъ, въ авторѣ есть не болѣе, какъ увлеченіе, неизбѣжное въ художникѣ, когда онъ выходитъ изъ сферы творчества, свойственной его таланту.

Кн. Андрей принадлежитъ къ числу тѣхъ, нерѣдко встрѣчаемыхъ характеровъ, которые, по странному капризу природы, представляютъ соединеніе громадныхъ претензій съ недостаткомъ силъ для ихъ удовлетворенія. Гр. Толстой воспроизвелъ этотъ типъ художественно вѣрно; не смотря на всю свою симпатію къ кн. Андрею, онъ выставилъ этого послѣдняго опрометчивымъ, рѣшающимъ вопросы, иногда очень сложные, съ плеча, способнымъ отъ природы, но пустымъ въ практическомъ смыслѣ—capable de tout et propre à rien *), какъ говорятъ французы. Не польстилъ авторъ своему герою, но распорядился, какъ истинный художникъ: взявъ извѣстныя данныя характера, онъ безпощадно, до конца, развилъ всѣ ихъ послѣдствія.

Просимъ припомнить появленіе кн. Андрея на сцену: въ свѣтѣ онъ щурится, едва отвѣчаетъ, всѣхъ и вся третируетъ съ высоты своего величія; предъ вами человѣкъ, который изо всѣхъ силъ бьется, чтобы *не быть,* а *казаться*, который играетъ роль, который не есть сила, а только претензія на силу. Замѣтивъ пустоту сферы, къ которой принадлежалъ, кн. Андрей уже и это вмѣнилъ себѣ въ особенную заслугу: иначе онъ

*) Ко всему *способнымъ,* ни на что *не годнымъ.*

не рисовался бы такъ своимъ презрѣніемъ, не старался бы съ такой аффектаціей его проявлять.

Открывается война 1805 года: кн. Андрей, не стѣсняясь, пользуется привиллегіями той среды, которую, повидимому, такъ презираетъ, и поступаетъ адъютантомъ къ Кутузову, съ мечтою обрѣсти на полѣ сраженія свой „Тулонъ", т. е. попасть въ Наполеоны. А въ ожиданіи Тулона, кн. Андрей, сдѣлавшись адъютантомъ, весьма легко и скоро усвоиваетъ себѣ нравы передней главнокомандующихъ, примѣняя къ дѣлу „неписанную" субординацію не хуже любого Жеркова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ личность, по своему собственному убѣжденію, высокоодаренная, онъ считаетъ для себя лишнимъ то тяжелое, трудовое пребываніе въ подмастерьяхъ, которое одно дѣлаетъ мастеромъ: онъ, не видавшій ни разу войны лицомъ къ лицу, является на нее съ готовыми и законченными военными взглядами.

Прочитавъ, съ грѣхомъ пополамъ, съ полъдесятка Фулей подъ разными заглавіями и фамиліями, онъ вообразилъ, что знаетъ до такой степени глубоко военное дѣло, что, выйдя на практику, можетъ только другихъ учить, но самому ему учиться нечему.

По счастливой случайности, онъ попадаетъ въ завидное положеніе: получаетъ возможность наблюдать шагъ за шагомъ работу такихъ учениковъ Суворовской школы, какъ Кутузовъ, Багратіонъ. Кажется, чего лучше? Присматривайся, размышляй и вводи въ свои теоретическіе взгляды тѣ поправки, которыя даетъ высшая изъ книгъ — книга жизни. Не тутъ то было: какъ неисправимый доктринеръ, онъ не можетъ допустить мысли, что *онъ* ошибается; нѣтъ, скорѣе лжетъ жизнь.

И вотъ онъ удивляется *ничегонедѣланью*

Багратіона, собирается заявить свой планъ Аустерлицкаго сраженія на военномъ совѣтѣ, въ который попалъ не по праву, а по личнымъ отношеніямъ къ Кутузову. А факты, между тѣмъ, развиваются своимъ чередомъ, обнаруживая несостоятельность и военныхъ взглядовъ, и претензій кн. Андрея.

Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что онъ, убѣдившись изъ горькаго опыта, какъ трудно съ одного скачка попасть въ Наполеоны, начинаетъ проповѣдывать, что и Наполеонъ—вздоръ и дѣло, которымъ этотъ послѣдній такъ геніально орудовалъ,—тоже вздоръ.

Иначе и быть не могло: кн. Андрей до такой степени вѣровалъ въ свои таланты и непогрѣшимость, что извѣдавъ несостоятельность *своей* теоріи, неминуемо долженъ былъ притти къ выводу, что и не можетъ быть никакой теоріи въ военномъ дѣлѣ. Искать, двадцать разъ падать и двадцать разъ подниматься, проходя черезъ всю муку сомнѣній и разочарованія,—было не въ натурѣ кн. Андрея. Богъ знаетъ почему, онъ воображалъ, что ему все должно легко даваться. Самъ онъ говоритъ, хоть и по другому поводу, что *онъ прощать не способенъ;* какъ же ему было простить теоріи военнаго искусства? Вѣдь онъ такъ жестоко на ней осѣкся....

Жаль его: человѣкъ честный, до извѣстной степени; пожалуй, даже способный и съ характеромъ, но практически—пустой.

Ищетъ онъ своего призванія вездѣ; но нигдѣ его не находитъ, нигдѣ, такъ сказать, корней пустить не можетъ: однимъ словомъ—маленькій великій человѣкъ, ко всему способный, ни на что не годный.

Правда, онъ былъ живымъ упрекомъ Кутузову въ Бухарестѣ по своей дѣятельности и сдѣ-

лалъ много практическихъ нововведеній у себя въ деревнѣ; но авторъ *разсказываетъ это отъ себя,* не обрисовывая своего героя въ сказанныхъ двухъ положеніяхъ *ни одной сценой.*

По нашему мнѣнію, это признакъ большого художественнаго такта со стороны автора: сцены, въ которыхъ кн. Андрей явился бы плодотворнымъ практическимъ дѣятелемъ, были бы диссонансомъ въ общемъ обликѣ этого характера: авторъ отъ нихъ и воздержался.

Позволяемъ себѣ думать, что въ этой характеристикѣ кн. Андрея мы ничего не навязали ему отъ себя; факты взяты изъ творенія гр. Толстого: намъ принадлежитъ только освѣщеніе тѣхъ сторонъ ихъ, которыя авторъ оставилъ въ тѣни, изъ чувства совершенно понятной симпатіи къ своему герою.

Послѣ всего сказаннаго станетъ понятно, почему кн. Андрей относился къ дѣлу, въ которомъ ему не повезло, съ предвзятою, хотя, можетъ быть, и незавѣдомою для него, т. е. совершенно искреннею, односторонностью. Онъ долженъ былъ: или признать возможность искусства въ военномъ дѣлѣ и свое въ немъ неискусство; или же оставаться при вѣрѣ въ свои великія способности и тогда отрицать возможность военнаго искусства и военнаго генія. Онъ выбралъ, конечно послѣднее.

Это подтверждается вполнѣ двумя мѣстами IV части „Войны и Мира", въ которыхъ кн. Андрей высказываетъ свои военные взгляды. Первое изъ нихъ—размышленіе кн. Андрея по поводу военнаго совѣта, имѣвшаго слѣдствіемъ оставленіе Дрисскаго лагеря; второе—разговоръ его съ гр. Пьеромъ на Бородинскомъ полѣ.

...„Пренія продолжались долго, и чѣмъ дольше они продолжались, тѣмъ больше разгорались

споры, доходившіе до криковъ и личностей, и тѣмъ менѣе было возможно вывести какое нибудь общее заключеніе изъ всего сказаннаго. Князь Андрей, слушая этотъ разноязычный говоръ и эти предположенія, планы и опроверженія и крики, только удивлялся тому, что они всѣ говорили. Тѣ, давно и часто приходившія ему, во время его военной дѣятельности, мысли, что нѣтъ и не можетъ быть никакой военной науки, *и поэтому (?) не можетъ быть никакого, такъ называемаго, военнаго генія,* теперь получили для него совершенную очевидность истины. Какая же могла быть теорія и наука въ дѣлѣ, котораго условія и обстоятельства неизвѣстны, и не могутъ быть опредѣлены, въ которомъ сила дѣятелей войны еще менѣе можетъ быть опредѣлена? Никто не могъ и не можетъ знать, въ какомъ будетъ положеніи наша и непріятельская арміи черезъ день, и никто не можетъ знать, какая есть сила этого или того отряда. Иногда, когда нѣтъ труса впереди, который закричитъ: „мы отрѣзаны“! и побѣжитъ, а есть веселый, смѣлый человѣкъ впереди, который крикнетъ „ура!“, отрядъ въ 5 т. стоитъ 30-ти тысячъ, какъ подъ Шенграбеномъ, а иногда 50 т. бѣгутъ передъ 8-ю, какъ подъ Аустерлицемъ.—Какая же можетъ быть наука въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ во всякомъ практическомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть опредѣлено, и все зависитъ отъ безчисленныхъ условій, значеніе которыхъ опредѣляется въ одну минуту, про которую никто не знаетъ, когда она наступитъ. Армфельдъ говоритъ, что наша армія отрѣзана, а Паулучи говоритъ, что мы поставили французскую армію между двухъ огней; Мишо говоритъ, что негодность Дрисскаго лагеря состоитъ въ томъ, что рѣка позади, а Пфуль говоритъ, что въ этомъ его

сила. Толь предлагаетъ одинъ планъ, Армфельдъ предлагаетъ другой; и всѣ хороши, и всѣ дурны, и выгоды всякаго предложенія могутъ быть очевидны только въ тотъ моментъ, когда совершится событіе. И отчего всѣ говорятъ: геній военный. Развѣ геній тотъ человѣкъ, который во̀ время умѣетъ велѣть подвезти сухари и идти тому направо, тому налѣво? Оттого только, что военные люди облечены блескомъ и властью *) и массы подлецовъ льстятъ власти, придавая ей несвойственныя (?) качества генія. Напротивъ, лучшіе генералы, которыхъ я зналъ,—глупые **) или разсѣянные люди. Лучшій — Багратіонъ—самъ Наполеонъ призналъ это. А самъ Бонапарте! Я помню самодовольное и ограниченное его лицо на Аустерлицкомъ полѣ. Не только генія и какихъ нибудь качествъ особенныхъ не нужно хорошему полководцу, но напротивъ ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ, лучшихъ человѣческихъ качествъ—любви (!), поэзіи, нѣжности (!), философскаго (!), пытливаго (!) сомнѣнія. Онъ долженъ быть ограниченъ, твердо увѣренъ въ томъ, что то, что̀ онъ дѣлаетъ, очень важно ***) (иначе у него не достанетъ терпѣнія), и тогда только онъ будетъ храбрый полководецъ. Избави Богъ, коли онъ человѣкъ, полюбитъ кого нибудь, пожалѣетъ, подумаетъ о томъ, что̀ справедливо и нѣтъ. Понятно, что изстари еще для нихъ под-

*) Наполонъ уже теперь не имѣетъ власти, а его все же считаютъ геніемъ; Макка, даже когда онъ былъ окруженъ блескомъ и властью, вѣроятно никто, кромѣ его адъютантовъ, геніемъ не считалъ.

**) Кутузовъ въ томъ числѣ?

***) Трудно считать неважнымъ дѣло, отъ котораго зависитъ судьба сотенъ тысячъ головъ, а иногда и государства. При томъ же, чѣмъ бы ни занимался человѣкъ, онъ не можетъ не признавать своего дѣла важнымъ, ибо никто не станетъ заниматься дѣломъ, на которое онъ смотритъ, какъ на вздоръ.

дѣлали теорію геніевъ, потому что они—власть. Заслуга въ успѣхѣ военнаго дѣла зависитъ не отъ нихъ, а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричитъ: пропали, или закричитъ: ура! И только въ этихъ рядахъ можно служить съ увѣренностью, что ты полезенъ!"

Не трудно видѣть, что эта тирада не имѣетъ собственно никакого отношенія къ Дрисскому военному совѣту, а есть плодъ болѣзненно-желчнаго настроенія, охватившаго кн. Андрея послѣ неудачной попытки попасть въ Наполеоны и съ тѣхъ поръ его непокидавшаго. Дѣйствительно: если неурядица этого военнаго совѣта и могла привести безпристрастнаго человѣка къ какому либо заключенію, то развѣ къ тому, которое о совѣтахъ высказано еще Евгеніемъ Савойскимъ: *„лучшее средство ни на что не рѣшиться—это спросить мнѣніе у военнаго совѣта* *). Поэтому то военные люди, понимающіе, какъ дѣла дѣлаются, собираютъ совѣты не за тѣмъ, чтобы получить отъ нихъ рѣшеніе, а напротивъ—затѣмъ, *чтобы вдохнуть въ нихъ свою собственную рѣшимость.* Таковъ былъ совѣтъ Кутузова въ Филяхъ, Наполеона послѣ Асперпской неудачи, Фридриха передъ Лейтенскимъ сраженіемъ. Всякому извѣстно, что въ собраніи сколько головъ, столько и умовъ: нечего, слѣдовательно, и ожидать отъ собранія постановки какой нибудь *одной* мысли, или цѣли: это—принадлежность *единичной* головы; собраніе, въ свою очередь, получивъ мысль, разработываетъ подробности ея осуществленія и разноситъ ее по всему воинскому организму. Дрисскому совѣту предоставлена была роль, совѣту несвойственная, и будь онъ составленъ не изъ Арм-

---

*) Un général ayant envie de ne rien entreprendre, n'a qu'a tenir conseil de guerre.

фельдовъ, Фулей и проч., а хоть изъ Наполеоновъ, онъ ни къ чему иному не привелъ бы, кромѣ пустыхъ, безплодныхъ споровъ и пререканій.

Военное искусство тутъ ни причемъ. Князю-же Андрею кажется, будто неурядица этого совѣта служитъ подтвержденіемъ того, что нѣтъ, и не можетъ быть, ни науки, ни теоріи въ военномъ дѣлѣ, ни, наконецъ, военнаго генія *): не очевидно ли, что дѣло тутъ не въ совѣтѣ, не въ томъ либо другомъ фазисѣ военнаго дѣла, а въ томъ только, чтобы лишній разъ сказать себѣ, что нѣтъ ни военнаго искусства, ни военнаго генія? Развитіе рѣчи вполнѣ подтверждаетъ это; чтобы увѣрить себя въ несуществованіи противной теоріи военнаго искусства, кн. Андрей опирается, между прочимъ, и на то даже, что у всякаго изъ присутствовавшихъ былъ свой особенный планъ на одно и то же дѣло: неужели же ему была недоступна та простая и осязательная мысль, что къ каждой практической цѣли ведутъ тысячи путей и что дѣло въ томъ, чтобы дойти до нея, а не въ томъ, чтобы дойти непремѣнно извѣстнымъ путемъ? Вѣдь и въ математикѣ одно уравненіе со многими неизвѣстными получаетъ безчисленное множество рѣшеній; вѣдь и математика не даетъ правилъ на то какъ составлять изъ вопроса уравненіе; но слѣдуетъ ли изъ этого, что теорія математики не имѣетъ положительнаго значенія?

Смѣшавъ понятія о наукѣ и о теоріи, кн. Андрей силится доказать, что въ военномъ дѣлѣ нѣтъ ни науки, ни теоріи и, *слѣдовательно* (!),

---

*) Мы думаемъ наоборотъ, что неурядица Дрисскаго военнаго совѣта лучше всего показываетъ значеніе теоріи военнаго дѣла, ибо, зная ее, не забыли бы и того, чего можно ожидать отъ военнаго совѣта и чего нельзя.

не можетъ быть военнаго генія: опять выводъ, показывающій одно, что кн. Андрей былъ не способенъ что-бы то ни было разобрать послѣдовательно и безъ логическихъ скачковъ. Во первыхъ наука и теорія вовсе не одно и то же *), ибо теорія возможна и необходима во всякомъ искусствѣ; наука же въ немъ немыслима. Во вторыхъ, чѣмъ труднѣе какое либо дѣло, тѣмъ рѣже возможны мастера въ немъ и тѣмъ болѣе они принадлежатъ къ категоріи тѣхъ исключительныхъ личностей, которыхъ называютъ геніями.

Разовьемъ оба эти положенія.

Въ настоящее время никому въ голову не придетъ утверждать, будто можетъ быть *военная наука*; она немыслима точно также, какъ немыслимы науки: поэзіи, живописи, музыки; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы не было теоріи военнаго искусства, точно также, какъ она существуетъ во всякомъ мирномъ искусствѣ. Теорія въ этихъ послѣднихъ искусствахъ не дѣлаетъ Рафаэлей, Бетховеновъ, Гёте; но она даетъ имъ технику дѣла, безъ которой они никогда не могли бы подняться на ту высоту, которой достигли. Теорія военнаго дѣла не претендуетъ готовить не только Наполеоновъ, но даже и Тимохиныхъ; но она утверждаетъ въ знаніи свойствъ войскъ и мѣстности; она указываетъ на образцы творчества въ военной области и слѣдовательно облегчаетъ путь тѣмъ, кто отъ природы одаренъ военными способностями.

Если прибавить къ этому, что она со всею искренностью признаетъ свое безсиліе изслѣдовать третью и самую страшную данную въ военномъ дѣлѣ—данную случайностей; что она при-

*) Въ томъ смыслѣ, что всякая наука есть теорія; но не всякая теорія можетъ быть наукой.

знаетъ свою немощь указать снаровки управленія себѣ подобными,—то и окажется, что теорія военнаго искусства имѣетъ весьма нешуточное значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ человѣку успокоиться на мысли, будто онъ знаетъ *все* дѣло, узнавъ только *часть* его *). Рецептовъ на то, какъ созидать Аустерлицы, Фридланды, Ваграмы, швейцарскіе походы 99 года, Кениггрецы,—теорія военнаго дѣла не даетъ; но она представляетъ эти великіе образцы военнаго творчества для изученія военному человѣку, подобно тому, какъ живописецъ, музыкантъ, поэтъ изучаютъ великіе образцы, каждый въ своей спеціальности: не для того, чтобы имъ буквально подражать, но для того, чтобы проникаться ихъ духомъ.

Скажутъ, можетъ быть, что это современный взглядъ и потому кн. Андрей не могъ прійти къ нему; нѣтъ: этотъ взглядъ во всѣ эпохи составлялъ принадлежность всѣхъ тѣхъ людей, которые не только дѣлали войну, но и думали о ней.

Завирались въ теоріи, именно потому, что весьма рѣдкіе изъ теоретиковъ войну видѣли: но кн. Андрей видѣлъ ее; и если онъ пришелъ къ такимъ страннымъ выводамъ, то это могло произойти только отъ одного: онъ слишкомъ былъ поверхностенъ, чтобы здраво судить о войнѣ. Съ его стороны, для здравыхъ выводовъ, не требовалось даже особенной теоретической силы, или оригинальности ума, а только знакомство съ тѣмъ, что писали о войнѣ такіе люди, какъ маршалъ Саксонскій, Ллойдъ, Фридрихъ В. Но кн. Андрей, какъ диллетантъ, вѣроятно не любилъ заглядывать въ старыя книги, а предпочиталъ черпать

*) Какъ то случалось съ изучавшими „научныя" теоріи военаго дѣла, появившіяся въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія.

свою мудрость изъ модныхъ, современныхъ ему, произведеній.

Чѣмъ дальше развивается размышленіе кн. Андрея надъ темой, составлявшей, такъ сказать, больное мѣсто его натуры, тѣмъ онъ болѣе раздражается; дойдя до личнаго вопроса въ этой темѣ (можетъ или не можетъ быть военный геній) онъ просто переходитъ въ брань: военную геніальность сочинили подлецы, которые льстятъ власти! Опять доказательство, что тутъ дѣло шло о томъ только, чтобы позабавить личную свою раздражительность, а вовсе не о томъ, чтобы получить вѣрный выводъ. Ему даже и то въ голову не пришло, что полководцевъ были тысячи, а геніальность признана только за восемью или девятью изъ нихъ. И до чего можетъ доходить вывихъ ума при подобномъ внутреннемъ состояніи, кн. Андрей доказываетъ великолѣпно: вся та страшно трудная обстановка всякаго военнаго предпріятія, которую можетъ уяснить себѣ и выйти изъ нее побѣдителемъ только человѣкъ дѣйствительно изъ ряда вонъ, кажется кн. Андрею напротивъ аргументомъ въ пользу того, что военная геніальность немыслима! „Развѣ геній", восклицаетъ онъ, „тотъ человѣкъ, который во̀время умѣетъ велѣть подвезти сухари и идти тому направо, тому налѣво?"! Какъ же, какъ не геніемъ, спросимъ мы, назвать его, если за всю историческую жизнь человѣчества можно насчитать всего восемь — девять человѣкъ, которые были способны въ совершенствѣ дѣлать эту, столь простую для кн. Андрея, вещь; которые, имѣя дѣло съ такой силой, что сегодня 5 т. стоютъ 20 т., а завтра тѣ же 5 т. не будутъ стоить и 200 человѣкъ, умѣли устроить такъ, что ихъ 5 т., если не всегда, то въ большей части случаевъ стоютъ 20-ти т. непріятельскихъ?

Трудность не въ томъ, чтобы *велѣть* подвезти сухари, а въ томъ, чтобы *предвидѣть*, куда ихъ подвезти; не въ томъ, чтобы идти тому направо, тому налѣво, а чтобы разгадать, *почему* это нужно сдѣлать такъ, а не иначе, и разгадать при какой обстановкѣ? Именно подъ вліяніемъ „тѣхъ безчисленныхъ условій, значеніе которыхъ опредѣляется въ одну минуту, про которую никто не знаетъ, когда она наступитъ"—это признаетъ самъ же кн. Андрей. И все это дѣлается не навѣрняка, а основываясь на предположеніяхъ, выведенныхъ часто изъ самыхъ противорѣчивыхъ и неопредѣленныхъ данныхъ: нужно, слѣдовательно, обладать даромъ прозрѣнія, чтобы не попасть въ самый позорный просакъ, нужно имѣть, наконецъ, на столько воли, чтобы рѣшаться быстро на распоряженія; а между тѣмъ отъ нихъ зависитъ судьба сотенъ тысячъ головъ, иногда государства, и собственная будущность распорядителя. А въ это время къ нему всякій лѣзетъ кто съ претензіей, кто съ докладомъ, кто съ пріятнымъ донесеніемъ, что по новымъ извѣстіямъ все то, на чемъ онъ основалъ свои распоряженія, оказывается вздоромъ.

Принявъ только это въ расчетъ, не трудно видѣть, что плавать—не говоримъ хорошо, а хоть какъ нибудь—въ этомъ морѣ путаницы, безтолковщины, суеты, интригъ, противорѣчій, могутъ только люди далеко не дюжинные.

Князь Андрей какъ будто и самъ почувствовалъ, что, начавъ съ этого конца, пожалуй, докажешь обратное тому, что хочется доказать, и вслѣдствіе этого перемѣняетъ дирекцію, обращаясь къ разбору личныхъ качествъ лучшихъ генераловъ, ему извѣстныхъ. Выходитъ у него, что все это—глупые, или разсѣянные люди.

Уловка, къ которой кн. Андрей прибѣгаетъ, чтобы убѣдить себя въ этомъ и тѣмъ потѣшить свое уязвленное самолюбіе, до наивности простодушна; онъ ставитъ въ вину генераламъ недостатокъ не тѣхъ качествъ, которыя имъ необходимы, а тѣхъ, которыя совершенно излишни! Начинаетъ онъ съ указанія на Багратіона, забывъ даже, что въ обыденной жизни можно быть глупѣе послѣдняго свѣтскаго фата, а въ своей спеціальности стоять весьма высоко; забывъ даже, какъ самъ онъ былъ неодолимо увлеченъ въ атаку этимъ „глупымъ" человѣкомъ: увлеченъ такъ, какъ ему умнику увлекать не приходилось.

Но кн. Андрей не останавливается на Багратіонѣ: ему и „Наполеонъ—въ родѣ бородавки". „А самъ Бонапарте!" размышляетъ онъ: „я помню самодовольное и ограниченное его лицо на Аустерлицкомъ полѣ". Послѣ горькихъ уроковъ кн. Андрей остался, должно быть, очень молодымъ, если считалъ возможнымъ дѣлать оцѣнку геніальности или ограниченности по выраженію лица человѣка, котораго онъ видѣлъ въ горячечномъ бреду, мимолетомъ, только разъ въ жизни и не сказалъ ни одного слова съ тѣмъ человѣкомъ...

Подобной оцѣнки можно было бы ожидать развѣ только отъ институтки, которая, влюбившись по портрету въ какого либо героя, теряетъ къ нему не только симпатію, но даже и уваженіе, увидавъ неказистую его наружность въ натурѣ. Людямъ, подобнымъ кн. Андрею, герои не иначе рисуются, какъ въ живописной позѣ, съ глазами, устремленными въ небо, съ печатью вдохновенія на челѣ. Для нихъ внѣшность—все; и если она не презентабельна—кончено.

„Не только генія и какихъ нибудь качествъ особенныхъ не нужно хорошему полководцу, но напротивъ, ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ

и лучшихъ человѣческихъ качествъ — любви, поэзіи, нѣжности, философскаго, пытливаго сомнѣнія". А воля, увлекающая сотни тысячъ людей и внушающая имъ безграничную, собачью преданность къ такому, какъ и они, человѣку? А умъ, способный воспринимать всѣ впечатлѣнія съ такой изумительною вѣрностью, что по отдѣльнымъ, разрозненнымъ намекамъ онъ способенъ отгадать намѣренія противника, иногда во всемъ ихъ объемѣ? Для всякаго рода геніальности требуется сильное развитіе одной какой либо, или нѣсколькихъ, но далеко не всѣхъ сторонъ души человѣческой. Съ точки зрѣнія князя Андрея можно, вообще, отрицать существованіе геніальности. Дѣйствительно: возьмемъ, напр., геніальнаго поэта, который умѣетъ любить, нѣженъ до крайности и способенъ пытливо сомнѣваться; объ немъ можно также сказать: что же это за геній? У него нѣтъ даже на столько воли, чтобы не подчиняться своему лакею, или ключницѣ; а воображеніе до того беретъ у него поревѣсъ надъ умомъ, что онъ на каждомъ шагу дѣлаетъ себѣ изъ мухи слона. Такимъ путемъ можно отрицать, что угодно; скажутъ вамъ: какая талантливая танцовщица! Помилуйте, возразите вы: да она ни одной ноты вамъ не возьметъ!—Какой великій музыкантъ!—Нисколько не великій: онъ во всю жизнь не только не написалъ ни одной картины, но даже и кисти не умѣетъ взять въ руки! Способный дѣлать подобные приговоры, конечно, будетъ правъ, ибо фактъ можетъ быть дѣйствительно вѣренъ: танцовщица можетъ не имѣть понятія о пѣніи, музыкантъ о живописи. Но составляетъ ли это недостатокъ для той спеціальности, въ которой они сильны? Вотъ въ чемъ вопросъ. Къ сожалѣнію для людей, разсуждающихъ подобно кн. Андрею, этотъ вопросъ останется навсегда непостижимымъ.

„Заслуга въ военномъ дѣлѣ зависитъ не отъ нихъ (полководцевъ), а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричитъ: пропали! или закричитъ: ура! И только въ этихъ рядахъ можно служить съ увѣренностью, что ты полезенъ!"

Вслѣдствіе этого послѣдняго вывода кн. Андрей рѣшается взять полкъ въ арміи, хотя и командиръ полка едва ли много подѣлаетъ съ любовью, поэзіею, нѣжностью и философскимъ, пытливымъ сомнѣніемъ.

Кн. Андрей совершенно правъ, утверждая, что въ послѣдней инстанціи успѣхъ или неудача въ военномъ дѣлѣ зависитъ отъ солдатскаго ура! или: пропали! И что иногда 5 т. стоятъ 30, какъ подъ Голлабрюномъ, а иногда 50 т. бѣгутъ передъ 8-ю, какъ подъ Аустерлицемъ; но въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, онъ говоритъ, да не договариваетъ: и не договариваетъ именно на столько, сколько ему нужно для того, чтобы получить не тотъ выводъ, который слѣдуетъ по природѣ дѣла, а тотъ, который получить желательно.

Отчего-же происходитъ, что въ однихъ войскахъ чаще случается ура! а въ другихъ: пропали? Вѣдь если бы это была чистая случайность, ей не было бы резона повторяться чаще въ одной, нежели въ другой арміи? Отвѣтъ на это одинъ: „ура" и „пропали" зависитъ отъ умѣнья или неумѣнья начальника поднять нравственный уровень своихъ войскъ до той степени, на которой они являются менѣе подверженными вліянію неожиданностей. Отчего у Суворова *никогда* не бѣгали, у Багратіона подъ Голлабрюномъ тоже не побѣжали, а подъ Аустерлицемъ побѣжали? Слѣдовательно „ура" и „пропали" являются вовсе не такою случайностью, какъ то кажется князю Андрею. У начальника, владѣющаго даромъ под-

держивать нравственное настроеніе войскъ на извѣстной высотѣ, „пропали“ станетъ, если не совершенно немыслимою, то во всякомъ случаѣ весьма рѣдкою случайностью. Все это фактъ неопровержимый и очевидный для всякаго безпристрастнаго наблюдателя.

Еще древніе подмѣтили эту зависимость настроенія массы отъ способности *одного*, выразивъ ее чрезвычайно мѣткой поговоркой: *лучше армія барановъ, предводимая львомъ, чѣмъ армія львовъ, предводимая бараномъ.* И что это такъ, кн. Андрей видѣлъ подъ Голлабрюномъ, или по крайней мѣрѣ могъ видѣть, если бы добивался правды, а не разсуждалъ бы только изъ-за желанія убѣдить себя въ томъ, что̀ болѣе пріятно его самолюбію.

Въ своемъ разговорѣ съ Пьеромъ кн. Андрей продолжаетъ развивать ту-же теорію, что дѣло зависитъ только отъ тѣхъ, которые стрѣляютъ и колютъ, а нисколько не отъ тѣхъ, которые назначаютъ первымъ, куда стрѣлять и кого колоть... „Тѣ, съ кѣмъ ты ѣздилъ по позиціи“, говоритъ онъ Пьеру, „не только не содѣйствуютъ общему ходу дѣлъ, но мѣшаютъ ему“.

Пьеръ ѣздилъ по позиціи съ Бенигсеномъ и его свитою, и тутъ кн. Андрей былъ правъ; но, какъ и во всемъ прочемъ, онъ не правъ тѣмъ, что по частному случаю дѣлаетъ общій выводъ; да и частные то случаи подъискиваетъ не по правдѣ, а по своему вкусу. Бенигсенъ можетъ быть дѣйствительно болѣе мѣшалъ, нежели помогалъ; но Кутузовъ, Багратіонъ, Ермоловъ, Дохтуровъ, Раевскій *не мѣшали.* Въ этомъ и бѣда князя Андрея, что когда ему нужно доказать, что распорядители мѣшаютъ, а не помогаютъ, онъ выставляетъ Бенигсена, забывъ всѣхъ прочихъ; если нужно доказать, что способные боевые люди раз-

сѣянны или глупы, онъ, не прибавивъ даже, *гдѣ* и *въ чемъ* глупы, сошлется на Багратіона, забывъ Кутузова, Ермолова и т. д. „Успѣхъ никогда не зависѣлъ и не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, ни отъ вооруженія, ни даже отъ числа; а ужъ меньше всего отъ позиціи.

— А отъ чего же?

— Отъ того чувства, которое есть во мнѣ, въ немъ, —онъ указалъ на Тимохина,—въ каждомъ солдатѣ". И которое находитъ поддержку въ позиціи, въ вооруженіи, въ числѣ, въ распоряженіяхъ, прибавимъ отъ себя.

Кн. Андрей говоритъ совершенно вѣрно о роли, которую играетъ духъ войскъ въ успѣхѣ или неудачѣ боя.

Но онъ какъ бы не понимаетъ того, что нравственное настроеніе, какъ сила высшая, слагается именно изъ всѣхъ тѣхъ мелочей, которыя, по его мнѣнію, не имѣютъ къ ней никакого отношенія. Всѣ эти мелочи (для кн. Андрея) относятся къ нравственному настроенію, какъ причины къ слѣдствію, или какъ силы составляющія къ равнодѣйствующей. Тѣ, которые судятъ объ этомъ дѣлѣ не поверхностно, не по первому впечатлѣнію, тѣ очень хорошо это понимаютъ; припомнимъ замѣчаніе Трошю на счетъ чрезвычайной чувствительности нравственнаго настроенія. Ему и въ голову не придетъ противополагать это настроеніе не только такимъ даннымъ, какъ вооруженіе, число, позиція, но даже и такимъ, какъ избытокъ холода или тепла. Каждая изъ этихъ силъ, сама по себѣ, можетъ иногда и не имѣть особеннаго вліянія; но бѣда въ томъ, что онѣ порознь не ходятъ, а дѣйствуютъ совмѣстно и современно. Солдатъ самый неразвитый, когда дѣло доходитъ до боя, жадно прислушивается ко всѣмъ толкамъ, которые ходятъ въ

арміи,—это гр. Толстой подмѣтилъ весьма вѣрно въ своемъ приступѣ къ Аустерлицкому бою. Солдатъ становится чрезвычайно воспріимчивъ къ этимъ толкамъ; если это такъ, то какимъ же чудомъ спасетъ онъ свою самоувѣренность и бодрость, если напр. узнаетъ, что у него оружіе хуже, чѣмъ у непріятеля, или что нибудь въ этомъ родѣ? Мы согласны, что подъ Бородинымъ изъ всѣхъ этихъ составляющихъ самою сильною было то патріотическое раздраженіе, которое заставляло нашихъ видѣть во всякомъ французѣ личнаго врага; но изъ того, что это раздраженіе было преобладающею силою, вовсе не слѣдуетъ, чтобы значеніе другихъ силъ приводилось къ нулю. Непріученный къ серьезному разбору фактовъ, расположенный обо всемъ дѣлать заключенія по первому непродуманному впечатлѣнію, кн. Андрей и здѣсь замѣтилъ только ту составляющую нравственнаго настроенія, которая рѣзко била въ глаза; и замѣтилъ тѣмъ легче, что это давало ему возможность своротить на свою любимую тему—ничтожества въ бою личностей руководящихъ. При большей привычкѣ ко всестороннему изслѣдованію фактовъ онъ могъ бы сдѣлать изъ того, о которомъ толкуетъ, только одинъ выводъ: именно, что *нравственная сила въ данную минуту зависитъ преимущественно отъ той изъ составляющихъ, которая почему либо на ту минуту пріобрѣтаетъ преобладающее значеніе*. Съ этой точки преобладающею силою будетъ: иногда разница въ вооруженіи, иногда разница въ побужденіяхъ, изъ-за которыхъ война ведется, и т. д. и т. д., до безконечности; а онъ думаетъ, что вѣрное относительно Бородина будетъ вѣрно и относительно всякаго другаго столкновенія.

Мы не останавливаемся на разборѣ разсужденій кн. Андрея о необходимости не брать въ

плѣнѣ, а убивать, на томъ основаніи, что отъ этого будто бы войны будутъ возникать только изъ-за основательныхъ причинъ; что „нравы военнаго сословія—отсутствіе свободы, т. е. дисциплина, праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство“; не останавливаемся потому, что это собственно и не разсужденія, а просто наборъ словъ, чтобъ душу отвести. Для кн. Андрея все дѣло было въ личныхъ ощущеніяхъ; онъ самъ проговорился: „кто дошелъ до этого такъ, какъ я, тѣми же страданіями“... Въ этомъ то все и дѣло, чтобы себя потѣшить, свою желчь поволновать: онъ лечитъ свое бобо. Кажется не трудно-бы замѣтить, что дисциплина—дѣло неизбѣжное не только въ военномъ, но и въ общественномъ организмѣ: разница только въ степени и характерѣ, но не въ принципѣ; что праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство не составляютъ отличительной принадлежности одного воинскаго организма, а процвѣтаютъ не меньше и внѣ его; но кн. Андрей этого не замѣтилъ, потому что очень ужъ разсердился; а когда человѣкъ разсердится, мало ли чего онъ не наговоритъ?

III.

Теоретическія воззрѣнія, принадлежащія собственно автору, носятъ на себѣ отпечатокъ односторонности, составляющей послѣдствіе сильной стороны его таланта, т. е. способности живописать отдѣльныя явленія. Всякій живописецъ, для того, чтобы картина была вѣрна, *долженъ* рисовать ее съ одной точки. Если онъ строго соблюдетъ при этомъ отношеніе свѣта и тѣни, изображеніе выходитъ до того художественно, что даетъ возможность дополнять воображеніемъ то,

что находится и за этой, *одной только,* представленной стороной. Какъ всякое вѣрное воплощеніе идеи, такое изображеніе проявляетъ ее *всю,* не смотря на то, что воспроизводитъ только одну ея сторону. Отъ этого и происходитъ, что художественное произведеніе наводитъ иногда критика на такія мысли, которыя самому художнику можетъ быть и не приходили въ голову въ моментъ творчества.

Условія вѣрнаго воспроизведенія *) той же идеи не посредствомъ образовъ, а путемъ умозаключеній, совершенно иныя: кто берется за подобную задачу, тотъ долженъ изслѣдовать идею уже не съ одной какой либо, а съ возможно большаго числа сторонъ; иначе выводъ получится односторонній, чтобы не выразиться иначе. Понятно, что кто привыкъ работать въ сферѣ, требующей для выполненія задачи не сходить, такъ сказать, съ одной точки, тотъ, при малѣйшей оплошности, впадетъ въ эту манеру и тамъ, гдѣ она совершенно перестаетъ соотвѣтствовать природѣ поставленной цѣли. Отъ этого и происходитъ, что большинство живописцевъ—плохіе философы, и наоборотъ: почти всѣ философы—плохіе живописцы, разумѣя, конечно, живопись словомъ. Первымъ трудно сдвинуться въ одной точки зрѣнія; вторымъ, напротивъ, невозможно установиться на одной точкѣ зрѣнія. Бываютъ исключенія **), но они до такой степени рѣдки, что за всю жизнь человѣчества ихъ считаютъ единицами.

Лучшее подтвержденіе сказанному—Гоголь: всякій знаетъ пропасть, отдѣляющую первую часть

*) Въ этомъ случаѣ *воспроизведеніе* обращается уже въ *развитіе* идеи.

**) Въ родѣ Гёте.

его „Мертвыхъ Душъ“ отъ „переписки съ друзьями“. Сильный въ одномъ извѣстномъ направленіи, онъ потерпѣлъ полное фіаско, какъ только вздумалъ сойти съ этого направленія.

Подобныя уклоненія не ограничиваются тѣмъ, что способный дать превосходные образы даетъ плохія отвлеченныя разсужденія; они ведутъ дальше, ибо отражаются впослѣдствіи и на художественности самихъ образовъ, которые авторъ стремится, можетъ быть незавѣдомо для самого себя, вогнать въ мѣрку проводимыхъ имъ отвлеченныхъ воззрѣній. Никто, конечно, не поставитъ рядомъ у того же Гоголя хоть „добродѣтельнаго“ напр. откупщика Муразова, нравоучительнаго Костанжогло съ любымъ изъ героевъ первой части „Мертвыхъ душъ“.

То же случилось и съ гр. Толстымъ, хотя не въ такой степени, и не дай Богъ, конечно, чтобы оно когда либо дошло до *такой* степени. *)

Въ IV части своего труда онъ нарушаетъ иногда художественную гармонію изображенія, чтобы подтвердить свои воззрѣнія на исторію и на военное дѣло.

Система его воззрѣній, собственно истори-ческихъ, приводится къ слѣдующему.

Война — событіе, противное человѣческому разуму и *всей* человѣческой природѣ; причины, которыя выставляются историками войнѣ 12 года, несостоятельны: „для насъ непонятно, чтобы мил-

*) Къ сожалѣнію, какъ всѣмъ извѣстно, *дошло*. Авторъ, усиленно настаивая въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ на томъ, что нормальный человѣкъ мыслимъ только въ полномъ единеніи съ природой и себѣ подобными, рядомъ съ этимъ отрицаетъ все то, что выработано человѣчествомъ для этого единенія, такъ какъ проповѣдуетъ чистѣйшую анархію. *Примѣч.* 1895 года.

ліоны людей—христіанъ убивали и мучили другъ друга, потому что Наполеонъ былъ властолюбивъ, Александръ твердъ, политика Англіи хитра и герц. Ольденбургскій обиженъ. *Нельзя понять, какую связь имѣютъ эти обстоятельства съ фактомъ убійства и насилія*".

Отвѣтимъ на это, во первыхъ, что война есть дѣло, противное *не всей человѣческой природѣ, а только одной сторонѣ этой природы,— именно человѣческому инстинкту самосохраненія,* что далеко не одно и то же. Въ человѣкѣ этотъ инстинктъ играетъ весьма видную, но далеко не исключительную роль: такъ, въ порядочномъ человѣкѣ и въ порядочномъ народѣ онъ подчиняется чувству личнаго достоинства, *) которое находитъ опору въ свойствахъ, столь же естественныхъ, какъ самосохраненіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ прямо ему противоположныхъ,—именно: въ чувствѣ самоотверженія, отвагѣ, упорствѣ и т. п. Взявъ это въ расчетъ, односторонность положенія гр. Толстого открывается сама собою; онъ могъ сказать, что война противна человѣческому инстинкту самосохраненія—и только; но вовсе не противна всей человѣческой природѣ *и въ особенности разуму*.

Иногда она противна разуму, иногда нѣтъ: зависитъ отъ того, *за что* война ведется. Какъ сила вершающая, разумъ не подчиняется никакимъ узенькимъ нормочкамъ азбучной морали.

Въ одномъ и томъ же, повидимому, дѣлѣ (но только повидимому) онъ приходитъ иногда къ положительному рѣшенію, иногда къ отрицательному. Вотъ природа человѣческаго разума и въ этомъ его превосходство надъ разумомъ звѣри-

*) Хорошо или дурно понятаго—это совершенно другой вопросъ, сюда не относящійся.

нымъ, который въ данныхъ особяхъ всегда приводитъ къ одному и тому же выводу; заяцъ уступаетъ всегда; тигръ или левъ не уступаютъ никогда; баранъ не можетъ хитрить; лисица не можетъ не хитрить и т. д. Человѣкъ *можетъ* все это. Имѣя это въ виду, странно сказать, что война—дѣло, противное человѣческой природѣ; если бы это было такъ, то человѣкъ никогда бы и не воевалъ; между тѣмъ вся исторія показываетъ обратное: не только воюетъ, но даже иногда изъ-за нелѣпыхъ *) побужденій воюетъ. Можетъ быть скажутъ, что это злоупотребленіе войною указываетъ на ея противоестественность; тогда нужно признать, что все существующее нелѣпо и противоестественно, ибо чѣмъ же нельзя злоупотреблять? Пусть вспомнятъ, изъ за чего возникла инквизиція; что огонь грѣетъ и производитъ пожары; пусть вспомнятъ, что́ дѣлаютъ деньги и въ хорошую и въ дурную сторону,—и тогда едва ли будутъ опрокидываться на войну, какъ на „*противное человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ событіе*. Война—явленіе, отъ человѣческой воли независящее: недаромъ Пироговъ называлъ ее „*травматическою эпидеміею*“.

Не менѣе странно и то положеніе, будто между фактами убійства и насилія съ одной стороны и между властолюбіемъ Наполеона, твердостью Александра и проч. (см. выше) съ другой—нѣтъ никакой связи; первое относится ко второму, какъ средство къ цѣли; нужно быть, или желать быть сильно предубѣжденнымъ, чтобы не видѣть этой связи. Можно сказать только одно: эта связь затушевана авторомъ, благодаря ловкой

*) Т. е. изъ за нелѣпыхъ *относительно*. Всякому извѣстно, что человѣку дорога́ не истина, а то, что въ данную минуту онъ принимаетъ за истину.

антитезѣ между фактами убійства и насилія съ одной стороны и честолюбіемъ Наполеона и проч. съ другой. Но такъ чего не затушуешь? Переходя въ другую сферу, можно поставить, напр., такой вопросъ: что общаго между фактомъ убійства быка и свойствомъ человѣка утолять свой голодъ? Между жертвою извѣстнаго числа рублей и необходимостью прикрыть тѣло отъ атмосферическихъ вліяній? Эти, и имъ подобныя, антитезы могутъ показать только нежеланіе видѣть связь тамъ, гдѣ она есть; но доказать онѣ ничего не могутъ. Императоръ Александръ, благодаря своей твердости, ставитъ себѣ цѣлью не положить оружія, пока хотя одинъ непріятель останется на русской землѣ; и, какъ извѣстно онъ достигъ этой цѣли, благодаря тому, что рѣшился пожертвовать сотнями тысячъ людей и временнымъ подрывомъ благосостоянія нѣсколькихъ губерній. Въ отношеніи ко всему народному организму это то же самое, что дѣлаетъ единичный человѣкъ, не только непосредственно отстаивая свое существованіе, но дѣлаетъ на всякомъ своемъ шагу. Идете ли вы куда нибудь, работаете ли, думаете ли —въ непосредственномъ разультатѣ получается все та же потеря нѣкоторой массы частицъ вашего организма: это законъ физіологическій, теперь всѣми признанный. Сказанный законъ совершенно строго и со всѣми послѣдствіями примѣняется и къ тѣмъ большимъ организмамъ, которые называются народами. Если народъ нуждается въ достиженіи какой бы то ни было цѣли, важной для его существованія, онъ долженъ пожертвовать для ея достиженія извѣстной массой личныхъ и матеріальныхъ частицъ своего собственнаго организма. Если между этой жертвой и цѣлью, для которой она приносится, нѣтъ ни-

какой связи, то должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что вообще нѣтъ никакой связи между любой жертвой со стороны человѣка и цѣлью, для достиженія которой онъ рѣшается на эту жертву.

Далѣе, авторъ „Войны и Мира", разбирая причины войны 12 года, выставляемыя историками, находитъ ихъ далеко недостаточными и *потому ложными*. Логическій скачекъ: ибо изъ того, что *не все* сказано, не слѣдуетъ вовсе, будто *то, что сказано*, ложно. Рядомъ съ признанными причинами и поводами—то и другое авторъ, къ сожалѣнію, смѣшиваетъ—авторъ выставляетъ свои, совершенно неимѣющія никакого основанія, хотя кажущіяся ему столь же основательными, какъ и причины историковъ.

„Такой же причиной, какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство Ольденбургское, представляется намъ и желаніе или нежеланіе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу: ибо *ежели бы* онъ не захотѣлъ итти на вторичную службу и *не захотѣлъ бы* другой и третій и тысячный капралъ и солдатъ, на столько менѣе людей *было бы* въ войскѣ Наполеона и войны *не могло бы* быть (!)

Эта причина, для постановки которой автору понадобился такой огромный запасъ условной частицы „бы", имѣетъ одинъ коренной недостатокъ: выставляемые историками причины и поводы были дѣйствительно, а эта только могла бы быть, по мнѣнію автора, но въ дѣйствительности не была. Факта, если онъ существуетъ или существовалъ, не собьешь никакими доводами или предположеніями. Какъ бы краснорѣчиво авторъ ни доказывалъ, что могло *бы* быть, но если того

дѣйствительно никогда не было, чего ему хочется, то слѣдовательно и не могло быть. Пусть онъ укажетъ во всей исторіи хоть одинъ примѣръ того, чтобы война не состоялась изъ за нежеланія солдатъ идти на службу, и тогда мы помиримся съ его гипотезой. Но онъ не найдетъ такого примѣра и не можетъ найти, ибо подобный случай противорѣчитъ существеннымъ условіямъ органической жизни массъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ опять организмъ, анологическій народному во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, но попроще: именно организмъ единичнаго человѣка. Что сказалъ бы самъ авторъ „Войны и Мира", если бы кто нибудь, разбирая причины драки двухъ человѣкъ между собою, держалъ примѣрно слѣдующую рѣчь: „говорятъ, будто поводомъ къ дракѣ былъ лукъ Ивана, который захотѣлось имѣть Петру; будто между ними и предже уже происходили такія-то и такія-то столкновенія,—все это вздоръ. Такой же причиной, какъ желаніе имѣть лукъ и нежеланіе отдать его, представляется намъ и желаніе или нежеланіе перваго атома въ рукѣ Петра участвовать въ дракѣ; ибо ежели бы этотъ атомъ не захотѣлъ въ ней участвовать и не захотѣлъ бы другой, третій и тысячный атомъ,—драки могло бы и не быть"... Въ организмѣ живомъ и здоровомъ,—большой ли онъ, малый ли—все равно,—всякій отдѣльный атомъ *не можетъ* не хотѣть того, чего хочетъ та высшая сила въ организмѣ, которая и дѣлаетъ его организмомъ, и безъ которой онъ есть не болѣе, какъ безжизненная куча безучастныхъ другъ къ другу частицъ. Самъ авторъ признаетъ, что Наполеонъ творилъ не столько свою волю, сколько волю того организма, котораго былъ представителемъ, и мы совершенно съ этимъ со-

гласны *); какъ же онъ, послѣ этого, допускаетъ, что части, взятыя отдѣльно, могли бы хотѣть совсѣмъ не того, чего хочется цѣлому?

Когда читаешь это мѣсто „Войны и Мира", такъ и ожидаешь, что авторъ, отвергнувъ причины, по его мнѣнію несостоятельныя, поставитъ на мѣсто ихъ причины событія, кажущіяся ему дѣйствительными; и каково же удивленіе читателя, когда онъ открываетъ, что автору хотѣлось только сказать, будто *„ничто не было исключительной причиной событія, а событіе должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться"*.

Во первыхъ, мы и не знаемъ историка, который бы останавливался на какой либо одной, *исключительной* причинѣ; всѣ они признаютъ *совокупность* причинъ: слѣдовательно въ этомъ случаѣ почтенный авторъ споритъ съ мнимымъ историкомъ; во вторыхъ, изъ того, что не одна какая либо причина произвела извѣстное событіе, вовсе не слѣдуетъ, чтобы ему вовсе не было причинъ, или какъ говоритъ авторъ, что оно должно было совершиться потому, что должно было совершиться.

Мы полагаемъ, что самое неудовлетворительное объясненіе причинъ даннаго событія стоитъ выше этого „должно"; потому выше, что оно удовлетворяетъ присущей человѣческому уму потребности доискиваться причины *всему* происходящему. Эта дурная привычка служитъ лучшимъ

---

*) Машинистъ тоже подчиняется силѣ пара и *именно поэтому* онъ можетъ дать машинѣ и скорый, и медленный, и даже попятный ходъ. И что то же самое случается и съ народами, въ нѣкоторыя эпохи жизни ихъ,—ясное доказательство представляетъ современная Франція: есть и попятный ходъ, и выпускъ пара, въ случаѣ надобности, въ образѣ мексиканскихъ и другихъ экспедицій...

доказательствомъ того, что на мѣсто причинъ нельзя поставить непостижимое „должно", которое ничего не поясняетъ, и отрицаетъ какую бы то ни было причину; нельзя потому, что если бы не было причинности въ явленіяхъ и событіяхъ, не могло бы быть и стремленія къ изысканію причинъ въ человѣческомъ умѣ. Съ этой точки даже поясненіе грома тѣмъ, напримѣръ, что Илья пророкъ по небу ѣздитъ, стоитъ, по нашему мнѣнію, неизмѣримо выше такого объясненія, что громъ гремитъ потому, что онъ долженъ гремѣть. Придетъ время—и вмѣсто Ильи пророка станетъ электричество, вмѣсто электричества—что либо другое, еще болѣе раціональное и уширяющее воззрѣнія на феноменъ природы; но изъ-за „должно" никогда и ничего для развитія ума человѣческаго не придетъ: это доказывается цѣлыми эпохами, въ которыя подъ всевозможныя явленія подкладывали это давно извѣстное „должно".

Ставъ на этотъ путь, авторъ въ силу отличительной черты своего таланта—смотрѣть съ одной точки на изображаемое или разбираемое—пошелъ весьма далеко: именно до того, что задался вопросомъ: „когда созрѣло яблоко и падаетъ,—отчего оно падаетъ? Оттого ли, что тяготѣетъ къ землѣ, оттого ли, что засыхаетъ стержень, оттого ли, что сушится солнцемъ, что тяжелѣетъ, что вѣтеръ стрясетъ его, *оттого ли, что стоящему внизу мальчику хочется съѣсть его?*"

Автору кажется, что все это—причины равносильныя, въ томъ числѣ и послѣдняя. Мы же выводимъ изъ этого примѣра совершенно другое: именно то, какъ пріятно читать талантливаго человѣка, который, если станетъ на ошибочную точку зрѣнія, то уже не остановится предъ

послѣдствіями и разовьетъ свой тезисъ до того, что предвзятая односторонность его станетъ ясна для всякаго.

IV.

Историческія свои воззрѣнія авторъ выдѣлилъ въ особыя главы и потому односторонность ихъ бросается въ глаза сразу. Не то вышло съ военными воззрѣніями; эти послѣднія проводятся у него какъ бы вскользь, по дорогѣ, подъ прикрытіемъ мастерски, но тенденціозно представленныхъ фактовъ. Отъ этого военные взгляды автора не только не поражаютъ сразу односторонностью, а напротивъ, являются для неподготовленнаго и предварительно закупленнаго мастерской картинкой читателя какъ бы естественнымъ выводомъ, вытекающимъ изъ этой картинки.

Обращикъ этой манеры мы уже видѣли въ разсужденіяхъ кн. Андрея, помѣщенныхъ вслѣдъ за изображеніемъ неурядицы Дрисскаго военнаго совѣта.

Подготовивъ читателя описаніемъ этой неурядицы, авторъ пускаетъ вслѣдъ затѣмъ кн. Андрея съ его монологомъ противъ теоріи военнаго дѣла и противъ возможности военнаго генія, не смотря на то, что между неурядицей какого бы то ни было военнаго совѣта, не имѣющаго руководителя, и сказанными предметами нѣтъ ничего общаго.

Этой же манеры авторъ держится и въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ провести отъ себя какіе либо военные взгляды сомнительнаго свойства.

Открыть это сомнительное свойство взглядовъ не трудно, ибо почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ авторъ такъ проговаривается, что внимательному читателю даетъ самъ противъ себя опро-

верженіе: явленіе—почти неизбѣжное во всякомъ поэтическомъ произведеніи, направленномъ къ оправданію теоретическихъ воззрѣній автора, а не къ художественной правдѣ въ изображеніи фактовъ. Возьмемъ, напр., атаку Ростова. Начинается съ того, что „Ростовъ, своимъ зоркимъ охотничьимъ глазомъ, одинъ изъ первыхъ увидалъ этихъ синихъ французскихъ драгунъ, преслѣдующихъ нашихъ уланъ". Вотъ они близятся больше и больше; Ростовъ „чутьемъ чувствовалъ, что ежели ударить теперь съ гусарами на французскихъ драгунъ, они не устоятъ; но ежели ударить, то надо было сейчасъ, сію минуту, иначе будетъ поздно". Тотъ же Ростовъ высказываетъ совершенно опредѣлительно своему товарищу эту самую мысль и вслѣдъ за тѣмъ бросается въ атаку. Кажется все это показываетъ совершенно ясно, что Ростовъ рѣшился на атаку далеко не зря, хотя и быстро: процессъ чувственной и духовной работы, неизбѣжный при всякой атакѣ, тутъ совершенно ясенъ; всѣ моменты этой работы (увидѣть, обсудить, рѣшиться, исполнить рѣшимость) налицо. Но автору нужно свернуть на свою любимую тему, что все дѣлается само собою,— и вотъ онъ отъ только что высказанныхъ мыслей прямо переходитъ къ тому, будто „Ростовъ самъ не зналъ, какъ и почему онъ это сдѣлалъ. Все это онъ сдѣлалъ, какъ онъ дѣлалъ на охотѣ, не думая, не соображая"! Неужели же авторъ, являющійся такимъ тонкимъ наблюдателемъ психическихъ процессовъ, иногда самыхъ мимолетныхъ, могъ не замѣтить этого грубаго противорѣчія между началомъ и концомъ одной и той же страницы? Неужели онъ расчитывалъ только на такихъ читателей, которые, добравшись до конца страницы, даже разгонисто напечатанной, забываютъ ея начало? Неужели, наконецъ, авторъ не при-

знаетъ, что то, что дѣлается быстро и какъ-бы по инстинкту, предшествуется полнымъ психическимъ процессомъ наблюденія, соображенія и рѣшенія, который происходитъ мгновенно, *но все же происходитъ?* Мы не сомнѣваемся нисколько, что вышеприведенныя строки и не нашли бы мѣста въ его описаніи, если бы не стремленіе исподволь подготовить читателя къ тѣмъ умствованіямъ, въ силу которыхъ выходитъ, что человѣкъ никогда самъ не знаетъ, что дѣлаетъ; что онъ не болѣе, какъ маріонетка въ чьихъ то рукахъ, и что всему происходящему *ничто не причина.*

Въ началѣ второй части IV тома авторъ идетъ еще дальше: онъ открываетъ, что Ростовъ поскакалъ въ атаку только потому будто бы, что онъ не могъ удержаться отъ желанія проскакать по ровному полю! Можно подумать, что авторъ, когда онъ писалъ эту фразу, и самъ забылъ о написанномъ выше: обстоятельство, свидѣтельствующее столько же въ пользу искренности, сколько и въ пользу силы односторонняго увлеченія автора. Далѣе подобныя противорѣчія встрѣчаются не только на одной страницѣ, но иногда даже въ одной фразѣ.

Такъ, въ сценѣ доклада дежурнаго генерала Кутузову, послѣдній безразлично слушалъ, что ему говорили Денисовъ и потомъ дежурный генералъ. Изъ этого выводится слѣдующее положеніе: „Очевидно было, что Кутузовъ презиралъ умъ и знаніе и даже патріотическое чувство, которое выказывалъ Денисовъ; но презиралъ не умомъ, не чувствомъ, не знаніемъ (потому что онъ не старался выказывать ихъ *), а онъ пре-

*) Неужели же гр. Толстой полагаетъ, что кто обладаетъ умомъ и знаніемъ, тотъ ужъ долженъ всякую минуту думать о томъ, чтобы стараться ихъ выказывать? Это въ характерѣ личностей тщеславныхъ и пустыхъ, въ родѣ кн.

зиралъ ихъ чѣмъ то другимъ. Онъ презиралъ ихъ своей старостью, своей опытностью жизни". Мы позволимъ себѣ вопросъ: что составляетъ опытность: масса-ли фактовъ, накопившаяся за долгую жизнь, или же выводы, которые умъ сдѣлалъ изъ этихъ фактовъ и которые одни только могутъ служить руководящимъ началомъ для поведенія въ будущемъ? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ: *именно, совокупность выводовъ, сдѣланныхъ умомъ изъ фактовъ, составляетъ опытность* и есть то плодотворное *знаніе,* которое можетъ пригодиться и въ будущемъ. Знаніе только факта— безплодно: это будетъ опытность мула принца Евгенія, который, сдѣлавъ десять кампаній, не сталъ отъ этого опытнѣе и свѣдущѣе въ военномъ дѣлѣ *). Если это такъ, то и окажется, что Кутузовъ презиралъ и знаніе и умъ—не умомъ, не знаніемъ, а чѣмъ то другимъ, именно тѣмъ же знаніемъ и умомъ! Кутузовъ принималъ очень хладнокровно многое такое, изъ за чего другіе сильно горячились, вовсе не по презрѣнію къ уму и знанію, а по своему превосходству въ умѣ и знаніи надъ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Мы не говоримъ уже о томъ, что роль главнокомандующаго принадлежитъ именно къ числу тѣхъ, въ которыхъ нужно быть весьма осторожнымъ во внѣшнихъ проявленіяхъ согласія съ чужими мнѣніями, удовольствія или неудовольствія; изъ тѣхъ ролей, къ которымъ болѣе всего примѣнима поговорка: десять разъ примѣрь, одинъ отрѣжь.

Андрея, но отнюдь не въ характерѣ людей въ родѣ Кутузова, которымъ есть дѣла поважнѣе постоянной мысли о томъ, чтобы плѣнять согражданъ и согражданокъ блистательными качествами своей персоны.

*) Извѣстное выраженіе Фридриха Великаго.

При дальнѣйшемъ развитіи этой же самой сцены, уже между кн. Андреемъ и Кутузовымъ, оказывается, что послѣдній обладалъ именно этой способностью не увлекаться, т. е. спокойно созерцать событія, которая кн. Андрею казалась презрѣніемъ къ тому, что Кутузову докладывали. „У него не будетъ ничего своего. Онъ ничего не придумаетъ, ничего не предприметъ, думалъ кн. Андрей, но онъ все выслушаетъ, все запомнитъ, все поставитъ на свое мѣсто, ничему полезному не помѣшаетъ и ничего вреднаго не позволитъ“.

Нельзя лучше очертить то, что требуется отъ полководца: приведенная фраза почти изъ слова въ слово есть повтореніе мнѣнія Наполеона о томъ-же предметѣ *). Въ штабахъ, подобныхъ тому, который получилъ Кутузовъ, всегда находится бездна совѣтниковъ, и званныхъ и незванныхъ; если отъ этого нельзя избавиться, остается одно: знать кого слушать, кого не слушать; Кутузовъ самъ ничего не придумывалъ, положимъ; но *онъ* выбиралъ кого слушать, кого нѣтъ, слѣдовательно онъ былъ главнымъ дѣятелемъ: въ практикѣ идея принадлежитъ не тому, кто первый ее высказалъ, но тому, кто беретъ на себя рѣшимость ее осуществить, съ отвѣтственностью за послѣдствія осуществленія.

---

*) „Первое качество генерала—обладать спокойной головой (tête froide), которая принимаетъ вѣрныя представленія предметовъ, никогда не разгорячается, никогда не отуманивается ни отъ хорошихъ, ни отъ дурныхъ вѣстей; въ которой послѣдовательныя или одновременныя впечатлѣнія распредѣляются соотвѣтственно ихъ важности и занимаютъ не болѣе, какъ столько мѣста, сколько они заслуживаютъ; ибо здравый смыслъ, разсудокъ составляетъ результатъ сравненія многихъ ощущеній (sensations), принятыхъ въ равномѣрное соображеніе“. Memoires pour servir à l'histoire de Napoleon. T. V. Замѣчанія на кампанію 1757 года.

Вдругъ, вслѣдъ за этой фразой, наталкиваемся на другую, совершенно непостижимую: „Онъ (Кутузовъ) понимаетъ, что есть что то̀ значительнѣе и сильнѣе его воли,—это неизбѣжный ходъ событій, и онъ умѣетъ видѣть ихъ, умѣетъ понимать ихъ значеніе *и въ виду этого значенія умѣетъ отрекаться отъ участія въ этихъ событіяхъ, отъ своей личной воли, направленной на другое (?)*“.

Какимъ образомъ человѣкъ, свободный въ выборѣ любого изъ дѣлаемыхъ ему предложеній, можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отречься отъ участія въ событіяхъ, получающихъ то или другое направленіе, *именно въ зависимости отъ того, что этотъ человѣкъ выбираетъ,* отказываемся понять, да едва ли и кто бы то ни было понять возьмется.

Бородинское сраженіе въ особенности дало случай автору обнаружить и блистательныя стороны своего изобразительнаго таланта и односторонность теоретическихъ воззрѣній. Сцены у Бородина и на баттареѣ Раевскаго переданы съ большимъ мастерствомъ. Даже мнѣніе автора, что позицію предполагалось сначала занять по Колочѣ, до самаго Шевардина, заслуживаетъ весьма серьезнаго вниманія: тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вѣрности взгляда (но не вывода), гр. Толстой рѣдко ошибается. Мы положительно склоняемся въ пользу мнѣнія его о томъ, что первоначально въ мысли верховныхъ руководителей нашей арміи было принять бой, прикрывая позицію Колочей на всемъ протяженіи: склоняемся потому, въ особенности, что съ принятіемъ его многое, неразъясненное до сихъ поръ въ нашемъ расположеніи, совершенно осмысливается. Дѣйствительно: укрѣпленіе на правомъ флангѣ, надъ которымъ столько потѣшались, какъ надъ построеннымъ будтобы горжей къ непріятелю, слишкомъ сильное за-

нятіе части позицій сѣвернѣе новой Смоленской дороги, оставленіе безъ вниманіи старой Смоленской дороги—все это вытекаетъ, какъ совершенно логическое слѣдствіе расположенія вдоль по Колочѣ, т. е., подъ острымъ угломъ къ новой Смоленской дорогѣ. При подобномъ расположеніи могли опасаться, что Наполеонъ атакуетъ наше правое крыло потому, что правый флангъ нашъ былъ гораздо ближе къ пути отступленія, чѣмъ лѣвый—у Шевардина; слѣдовательно, опрокинувъ его, Наполеонъ затруднилъ бы насъ болѣе, чѣмъ дѣйствуя противъ лѣваго фланга. При томъ же Колоча въ этомъ мѣстѣ представляетъ, судя по плану, приложенному къ сочиненію Г. Л. Богдановича, нѣсколько удобныхъ переходовъ, и лѣвый ея берегъ (т. е. занятый французами) во многихъ мѣстахъ командуетъ правымъ *); слѣдовательно, тактическое препятствіе, представляемое Колочею, могли считать не довольно сильнымъ, чтобы заставить Наполеона отказаться отъ попытки поставить насъ стратегически въ невыгодное положеніе, угрожая отрѣзать, въ случаѣ удачной атаки, отъ пути нашего отступленія. Если къ этому взять въ расчетъ, что тогда стратегическая сторона боевыхъ комбинацій начинала входить въ моду, съ легкой руки Жомини; что отъ Наполеона ожидали самыхъ невѣроятныхъ предпріятій и ударовъ,—то особенное вниманіе, которое было обращено на правый флангъ позиціи, станетъ понятно именно при томъ условіи, если лѣвый ея флангъ былъ въ Шевардинѣ. Это и выразилось расположеніемъ на правомъ крылѣ и значительнаго числа войскъ, и укрѣпленія, самаго сильнаго, судя по плану, изъ тѣхъ, которыя

*) Опять судя по плану. Въ описаніи сказано, что правый на всемъ протяженіи командуетъ лѣвымъ.

предположено было возвести на позиціи. Принимая лѣвый флангъ позиціи у Шевардина, оказывается, что помянутое укрѣпленіе вовсе не было обращено горжею къ непріятелю, а составляло только загибъ крайняго праваго фланга. Что, по всей вѣроятности, и Наполеонъ не имѣлъ первоначально намѣренія идти на нашъ лѣвый флангъ, доказывается тѣмъ, что главныя его силы свернули съ новой Смоленской дороги и стали переправляться черезъ Колочу только тогда, когда наши стрѣлки, расположенные у Алексина, по сю сторону Колочи, открыли огонь во флангъ французскимъ колоннамъ, шедшимъ отъ Валуева къ Бородину. Донесенія нѣкоторыхъ дѣятелей, прямо называвшихъ Шевардино лѣвымъ флангомъ позиціи, свидѣтельствуютъ также въ пользу предположенія гр. Толстого. Впрочемъ, соглашаясь съ основательностью этого мнѣнія, нельзя не признать и того, что, принявъ его, въ разборѣ сраженія придется сдѣлать весьма ничтожную перемѣну: придется назвать Шевардинское дѣло не боемъ у передоваго пункта, а первымъ днемъ Бородинскаго сраженія.

Но, отдавая должное взгляду автора въ разбираемомъ случаѣ, нельзя пропустить безъ вниманія того обстоятельства, что даже и тутъ онъ приводитъ въ пользу своего мнѣнія доводы, поражающіе своею странностью и обнаруживающіе полный диллетантизмъ его въ военномъ дѣлѣ. „И для чего, защищая его (шевардинскій редутъ) 24 числа до поздней ночи, были истощены всѣ усилія и потеряно 6 т. человѣкъ? Для наблюденія за непріятелемъ достаточно было казачьяго разъѣзда“. Это разсужденіе вполнѣ показываетъ, какъ опасно отрицать теорію военнаго дѣла, не зная, въ чемъ она заключается. Для диллетантовъ армія въ 100 т. человѣкъ кажется не такимъ

существомъ, которое разбрасывается на десятки верстъ, а такимъ, которое какъ будто сосредоточено въ одной точкѣ. Теорія военнаго дѣла, при всей ограниченности предѣловъ ея изслѣдованія, разъясняетъ, что сто-тысячная армія прикрывается такой завѣсой, которой не раздвинуть казачьему разъѣзду; что она для демонстрацій только отдѣляетъ иногда отъ себя десятки тысячъ войскъ; что все это раскидывается на такія обширныя разстоянія, что убѣдиться осмотромъ въ томъ, сколько именно войскъ передъ вами находится, нѣтъ рѣшительно никакой возможности, а приходится судить о силахъ непріятеля по степени напора, который испытываютъ ваши передовыя войска.

Мы не остановимся на боевыхъ сценахъ Бородинскаго сраженія, ибо уже высказали свое мнѣніе о мастерствѣ автора въ описаніи подобныхъ сценъ, и перейдемъ прямо къ теоретическимъ воззрѣніямъ, высказываемымъ по поводу этого сраженія.

Эти послѣднія до такой степени странны, что невольно поражаешься изумленіемъ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ такъ превосходно рисовать боевыя сцены и такъ плохо объяснять явленія войны и боя.

По его мнѣнію, Бородинское сраженіе не имѣло никакого смысла ни для русскихъ, ни для французовъ *). По его мнѣнію, ближайшимъ ре-

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что и въ этомъ случаѣ авторъ счелъ за нужное подготовить читателя къ своимъ разсужденіямъ сценой вытиранія Наполеона одеколономъ и представленія ему портрета Roi de Rome: то и другое съ очевиднымъ поползновеніемъ посильно умалить колоссальную фигуру геніальнаго солдата и тѣмъ предрасположить читателя принять на вѣру эти разсужденія.

зультатомъ этого сраженія было для русскихъ то, что мы приблизились къ погибели Москвы, а для французовъ,—что они приблизились къ погибели арміи. Но вѣдь автору не безъизвѣстна, конечно, та простая вещь, что исхода боя ни одинъ человѣкъ предвидѣть не можетъ; и что если одна армія рѣшается дать, а другая принять бой, то прежде и болѣе всего въ силу того, что главнокомандующіе ихъ имѣютъ основаніе расчитывать скорѣе на вѣроятность побѣды, чѣмъ пораженія. Если подобнаго убѣжденія съ которой либо стороны нѣтъ, тогда уклоняются отъ боя, а не даютъ его. Авторъ-же относится къ этому дѣлу, какъ къ ариѳметической задачѣ, и начинаетъ мѣнять шашки на основаніи не тѣхъ данныхъ, которыя главнокомандующій можетъ имѣть передъ сраженіемъ, а напротивъ, на основаніи тѣхъ, которыя обнаруживаются только послѣ сраженія. Наполеонъ, зайдя такъ далеко, расчитывалъ, что, разбивъ нашу армію, онъ принудитъ насъ къ выгодному для себя миру; мы-же, не покрывъ себя позоромъ передъ всею Россіею, не могли пустить Наполеона въ Москву, ни разу не попытавъ счастія въ серьезномъ бою. Кажется, побужденія рискнуть на бой были основательны и съ той, и съ другой стороны; но авторъ этого не видитъ; и не видитъ потому, что ему во что бы то ни стало нужно прійти къ той фразѣ, что „давая и принимая Бородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступили непроизвольно и безсмысленно“. Вслѣдъ за этимъ, совершенно непостижимо по какой связи, авторъ говоритъ: „древніе оставили намъ образцы героическихъ поэмъ, къ которыхъ герои составляютъ весь интересъ исторіи, и мы все еще не можемъ привыкнуть въ тому, что для нашего человѣческаго времени исторія такого рода не имѣетъ смысла“.

Въ наше время никто и не думалъ считать героями, въ древнемъ смыслѣ слова, ни Наполеона, ни тѣмъ болѣе Кутузова. Но вѣдь отъ того, чтобы не считать героями и полубогами людей, дѣйствительно выходящихъ изъ ряда, и до того, чтобы силиться доказать въ ихъ рѣшеніяхъ непроизвольность и безсмысленность, еще очень далеко. Исторія, достойная нашего человѣческаго времени, заключается вовсе не въ томъ, чтобы воображать, будто Наполеонъ значилъ въ своей арміи не болѣе какого нибудь рядоваго или фурштата, но въ томъ, чтобы показать въ истинномъ свѣтѣ отношеніе между силою массъ и силою личностей, руководящихъ этими массами. Мы согласны, что то направленіе исторіи, при которомъ говорили только о головахъ, забывая про тѣло, было одностороннe; но изъ признанія этой односторонности еще не слѣдуетъ, чтобы направленіе, діаметрально-противоположное, при которомъ заговорятъ только о тѣлѣ, забывая голову, было вѣрно. Мы вполнѣ признаемъ, что для осуществленія извѣстныхъ стремленій въ народѣ необходимъ иногда продолжительный періодъ, пока эти стремленія охватятъ всю массу, періодъ, въ который личности, слишкомъ забѣгающія впередъ, гибнутъ; но мы знаемъ также, что для осуществленія этихъ стремленій необходимо, чтобы явился *одинъ,* который далъ бы имъ осязательную форму, указалъ бы имъ цѣль; знаемъ также, что и извѣстныя стремленія, прежде чѣмъ распространиться въ массѣ, должны зародиться въ *одной* головѣ.

Авторъ не можетъ не признавать того, что будь на мѣстѣ Наполеона Дезе, Гошъ, Карно напр., французская жизнь между 1793 и 1815 годами разыгралась бы не изъ пункта въ пунктъ такъ, какъ она разыгралась подъ Наполеономъ.

Конечно, фактовъ на это нѣтъ; но есть та истина, общая и для нравственнаго и для матеріальнаго міра, что съ перемѣною одной изъ составляющихъ равнодѣйствующая необходимо измѣняется и въ скорости и въ направленіи.

Вотъ, по нашему мнѣнію, то соотношеніе, въ которомъ находятся эти силы *), слагающія народную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Стремленіе отрицать значеніе руководящихъ личностей тѣмъ болѣе странно въ авторѣ, признающемъ, что кромѣ индивидуальной жизни личности есть еще та коллективная жизнь **), въ которой личность является, въ свою очередь, только атомомъ: если это такъ, то на какомъ же основаніи авторъ игнорируетъ, что и въ роѣ есть матка, что бываютъ матки дѣльныя***) и безтолковыя ****); что это отражается весьма сильно на благосостояніи роя; что, наконецъ, съ гибелью матки рой разлетается и гибнетъ (какъ рой), если только въ немъ не явится другой матки. Матка безъ роя ничего не значитъ; но и рой безъ матки то же немного значитъ.

Кажется это вещи до такой степени фактическія, что тутъ сомнѣніе не можетъ имѣть мѣста; даже старое направленіе исторіи, какъ оно ни было односторонне, указываетъ ясно на громадное значеніе личностей руководящихъ; до того громадное, что оно долгое время закрывало значеніе силъ, которыхъ эти личности были представителями. Гр. Толстой силится доказать, что

---

*) Т. е., масса съ одной стороны, руководитель массы съ другой.

**) Роевая, какъ ее называетъ авторъ.

***) Наполеонъ, Суворовъ, Кутузовъ, Багратіонъ и проч.

****) Маккъ, Вильруа, Пр. Лотарингскій и проч., и проч.

это вовсе не такъ, на томъ основаніи, что *человѣческое достоинство говоритъ ему, что всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ.* Ни что такъ не ведетъ къ сбивчивости понятій, какъ подобныя красивыя, но весьма неопредѣленныя фразы. Нужно условиться въ *чемъ и какъ* всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ. Гр. Толстой считаетъ вѣроятно, кн. Андрея весьма сильнымъ, умнымъ и развитымъ человѣкомъ; а между тѣмъ самъ подчинилъ его обаянію Багратіона въ атакѣ подъ Шенграбеномъ: подчинилъ не по долгу, а по внутреннему невольному влеченію, ибо заставилъ его даже испытывать при этомъ большое счастіе. Способность подчинять себѣ подобныхъ можетъ быть дана даже человѣку, въ которомъ менѣе всего человѣческаго,—и за нимъ пойдутъ и развитые, и высоко честные, и нравственные люди; въ той же способности можетъ быть отказано человѣку, сильно одаренному въ человѣческомъ смыслѣ. Слѣдовательно разговоры о человѣческомъ достоинствѣ ничего не поясняютъ и ничего не доказываютъ въ этомъ вопросѣ.

Чтобы поддержать свою теорію, гр. Толстой доходитъ до того даже открытія, что Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи ни въ кого не стрѣлялъ и никого не убилъ; но вѣдь если вопросъ ставить такимъ образомъ, то ни одинъ солдатъ непосредственно никого не убилъ, ибо убивали собственно не солдаты, а огнестрѣльные снаряды и штыки; неужели же за этими послѣдними, вслѣдствіе этого, должна быть признана произвольность въ дѣйствіяхъ и преобладающее значеніе вообще надъ личнымъ элементомъ въ арміи? Авторъ договаривается, наконецъ, до того, что „ежели бы Наполеонъ запретилъ имъ (т. е. своимъ солдатамъ) теперь драться съ русскими, они бы

его убили и пошли драться съ русскими, потому что это было имъ необходимо".

Мы позволимъ себѣ спросить: когда французская армія была въ худшемъ положеніи: передъ Бородинскимъ-ли сраженіемъ, или же подъ Краснымъ и во время Березинской переправы? Кажется ясно *когда*. Отчего же эти солдаты не убили его тогда, когда каждому изъ нихъ ясно стало, что Наполеонъ привелъ ихъ въ Россію на погибель? Отчего въ тѣ страшныя минуты, когда онъ уже уложилъ нѣсколько сотъ тысячъ на сумасбродное предпріятіе, отчего въ остаткахъ этихъ сотенъ тысячъ, остаткахъ голодныхъ, оборванныхъ, полузамерзшихъ, для этого, такого же какъ они, человѣка не находилось другого слова, кромѣ восторженнаго, фанатическаго vive l'Empereur?.. Принимаясь за подобные вопросы, нельзя ихъ рѣшать сплеча; нельзя рѣшать ссылками на какое то „такъ должно было случиться", на человѣческое достоинство и на то, что подъ Бородинымъ Наполеонъ никого лично не убилъ. Лучше ихъ совсѣмъ не трогать, чѣмъ разбирать подобнымъ образомъ, мороча и сбивая съ толку тѣхъ изъ читателей, которые на вѣру готовы принять что угодно, разъ они закуплены хорошо изображенными сценами. Не имѣемъ и въ мысли заподазривать искренность автора: въ числѣ обмороченныхъ миражами его воображенія онъ вѣроятно первый; показываемъ только, что это миражи и ничего болѣе.

Всѣ разсужденія автора на ту-же тему носятъ на себѣ характеръ такой же односторонности, какъ и приведенныя уже; увлеченіе свое онъ доводитъ до того, что считаетъ диспозицію Вейротера подъ Аустерлицемъ образцомъ совершенства въ сочиненіяхъ подобнаго рода, очевидно не подозрѣвая даже того мѣрила, по которому

диспозиція можетъ быть признана дурною или хорошею. Позволимъ себѣ дать это мѣрило, взявъ его опять изъ той же теоріи военнаго искусства: чѣмъ диспозиція проще, чѣмъ она рельефнѣе выставляетъ цѣль, назначенную для достиженія войскамъ, не вдаваясь въ мелочи исполненія,— тѣмъ она лучше. Предлагаемъ автору сравнить съ этой точки диспозицію Наполеона передъ Бородинскимъ сраженіемъ съ диспозиціею Вейротера, и вѣроятно онъ увидитъ, что первую признаютъ хорошею не изъ одного рабскаго поклоненія генію Наполеона, а потому, что она дѣйствительно хороша.

Гр. Толстой находитъ ее нехорошею, потому что ни одинъ ея пунктъ не былъ исполненъ; подобное мнѣніе странно въ примѣненіи къ дѣлу, въ которомъ непріятель на каждомъ шагу противупоставляетъ тысячи преградъ достиженію цѣли: имѣя это въ виду, кажется не трудно понять, что впередъ навѣрное никогда нельзя сказать, что цѣль будетъ, или не будетъ достигнута, или, другими словами, будетъ ли исполнена диспозиція, или нѣтъ *). Автору какъ будто кажется, что образцовая диспозиція должна напередъ предвидѣть и расписать всѣ случайности боя; однимъ словомъ, мы наталкиваемся въ этомъ случаѣ на тѣ-же механическіе взгляды на военное дѣло, на которые уже натолкнулись въ кн. Андреѣ и которыми авторъ никакъ поступиться не можетъ, не смотря на то, что понимаетъ вполнѣ свойства живой силы, въ употребленіи

---

*) Это вѣрно не только въ примѣненіи къ войску, но даже къ бездушному снаряду: какъ бы стрѣлокъ ни былъ искусенъ, онъ не можетъ поручиться впередъ, что непремѣнно попадетъ, куда цѣлитъ; а между тѣмъ снарядъ далеко не встрѣчаетъ тѣхъ препятствій, которыя встрѣчаетъ человѣкъ въ бою.

которой все, впередъ расчитанное до малѣйшихъ подробностей, не можетъ имѣть никакого смысла.

Тираду свою о томъ, что не Наполеонъ рѣшился на Бородинское сраженіе, а ему казалось только, что онъ это велѣлъ, гр. Толстой заканчиваетъ весьма характеристично: „Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи исполнялъ свое дѣло *представителя власти* также хорошо и еще лучше, чѣмъ въ другихъ сраженіяхъ. Онъ не сдѣлалъ ничего вреднаго для хода сраженія; онъ склонялся на мнѣнія болѣе благоразумныя: онъ не путалъ, не противорѣчилъ самъ себѣ *), не испугался и не убѣжалъ съ поля сраженія, а съ своимъ большимъ тактомъ и опытомъ войны спокойно и достойно исполнялъ свою роль *кажущагося* начальствованія.

Мы не говоримъ уже о противорѣчіи между тѣмъ, что Наполеонъ тутъ является сначала *только кажущимся* представителемъ власти, вслѣдъ за тѣмъ *не дѣлаетъ ничего вреднаго для хода сраженія и склоняется на мнѣнія болѣе благоразумныя,* слѣдовательно выходитъ уже *дѣйствительнымъ* представителемъ власти; не говоримъ потому, что всякій внимательный читатель самъ подмѣтитъ это противорѣчіе. Мы обратимся опять къ источнику этихъ противорѣчій. Заключается онъ все въ томъ же—въ привычкѣ рисовать одну сторону явленій; перенесенной въ ту область творчества, которая требуетъ всесторонняго ихъ изслѣдованія. Чтобы это показать, воспользуемся опять книгою Трошю. Мы беремъ продолженіе описанія начала боя, которое приведено нами выше. Если припомнятъ, мы остановились тамъ на той минутѣ, когда войска входятъ въ сферу

*) А это въ высшей степени трудно, даже когда пишешь, не только когда дѣйствуешь...

выстрѣловъ и когда начальники должны наэлектризовать ихъ своимъ спокойнымъ видомъ и кстати сказаннымъ словомъ.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ это время лучшее и для маневрированія, т. е. для того, чтобы принять тактическія формы, сообразныя мѣстности и обстоятельствамъ. Ибо войска *пока еще совершенно находятся въ рукахъ начальниковъ, смотрятъ на нихъ, всего отъ нихъ ожидаютъ* и молча повинуются ихъ слову. Еще минута—*и ураганъ битвы покроетъ голосъ начальниковъ и всякіе командные голоса*.

Затѣмъ слѣдуетъ великолѣпное описаніе того безпорядка во время сраженія, который такъ хорошо изображаетъ и гр. Толстой. Кажется, ясно: бой представляетъ два періода: въ первый войска находятся подъ вліяніемъ старшихъ начальниковъ вполнѣ: во второй они дѣлаютъ свое дѣло на столько, на сколько *сами* способны его дѣлать.

Сопоставимъ теперь только что разобранныя мнѣнія гр. Толстого съ цитатой изъ Трошю, и источникъ разсужденій перваго изъ нихъ о ничтожествѣ вліянія старшихъ начальниковъ въ бою откроется самъ собою: нашъ авторъ описывалъ второй изъ періодовъ боя и увлекся имъ до такой степени, что о существованіи перваго знать не желаетъ.

Авторъ пришелъ, въ этомъ случаѣ, къ выводу, къ которому будетъ приведенъ всякій изслѣдователь, намѣренно или по невниманію разсматривающій не все явленіе, а только часть его; такъ, напр., остановившись на той части выстрѣла, когда пуля уже вышла изъ ствола и летитъ къ цѣли, можно сказать, что участіе стрѣляющаго въ этомъ дѣлѣ ничтожно, что онъ пулей управлять не можетъ, что, наконецъ, искусство

въ стрѣльбѣ не мыслимо, ибо какое же можетъ быть искусство въ дѣлѣ, въ которомъ попаданіе въ цѣль зависитъ отъ такого множества случайностей: и отъ вѣтра, и отъ сырости или сухости воздуха, и отъ освѣщенія, и проч. и проч.; что въ этомъ дѣлѣ стрѣлокъ является не болѣе, какъ кажущимся распорядителемъ выстрѣла, ибо только выберетъ цѣль, зарядитъ, опредѣлитъ разстояніе, прицѣлится и спуститъ курокъ; но вѣдь пуля полетитъ затѣмъ не такъ, какъ стрѣлокъ хочетъ, а такъ, какъ обусловятъ этотъ полетъ обстоятельства, отъ стрѣлка совершенно независимыя.

Задавшись желаніемъ провести подобную односторонность, придется, конечно, все отвергающее ее или не замѣчать, или же представлять такъ себѣ, пустячкомъ, не стоющимъ серьезнаго разбора. Это въ „Войнѣ и Мирѣ“ и сдѣлано, въ извѣстномъ разговорѣ Наполеона съ Раппомъ.

„Вы знаете-ли, Раппъ, что такое военное искусство? спросилъ онъ. Искусство—быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ. Voilà tout“.

Людямъ, не особенно знакомымъ съ теоріей военнаго дѣла, или прибѣгающимъ къ аффектированному презрѣнію, съ цѣлью скрыть свое невѣжество въ ней, какой обильный матеріалъ для дешеваго остроумія! Передъ нашими глазами такъ и рисуется какой нибудь недоучившійся, но съ претензіями, малый, который, дойдя до этого открытія, воскликнетъ: „только-то! Нечего сказать, славно насъ морочатъ—нужно изучать и военную исторію, и стратегію, и тактику, и военную администрацію, когда дѣло до такой степени просто: нужно только быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ и умѣть во время подвезти провіантъ и велѣть идти тому направо, тому налѣво!“.

Всякій общій принципъ до крайноети простъ и потому кажется доступнымъ самому ограниченному пониманію; но въ практическомъ дѣлѣ сущность не въ томъ, чтобы *знать*, а въ томъ, чтобы *умѣть примѣнить*. Одно знаніе стоитъ въ этомъ случаѣ немногимъ выше знанія попугая, котораго также можно выучить болтать, что военное искусство есть искусство быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ. Кто знаетъ только жолудь, не имѣетъ еще никакого понятія о дубѣ, хотя послѣдній и заключается въ первомъ; кто выдолбилъ математическую формулу, все же не будетъ имѣть основательнаго понятія о свойствахъ величинъ, ее составляющихъ, если не умѣетъ самъ ее вывести и не разбиралъ ее при всевозможныхъ предположеніяхъ.

Мысль, что старшіе начальники въ бою ничего не дѣлаютъ, составляетъ основной мотивъ разсужденій автора; какъ припѣвъ къ пѣснѣ, она то и дѣло появляется въ этихъ разсужденіяхъ, только форма нѣсколько мѣняется.

„Наполеонъ дѣлалъ свои распоряженія, которыя или уже были исполнены прежде, чѣмъ онъ дѣлалъ ихъ, или же не могли быть и не были исполнены".

„Всѣ распоряженія о томъ, куда и когда подвинуть пушки, когда послать пѣшихъ солдатъ стрѣлять, когда конныхъ,—топтать русскихъ пѣшихъ, всѣ эти распоряженія дѣлали сами ближайшіе начальники частей, бывшіе въ рядахъ, не спрашиваясь даже Нея, Даву и Мюрата, не только Наполеона".

„Кутузовъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а только соглашался, или не соглашался на то, что предлагали ему".

„Долголѣтнимъ военнымъ опытомъ онъ зналъ и старческимъ умомъ понималъ, что *руководить*

сотнями тысячъ человѣкъ, борющихся со смертью, нельзя одному человѣку, и зналъ, что рѣшаютъ участь сраженія не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска, не количество пушекъ и убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этой силой и *руководилъ* ею, на сколько это было въ его власти *).

Изъ этихъ выписокъ слѣдуетъ все то же, что мы уже высказали: что авторъ, намѣренно или незавѣдомо для самого себя, но очевидно рисуетъ только тотъ періодъ боя, въ который войска выпадаютъ изъ рукъ старшихъ начальниковъ, и совершенно забываетъ періодъ, ему предшествующій, въ который вполнѣ во власти начальника *пустить, или не пустить* войска въ атаку, *пустить ихъ на тотъ, либо другой пунктъ, пустить въ большемъ или въ меньшемъ числѣ.* Авторъ, отрицая возможность управленія войсками, къ сожалѣнію, нигдѣ не высказываетъ, что̀ собственно онъ разумѣетъ подъ управленіемъ: если бы онъ это высказалъ, то сразу бы и обнаружилось, что онъ объ этомъ дѣлѣ составилъ себѣ невѣрное представленіе. Попытаемся выразить личное понятіе автора объ управленіи, основываясь на вышеприведенныхъ выпискахъ.

1) То, что оба главнокомандующіе одни предложенія принимаютъ и дѣлаютъ соотвѣтствующія распоряженія къ ихъ исполненію, а другія отвергаютъ—не есть, по его мнѣнію, управленіе.

2) То, что они руководятъ нравственнымъ настроеніемъ войскъ, тоже не есть управленіе;

---

*) Слѣдовательно въ началѣ фразы выходитъ, что руководить сотнями тысячъ людей одному человѣку въ бою нельзя, а въ концѣ фразы, что ими руководить можно; ибо руководить *людьми*, или *духомъ этихъ людей*—одно и то же.

3) То, что частные начальники, *получивъ назначеніе отъ тѣхъ же старшихъ начальниковъ,* достигаютъ этого назначенія по *своему* усмотрѣнію, въ зависимости отъ безпрерывно мѣняющейся боевой обстановки, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній отъ Даву, Неевъ, Мюратовъ, показываетъ, что эти послѣдніе въ бою ничего, или почти ничего не значатъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что за Наполеономъ и его ближайшими помощниками можно бы было, съ точки зрѣнія автора, признать управленіе боемъ только въ томъ случаѣ, если бы каждый изъ нихъ самъ водилъ баталіоны и эскадроны въ атаку и каждую баттарею перемѣщалъ бы съ одной позиціи на другую! Если бы главные начальники могли этимъ заниматься, тогда не было бы нужды въ дивизіонныхъ, бригадныхъ и прочихъ командирахъ нисшихъ степеней, самое существованіе которыхъ показываетъ, что это вещь немыслимая; если бы, наоборотъ, дѣлали дѣло только эти послѣдніе, тогда не было-бы надобности въ высшихъ начальникахъ, что опять нелѣпость, ибо кто же сводилъ бы къ одной цѣли разрозненныя усилія множества частей? Кажется, очевидно, что корень всѣмъ разсужденіямъ гр. Толстого лежитъ въ невѣрномъ представленіи о томъ, что̀ должно разумѣть подъ управленіемъ на различныхъ ступеняхъ военно-іерархической лѣстницы и въ различные моменты боя.

Становясь на точку графа Толстого, можно также сказать, что капельмейстеръ въ хорѣ ничего не дѣлаетъ: ни на какомъ инструментѣ онъ не играетъ, значитъ въ общую гармонію не прибавляетъ рѣшительно ничего осязательнаго; не можетъ не только предупредить ошибки какого нибудь музыканта, но даже и сдѣланныхъ не поправляетъ; ясно какъ день, что онъ рѣшительно

ничего не значитъ и не дѣлаетъ, а всякій музыкантъ исполняетъ свою партію, насколько позволяютъ ему его личныя средства и средства его инструмента! Но едва ли найдется хоръ, который согласился бы играть безъ этого дармоѣда, торчащаго безъ дѣла (по теоріи автора) передъ его серединою; извѣстно также, что у вялаго капельмейстера получается и вялое исполненіе; энергическій, напротивъ, какъ бы вдыхаетъ въ музыкантовъ новыя силы; компетентные люди говорятъ даже, что даровитый и оригинальный капельмейстеръ способенъ придать пьесѣ такой своеобразный колоритъ, что она, даже для знающихъ ее твердо, является въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ; иногда даже едва узнаваемою. Нужно при этомъ замѣтить, что въ музыкѣ диспозиція (т. е. партитура), въ большей части случаевъ, создана не тѣмъ, кто управляетъ ея исполненіемъ, и не смотря на это, личныя свойства распорядителя входятъ въ исполненіе такимъ могущественнымъ факторомъ; во сколько же должно увеличиваться значеніе этихъ личныхъ свойствъ распорядителя въ дѣлѣ, въ которомъ онъ является и творцомъ и въ которомъ цѣль достигается подъ вліяніемъ непрерывной опасности и безчисленнаго множества случайностей?

И авторъ, такъ великолѣпно рисующій тѣ неосязаемые токи, которыми разносится въ арміи всякая, и дурная и хорошая, вѣсть,—тотъ же самый авторъ силится увѣрить въ ничтожествѣ значенія распорядителя, отъ котораго зависитъ даже неблагопріятную вѣсть повернуть на пользу дѣлу...

— „Вы видѣли? вы видѣли?... нахмурившись закричалъ Кутузовъ, быстро вставая и наступая на Вольцогена. Какъ вы... какъ вы смѣете!... дѣлая

угрожающіе жесты трясущимися руками и захлебываясь, закричалъ онъ. Какъ смѣете вы, милостивый государь, говорить это *мнѣ*. Вы ничего не знаете. Передайте отъ меня ген. Барклаю, что свѣдѣнія его несправедливы и что настоящій ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ, фельдмаршалу, лучше, чѣмъ ему.

Вольцогенъ хотѣлъ возразить что то, но Кутузовъ перебилъ его.

— Непріятель отбитъ на лѣвомъ и пораженъ на правомъ флангѣ. Ежели вы плохо видѣли, милостивый государь, то не позволяйте себѣ говорить того, чего вы не знаете. Извольте ѣхать къ генералу Барклаю и передать ему на завтра мое намѣреніе атаковать непріятеля, строго сказалъ Кутузовъ. Всѣ молчали и слышно было одно тяжелое дыханіе запыхавшагося стараго генерала. „Отбиты вездѣ, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Непріятель побѣжденъ и завтра погонимъ его изъ священной земли русской“, сказалъ Кутузовъ, крестясь, и вдругъ всхлипнулъ отъ наступившихъ слезъ. Вольцогенъ, пожавъ плечами и скрививъ губы, молча отошелъ къ сторонѣ, удивляясь über diese Eingenommenheit des alten Herrn *).

....Кутузовъ, не глядя на Вольцогена, приказалъ написать этотъ приказъ (объ атакѣ на слѣдующій день)...

И по неопредѣленной, таинственной связи, поддерживающей во всей арміи одно и то же настроеніе, называемое духомъ арміи и составляющее главный нервъ войны, слова Кутузова, его приказъ къ сраженію на слѣдующій день, *передались одновременно во всѣ концы войска.*

... И узнавъ то, что на завтра мы атакуемъ непріятеля, изъ высшихъ сферъ арміи, услыхавъ

*) Т. е. удивляясь упрямству стараго господина.

подтвержденіе того, чему они хотѣли вѣрить, измученные, колеблющіеся люди утѣшались и ободрялись".

Теперь представимъ себѣ на мѣстѣ Кутузова одного изъ тѣхъ полководцевъ, qui se font des tableaux, по выраженію Наполеона, т. е. которые дѣлаютъ изъ мухи слона: донесеніе Вольцогена привело бы его, конечно, къ убѣжденію, что все пропало, что нужно какъ можно скорѣе отступать; поскакали бы съ болѣе или менѣе потерянными физіономіями адъютанты во всѣ концы; торопливо передали-бы приказаніе отступать: торопливо началось бы отступленіе и если бы оно не кончилось бѣгствомъ, то, во всякомъ случаѣ, разультатъ нравственной побѣды, которую мы одержали, былъ бы утраченъ. Принявъ это въ соображеніе, придется признать за личностью главнокомандующаго нѣсколько иное значеніе, чѣмъ кажется автору „Войны и Мира". Авторъ самъ себѣ лучшій критикъ: какъ только онъ принимается за живописаніе событій, онъ самъ бьетъ на голову свои теоретическія измышленія.

Кажется, мы не пропустили ни одного изъ болѣе выдающихся теоретическихъ положеній автора; односторонность ихъ, какъ читатель видитъ, и какъ мы уже сказали, произошла отъ того же, отчего происходитъ всякое неправильное умозаключеніе: отъ непринятія въ расчетъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ оно, въ примѣненіи къ извѣстому случаю, должно слагаться. Съ авторомъ случилось то же, что случилось съ Платономъ, опредѣлявшимъ, говорятъ, человѣка двуногимъ животнымъ безъ перьевъ, до тѣхъ поръ, пока ему не пустили въ аудиторію ощипаннаго пѣтуха. Сколько намъ кажется, по свойству таланта автора, девизомъ его должно быть: je ne

juge pas, je raconte *); только при этомъ условіи онъ, доставляя высокое наслажденіе и поученіе своимъ читателямъ, не будетъ рисковать сбить съ толку тѣхъ изъ нихъ, которые по натурѣ сильно расположены къ подъавторитетности; не будетъ давать софизмовъ въ распоряженіе тѣхъ, которые нуждаются въ оправданіи своего невѣжества. Автору, вѣроятно, и въ голову не могло прійти, что книга его можетъ послужить для этой послѣдней потребы, а между тѣмъ это такъ; онъ самъ признаетъ, что человѣкъ, сдѣлавъ какое нибудь дѣло, не властенъ въ его послѣдствіяхъ и даже предвидѣть всѣхъ ихъ не можетъ. Это случилось именно съ его „Войной и Миромъ". Просимъ вѣрить, что не выдумываемъ, а говоримо фактъ; мы сами наталкивались на господъ, которые изъ его книги ничего другаго не вычитали, кромѣ того, что военнаго искусства нѣтъ, что подвезти во̀ время провіантъ и велѣть идти тому направо, тому налѣво—дѣло не хитрое, и что быть главнокомандущимъ можно, ничего не зная и ничему не учившись.

Въ томъ и заключается существенная разница между художественнымъ изображеніемъ и теоретическимъ выводомъ, что первое можетъ воспроизвести какой угодно фактъ, не рискуя подать поводъ къ поголовнымъ нелѣпымъ выводамъ; между тѣмъ какъ теоретическій выводъ, при малѣйшемъ невниманіи, получается односторонній и вводитъ въ заблужденіе тѣхъ, которые или неспособны подглядѣть эту односторонность, или которымъ она съ руки.

Пока вы рисуете недѣятельныхъ главнокомандующихъ, штабы такіе, что назначеніе ихъ, повидимому, заключается въ осуществленіи идеи

*) Не сужу, а расказываю.

безтолковщины и интриги, полкового командира, безупречнаго въ мирное время, безсильнаго въ бою; пока вы рисуете Телянина даже,—вы правы: ибо *могутъ быть* и безтолковые штабы, и недѣятельные главнокомандующіе, и все остальное; но разъ вы, по частному явленію стремитесь сдѣлать общій выводъ, онъ долженъ выйти ложенъ и не можетъ инымъ выйти; не можетъ потому, что точно также, какъ возможно то, что вы рисуете, возможно и прямо ему противоположное. Вы правы, рисуя что нибудь одно, ибо всего разомъ нарисовать нельзя; но не правы, рѣшаясь на выводы, на чемъ нибудь одномъ основанные.

Въ заключеніе не можемъ не указать на великолѣпное развитіе той мысли, почему собственно мы, скорѣе чѣмъ французы, были побѣдителями подъ Бородинымъ.

„Не одинъ Наполеонъ испытывалъ то, похожее на сновидѣніе, чувство, что страшный размахъ руки падаетъ безсильно, но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе и не участвовавшіе солдаты французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій (гдѣ послѣ вдесятеро меньшихъ усилій непріятель бѣжалъ), испытывали одинаковое чувство ужаса передъ тѣмъ врагомъ, который, потерявъ *половину* войска, стоялъ также грозно въ концѣ и въ началѣ сраженія. Нравственная сила французской атакующей арміи была истощена. Не та побѣда, которая опредѣляется подхваченными кусками матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами, и тѣмъ пространствомъ, на которомъ стояли и стоятъ войска, а побѣда нравственная, та, которая убѣждаетъ противника въ нравственномъ превосходствѣ своего врага и въ своемъ безсиліи, была одержана русскими подъ Бородинымъ“.

За исключеніемъ странной и неумѣстной со стороны гр. Толстого фразы о *„кускахъ матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами“*, все здѣсь сказанное глубоко вѣрно. И въ доказательство этого позволимъ себѣ привести фактъ мало извѣстный, кажется нигдѣ незаписанный, но существующій въ преданіи у французовъ. На утро послѣ сраженія, высшіе военачальники собрались, по обыкновенію, къ палаткѣ Наполеона и въ ожиданіи его выхода разговаривали о данномъ наканунѣ сраженіи. Больше всѣхъ выходилъ изъ себя Ней, ибо Наполеонъ дѣйствительно не былъ самимъ собою въ сраженіи: не отъ насморка только *), но и вслѣдствіе того, что онъ такъ далеко затянулся и что въ случаѣ неудачи рисковалъ слишкомъ многимъ. Ней дошелъ до того, что вскрикнулъ: s'il a désappris de faire son métier qu'il aille se faire f..... à Tuileries; nous ferons mieux sans lui. Фраза была услышана Наполеономъ, который выслалъ адъютанта пригласить „храбрѣйшаго изъ храбрыхъ“ умѣрить свои выраженія. Этотъ эпизодъ показываетъ совершенно ясно, что нравственную побѣду считали за нами сами руководители французской арміи.

Мы назвали фразу автора о знаменахъ странною и неумѣстною *именно* съ его стороны: на прощанье съ читателемъ мы обязаны показать, почему такъ думаемъ. Гр. Толстому, конечно, извѣстна та особенность человѣческой натуры, въ силу которой всякая матеріальная вещь пріобрѣтаетъ значеніе для человѣка не столько сама по себѣ, сколько по тѣмъ понятіямъ, которыя онъ соединяетъ съ этой вещью. Съ этой точки самый ничтожный предметъ можетъ стать для чело-

*) Хоть насморкъ, какъ то вѣроятно не безъизвѣстно и гр. Толстому, можетъ дѣйствовать весьма сильно на работу ума и воли.

вѣка святыней, сохраненіе которой для него сливается съ сохраненіемъ собственной чести и становится неизмѣримо выше сохраненія жизни. Мы идемъ дальше, спускаемся въ разрядъ тѣхъ вещей, съ которыми человѣкъ не соединяетъ собственно никакого особеннаго значенія и которыя бросаетъ, какъ только онѣ отслужили свой срокъ. Какое чувство возникаетъ въ васъ, если незнакомый человѣкъ, подойдя къ вамъ и схвативъ положенную вами подлѣ хоть папиросницу, бросить ее на полъ? Этотъ человѣкъ оскорбляетъ этимъ *васъ*, между тѣмъ какъ въ сущности онъ сдѣлалъ самое невинное дѣло—бросилъ на полъ копѣечную вещь. Изъ этого слѣдуетъ, что *всякая самая ничтожная вещь, становясь принадлежностью человѣка, обращается какъ бы въ часть его самого,* до такой степени, что грубый поступокъ относительно ея вы считаете уже посягательствомъ на ваше личное достоинство *).

Что вѣрно относительно единичныхъ личностей, то еще болѣе вѣрно относительно тѣхъ большихъ сборныхъ личностей, которыя называются баталіонами, полками. Не представляя по внѣшности одного существа, они нуждаются въ такихъ символахъ, въ такихъ вещественныхъ знакахъ, въ которыхъ индивидуальныя личности и не нуждаются: въ вещественныхъ знакахъ, служащихъ осязательнымъ свидѣтельствомъ внутренняго духовнаго единенія людей, составляющихъ извѣстную часть. Знамя именно и есть этотъ символъ; въ порядочной части все можетъ умереть для войсковой жизни; одно остается неизмѣннымъ и вѣчнымъ, на сколько вѣчны созда-

*) Ставя эти положенія, мы разумѣемъ, конечно, цѣльныхъ непосредственныхъ людей, а не тѣхъ, въ которыхъ врожденные инстинкты и первичныя впечатлѣнія подчиняются постоянному анализу.

нія человѣка: *духъ* и *знамя*—его вещественный представитель. Часть, въ бою сохранившая знамя, сохранила свою честь неприкосновенною, не смотря на самыя тяжелыя, иногда гибельныя положенія; часть, потерявшая знамя,—то же, что опозоренный и не отплатившій за свой позоръ человѣкъ. Взявъ это въ соображеніе, всякій согласится, что кусокъ матеріи, который соединяетъ около себя тысячи человѣкъ, сохраненіе котораго стоило жизни сотнямъ, а можетъ и тысячамъ людей, входившихъ въ составъ полка въ продолженіе его вѣковаго существованія,—что такой кусокъ матеріи есть *святыня,*—не условная военная святыня только, но святыня въ прямомъ и непосредственномъ значеніи этого слова, и *что изъ всѣхъ трофеевъ это именно тотъ, который болѣе всего свидѣтельствуетъ о нравственной побѣдѣ надъ врагомъ.* Гр. Толстому не мѣшало бы помнить, что именно въ сраженіи подъ Бородинымъ французамъ не удалось взять ни одного изъ *этихъ* кусковъ матеріи на палкахъ; не мѣшало бы не забывать и того, что на концѣ этихъ палокъ утвержденъ символъ еще болѣе высокаго единенія,—символъ, который, какъ ему извѣстно, имѣетъ далеко не одно формальное значеніе для русскаго человѣка; не мѣшало бы не забывать того, наконецъ, что, до Петровской реформы, на этихъ кускахъ матеріи рисовались образа *), что́ давало знаменамъ то дѣйствительное значеніе военной и религіозной святыни, которое онѣ имѣли у народа, лучше всѣхъ понимавшаго эти вещи,—у народа римскаго.

Но авторъ „Войны и Мира“ знаетъ это не хуже, если не лучше насъ; и если онъ допустилъ

*) И всякій истинный военный глубоко пожалѣетъ, что этотъ прекрасный обычай оставленъ.

Въ послѣднее царствованіе онъ благодаря Бога, возстановленъ.

эту фразу, совершенно несовмѣстную съ признаніемъ истины, имъ же самимъ отстаиваемой,—что побѣда есть прежде всего фактъ нравственный, а не матеріальный,—то мы приписываемъ это не болѣе, какъ недосмотру, и не сомнѣваемся, что онъ не оставитъ ее въ послѣдующихъ изданіяхъ своего труда *). Не сомнѣваемся и потому, что она находится въ логическомъ противорѣчіи съ его собственнымъ признаніемъ значенія духа войскъ въ боевомъ успѣхѣ, и потому, что она болѣзненно поразила тѣхъ изъ его читателей, которые считаютъ себя военными не по мундиру только.

V.

Авторъ и въ послѣднихъ томахъ своего труда остается вѣренъ себѣ: та же правда изображеній и тонкость психическаго анализа, когда дѣло идетъ о частной жизни; и та же самоувѣренная односторонность и такъ сказать незаконченность понятій, когда онъ пускается въ разсужденія по поводу описываемыхъ фактовъ, или выдающихся представителей массъ. Разница съ предшествующими томами его произведеній только въ томъ, что меньше картинъ и больше разсужденій; да еще въ томъ развѣ, что въ разсужденіи, особенно VI тома, напущено туману при помощи разныхъ хорошихъ словъ и замысловатыхъ фразъ, за которыми не трудно открыть тѣже одностороннія мнѣнія, которыя извѣстны уже читателю изъ IV тома.

Манера аргументаціи автора въ разсужденіяхъ та же: онъ не доказываетъ своихъ положеній, а, если можно такъ выразиться, втираетъ ихъ, повторяя совершенно одно и тоже на раз-

*) Онъ ее *оставилъ*. 1895.

ные лады по нѣскольку разъ и ссылаясь или на человѣческій умъ, которому будто бы противно признать то, что не нравится автору, или же на факты, которые по его мнѣнію могли бы быть, да не были и быть не могли, или, наконецъ, на какое либо сравненіе съ пароходомъ, стадомъ и т. п., сдѣланное такъ, что обыкновенно оно не идетъ къ дѣлу.

V томъ начинается съ того, что человѣческому уму непонятна абсолютная непрерывность движенія и что законы этого послѣдняго становятся понятны только тогда, когда человѣкъ разсматриваетъ произвольно взятыя единицы движенія. Въ этой необходимости разлагать не только движеніе, но и все изслѣдуемое на составныя части и лежитъ источникъ большинства человѣческихъ заблужденій, по мнѣнію автора, которое вполнѣ примѣнимо и къ его разсужденіямъ.

Для поясненія своей мысли авторъ прибѣгаетъ къ уподобленію, нисколько этой мысли не поясняющему. Мы съ намѣреніемъ на немъ останавливаемся, такъ какъ уподобленіе составляетъ любимую форму автора для проведенія его взглядовъ: форму, удобную для разъясненія чего либо отвлеченнаго, но еще болѣе удобную для такъ называемаго отвода глазъ.

Въ разбираемомъ случаѣ авторъ взялъ для примѣра извѣстную пѣшку древнихъ: догонитъ ли Ахиллесъ черепаху? Сущность ея разъясняется весьма просто, безъ дифференціаловъ и интеграловъ, вовсе не тѣмъ, что движеніе разложено, а тѣмъ, что разложеніе сдѣлано не соотвѣтственнымъ цѣли образомъ, ибо при сравненіи двухъ движеній нужно брать пространства, проходимыя въ данную, *постоянно одну и туже*, единицу времени; въ пѣшкѣ же взяты неодинакіе, но уменьшающіеся въ геометрической прогрессіи проме-

жутки времени и пространства; при каковомъ условіи Ахиллесъ не только не можетъ догнать черепахи, имѣющей хоть какое нибудь движеніе, но не догонитъ напр. и стѣны, не имѣющей никакого движенія. Дѣйствительно: поставимъ Ахиллеса отъ стѣны въ двухъ шагахъ и заставимъ его идти такъ: сначала сдѣлать шагъ, потомъ полъ шага, потомъ четверть, восьмую, шестнадцатую и такъ далѣе шага; сколько бы онъ ни шелъ такимъ образомъ, конечно до стѣны не дойдетъ.

Слѣдовательно въ пѣшкѣ открывается отвѣтъ не на вопросъ; вопросъ заключается въ томъ, догонитъ ли *Ахиллесъ черепаху?* а отвѣтъ на него сдѣланъ такой: *время и пространство безконечно дѣлимы.* Но автору необходимо было обезпокоить дифференціалы и интегралы; пѣшки онъ не пояснилъ, но и тѣ и другіе дѣйствительно обезпокоилъ, для большей внушительности послѣдующихъ своихъ разсужденій объ исторіи.

Результатъ ихъ слѣдующій: „Только допустивъ безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т. е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно малыхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи“.

Т. е. для того, напр., чтобы уразумѣть хоть бы 12-й годъ, нужно предварительно изучить біографію и влеченія по крайней мѣрѣ всѣхъ, принимавшихъ участіе въ ней, начиная положимъ хотя отъ Лаврушки въ одномъ лагерѣ и кончая Наполеономъ въ другомъ, и только тогда можно претендовать на правильность выводовъ объ этой кампаніи. Такъ ли? Если авторъ въ этомъ убѣжденъ, то ему первому не слѣдовало пускаться въ разсужденія о 12-мъ годѣ, такъ какъ онъ всѣхъ

помянутыхъ влеченій и біографій, конечно, не изучилъ.

Авторъ, чтобы выпутаться изъ затрудненія, въ которое самъ себя поставилъ, отвергая всякое значеніе исторіи въ ея современномъ состояніи, ставитъ ей идеалъ, едвали когда либо достижимый,—и на основаніи этого идеала неотразимо, по его мнѣнію, опрокидываетъ доводы, ею добытые.

Съ точки зрѣнія своего идеала онъ признаетъ выводы современной исторіи неполными—что совершенно вѣрно—и потому ложными—что уже вовсе не вѣрно и составляетъ логическій скачекъ. Исторія есть именно та наука, въ которой неполныя умозаключенія (т. е. основанныя на соображеніи не всѣхъ данныхъ) менѣе всего могутъ утвердиться, ибо имъ всегда есть поправка—въ самомъ совершившемся фактѣ, возникшемъ изъ тѣхъ, которые историку послужили матеріаломъ для выводовъ. Что нужды, если историкъ не высказалъ намъ всѣхъ причинъ событія? Само это событіе доскажетъ то, что́ онъ упустилъ изъ виду. За нимъ явятся другой, третій, сотый историки, и, исправляя мало по малу односторонности другъ друга, выработаютъ возможно вѣрный для современной имъ эпохи взглядъ на сказанный фактъ. И въ этомъ процессѣ критика не разрушаетъ въ прахъ прежде сдѣланныхъ выводовъ, какъ кажется автору; но разъясненіемъ обстоятельствъ, упущенныхъ изъ виду, только способствуетъ превращенію взглядовъ болѣе одностороннихъ въ менѣе односторонніе.

Этотъ путь одинаковъ въ приложеніи ко всѣмъ опытнымъ наукамъ, начиная съ самой точной изъ нихъ—прикладной математики.

Возьмемъ, напр, топографію.—Ошибки, происходящія отъ неустранимыхъ неточностей въ устройствѣ инструментовъ и въ работѣ, дѣлаютъ

невозможнымъ полученіе математически вѣрныхъ плановъ: но слѣдуетъ-ли изъ этого, что они никуда негодны? Можно назвать ихъ неточными,—пожалуй; но совершенно ложными, т. е. дающими превратное понятіе о мѣстности,—назвать ихъ нельзя.

Отрицаніе добытаго вѣковымъ трудомъ—при помощи противоположенія этого добытаго идеалу—дѣло праздное; стремиться непосредственно къ идеалу и ни къ чему не стремиться—одно и то-же. Авторъ, чтобы отстоять свои измышленія, становится на точку: *„или все, или ничего“*; человѣчество гораздо скромнѣе въ своихъ притязаніяхъ и находитъ, что *„лучше что нибудь, чѣмъ ничего“*.

Второй пріемъ исторіи, заключающійся въ томъ, чтобы „разсматривать дѣйствіе одного человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей“, теперь поставленъ уже на должное мѣсто и, хотя авторъ считаетъ его ошибочнымъ, никогда не будетъ совершенно отброшенъ, ибо имѣетъ основаніе въ натурѣ вещей.

Авторъ возстаетъ противъ него на томъ основаніи, что будто-бы „умъ человѣческій не только отказывается вѣрить въ это объясненіе, но прямо говоритъ, что пріемъ объясненія не вѣренъ, потому что въ этомъ объясненіи слабѣйшее явленіе принимается за причину сильнѣйшаго“.

Этотъ аргументъ—старый нашъ знакомый; въ IV томѣ онъ былъ выраженъ такъ: „человѣческое достоинство говоритъ мнѣ (т. е. автору), что всякій изъ насъ если не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ“.—Младшій его братъ пятаго тома страдаетъ тѣмъ же фамильнымъ недугомъ, что и старшій: неопредѣленностью выраженій. Что признавать за

силу и слабость явленій и какимъ мѣриломъ мѣрить эту силу и слабость? Очевидно массой, ибо другаго мѣрителя авторъ не указываетъ. Но тогда представляется такое недоразумѣніе: въ человѣкѣ нервная масса составляетъ по вѣсу никакъ не болѣе $^1/_8$ или $^1/_{10}$ въ сравненіи съ массой костей, мускуловъ, жира, - и однако что́ чѣмъ управляетъ? Поѣздъ во много десятковъ тысячъ пудовъ движетъ сила, представляемая нѣсколькими фунтами пара, поставленнаго въ извѣстныя условія: которая изъ этихъ двухъ массъ слабѣе— масса-ли поѣзда, или масса пара?

Народный организмъ во всемъ подобенъ человѣческому, по той простой причинѣ, что его строитъ тотъ же человѣкъ, который все творитъ по образу своему и подобію; въ народномъ организмѣ есть также и та и другая масса; и Наполеоны,—со всѣми развѣтвленіями, которыми они дѣйствуютъ на массу,—составляютъ въ отношеніи къ этой послѣдней именно то, что составляютъ нервные узлы и нервы въ отношеніи къ организму человѣческому. Слѣдовательно умъ человѣческій не можетъ отказаться вѣрить въ объясненіе, представляемое организмомъ, которымъ этотъ самый умъ управляетъ.

Мы не говоримъ уже о томъ, что, разумѣя подъ слабѣйшимъ явленіемъ незначительную по числу массу руководителей въ сравненіи съ массой руководимыхъ, авторъ противорѣчитъ самъ себѣ, отрицая принципъ духа въ пользу числа въ общей народной жизни и отрицая принципъ числа въ пользу духа въ одномъ изъ частныхъ проявленій этой жизни, т. е. въ жизни организма воинскаго.

Можетъ быть скажутъ, что непризнанные руководители иногда болѣе руководятъ массами, нежели признанные; что послѣдніе составляютъ

иногда не болѣе какъ вывѣску событія *); но признанные или не признанные,—они всегда бываютъ, а въ этомъ и весь вопросъ.

Напрягая всѣ силы къ тому, чтобы доказать ничтожество личностей руководящихъ, авторъ старается располагать соотвѣтственно этому и свое повѣствованіе. Говоритъ-ли о французской арміи послѣ Бородинскаго сраженія, нашествіе надвигается у него *само собой,* не вслѣдствіе распоряженій Наполеона, но „по одной силѣ стремительности“: какъ будто Наполеону не хотѣлось занять Москву?! Въ Москвѣ французы остаются не потому, что Наполеонъ, благодаря предшествующимъ успѣхамъ, дѣйствовалъ по рутинному убѣжденію, что съ паденіемъ столицы миръ неизбѣженъ, но „безъ всякой видимой причины“; бѣгутъ изъ Москвы не потому, что Наполеонъ потерялъ надежду на миръ, а партизаны стали сильно безпокоить и произошло Тарутинское столкновеніе,—но опять безъ всякой новой причины.

Наполеонъ, сознавая всю тяжесть боковаго преслѣдованія, которымъ грозило расположеніе нашей арміи подъ Тарутинымъ, рѣшается возстановить относительно ея фронтальное положеніе своей арміи и бросается на Малоярославецъ, но возвращается на Смоленскую дорогу не потому, что встрѣтилъ неожиданный отпоръ, что едва самъ не попалъ въ руки казакамъ и что у него не достало характера настоять на своемъ рѣшеніи,—а потому, что *„это должно было случиться“*.

Правда, авторъ проговаривается; артистическій инстинктъ не на столько еще подавленъ,

*) Какимъ былъ напр. Палафоксъ въ осадѣ Сарагоссы, по свидѣтельству Непира.

чтобы не становиться иногда поперекъ резонерству: но онъ выскажетъ дѣло какъ оно было, а потомъ постарается сгладить впечатлѣніе посильнымъ объясненіемъ въ духѣ его теорій.

„Когда вотъ-вотъ les enfants du Don могли поймать самого императора въ серединѣ его арміи, ясно было, что нечего больше дѣлать, какъ только бѣжать какъ можно скорѣе по ближайшей знакомой дорогѣ. Наполеонъ *съ своимъ 40-лѣтнимъ брюшкомъ,* не чувствуя въ себѣ уже прежней поворотливости и смѣлости, понялъ этотъ намекъ. И подъ вліяніемъ страха, котораго онъ набрался отъ казаковъ, тотчасъ же согласился съ Мутономъ и отдалъ, *какъ говорятъ историки*, приказаніе объ отступленіи назадъ, на Смоленскую дорогу“.

Кажется причина поворота ясна; Наполеонъ былъ не тѣмъ уже, когда, попавшись въ середину значительнаго непріятельскаго отряда, почти безъ конвоя, не только не уходилъ, но требовалъ сдачи отряда и получалъ ее *); но это объясненіе противорѣчитъ теоріи автора—и вотъ является вводка *„какъ говорятъ историки“*, а вслѣдъ за нею и полное противорѣчіе тому, что только что сказано.

„То, что Наполеонъ согласился съ Мутономъ и войска пошли назадъ, не доказываетъ (!) того, что онъ приказалъ это, но что силы, дѣйствовавшія на всю армію, въ смыслѣ направленія ея по Можайской дорогѣ, одновременно дѣйствовали и на Наполеона“.

Выходитъ, слѣдовательно, что и приказавши даже, онъ не приказалъ; должно быть приснилось...

*) Это случилось съ нимъ въ 1796.

Авторъ тщится провести свою теорію и въ изложеніи кампаніи съ русской стороны; по счастію, въ этомъ случаѣ онъ меньше вдается въ умствованія и болѣе занимается изображеніемъ сценъ; и всякій читатель, конечно, искренно его за это поблагодаритъ, хотя отъ этихъ сценъ теоріямъ автора и не здоровится.

Фланговый маршъ нашей арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу—маневръ, до такой степени для автора простой, что „каждый глупый тринадцатилѣтній мальчикъ безъ труда могъ догадаться, что въ 1812 году самое выгодное положеніе для арміи, послѣ отступленія отъ Москвы, было на Калужской дорогѣ“. Не смотря на то, онъ не допускаетъ, чтобы мысль этого марша могла возникнуть у какого-либо военачальника, но она вырабатывалась „шагъ за шагомъ, событіе за событіемъ, вытекала изъ безчисленнаго множества самыхъ сложныхъ условій“. Положимъ такъ; но вѣдь никто и до гр. Толстого не воображалъ, что планъ кампаніи 1812 г. былъ выработанъ съ самаго начала до малѣйшихъ подробностей, и изъ того, что онъ видоизмѣнялся въ зависимости отъ событій, не слѣдуетъ еще, что главнокомандующій въ этомъ дѣлѣ ничего не значилъ; роль его именно въ томъ и заключалась, чтобы подмѣтить обстоятельства, при которыхъ приходится дѣйствовать, и съ ними сообразовать свои распоряженія. Наполеонъ прямо говоритъ: à la guerre ce sont les circonstances qui commandent. Этого послѣдняго командира можно вѣдь понять болѣе или менѣе хорошо, можно и совсѣмъ не понять,—что и отличаетъ хорошаго распорядителя отъ дурного. Не полагаетъ же, надѣемся, авторъ, что всякая единица пятидесятитысячной массы почувствовала вдругъ потребность потянуться вдоль Пахры и потяну-

лась; не полагаетъ также, что если бы Кутузовъ приказалъ отступать по Нижегородской дорогѣ, то армія все-таки перешла-бы на Калужскую. Затѣмъ, кому первому пришла мысль перехода на Калужскую дорогу—вопросъ совершенно второстепенный и мы не знаемъ историка, который-бы серьозно останавливался на его разрѣшеніи *).

Могло быть даже, что первый толчекъ данъ былъ какимъ нибудь бездарнымъ послѣдователемъ теоріи Бюлова, задолбившимъ фланговыя позиціи, твердившимъ о нихъ и кстати и не кстати, и, наконецъ, услышаннымъ, когда по обстоятельствамъ оказалось стоющимъ его услышать. Во всякомъ случаѣ нужно же было кому-нибудь въ арміи слѣдить за возникающими шагъ за шагомъ обстоятельствами и, сообразно имъ, направлять движенія арміи? Авторъ этого не признаетъ: маршъ совершился потому, что долженъ былъ совершиться.

Усиливаясь доказать это странное положеніе, авторъ доходитъ, наконецъ, до того, что если бы представить себѣ „просто одну армію, безъ полководцевъ, то эта армія не могла-бы сдѣлать ничего другого, кромѣ обратнаго движенія къ Москвѣ, описывая дугу съ той стороны, съ которой было больше продовольствія и край былъ обильнѣе“.

Не даромъ французы говорятъ: qui prouve trop ne prouve rien. Въ параллель этому аргументу автора можемъ поставить только человѣка, которому отрубили-бы голову и который, не смотря на это, сдѣлалъ-бы то-же самое и точно также, какъ и не испытавъ этой операціи.

*) Мы уже имѣли разъ случай замѣтить, что на войнѣ мысль принадлежитъ не тому, кому она первому пришла въ голову, а тому, кто рѣшится ее исполнить съ отвѣтственностію за послѣдствія исполненія.

Далѣе, упорствуя на своемъ, авторъ ссылается на то, что и мародеры даже отбѣгали будто-бы именно по этому направленію, т. е. по Калужской и ближайшимъ къ ней дорогамъ. Гр. Толстой не имѣетъ, конечно, статистическихъ данныхъ, поддерживающихъ его предположеніе: мы-же имѣемъ то простое основаніе сомнѣваться въ его состоятельности, что мародеры такой народъ, который отбѣгаетъ по всѣмъ направленіямъ, сулящимъ поживу и обезпеченнымъ по ихъ соображеніямъ отъ непріятныхъ встрѣчъ. Были они вѣроятно и на Петербургской и на Ярославской и на Нижегородской, какъ на Калужской дорогѣ.

Но отдохнемъ нѣсколько отъ разсужденій автора и обратимся къ его сценамъ. Такія вещи, какъ совѣтъ въ Филяхъ, сцены въ „обезматочевшемъ ульѣ", —какъ авторъ великолѣпно называетъ Москву, передъ вступленіемъ въ нее французовъ, —ожиданіе Наполеономъ des Boyards Russes у Драгомиловской заставы—доставляютъ высокое эстетическое наслажденіе и долго не забудутся. Странно опять одно: какимъ образомъ, показавъ Кутузова въ минуту такой страшной рѣшимости, показавъ дѣйствительно героемъ, какимъ онъ въ ту минуту былъ, вложивъ въ уста его великія слова, —дѣйствительно ему принадлежащія, авторъ можетъ возвращаться къ своимъ взглядамъ, что командующій въ арміи значитъ то же, что и послѣдній солдатъ, и къ прочему въ томъ же родѣ?

„Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ, подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но на столько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „оставить-ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи, или защищать ее?“ Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтѣнье и покашливаніе Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малашка тоже смотрѣла на дѣдушку.—Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось не долго.

—*Священную, древнюю столицу Россіи!* вдругъ заговорилъ онъ сердитымъ голосомъ, повторяя слова Бенигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ. Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе-ли рисковать потерею Арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или, отдать Москву безъ сраженія?“ Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. Онъ откинулся на спинку кресла.

....„Во время одного изъ такихъ перерывовъ (преній) Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него. Eh bien, Messieurs, je vois que c'est moi qui payerai les pots cassés, сказалъ онъ. И медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу. Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ не согласны со мною. Но (и онъ остановился) властью,

врученною мнѣ моимъ Государемъ и отечествомъ, я приказываю отступленіе“.

Чувствуешь, что это дѣйствительно человѣкъ, который привыкъ быть нервнымъ узломъ, т. е. руководить массами, и который способенъ быть имъ,—властный человѣкъ: ни одного жеста лишняго, ни одного слова пустого; прямо попадаетъ, что называется, въ шляпку гвоздя. Или можетъ быть и въ этомъ случаѣ не Кутузовъ мощною рукою повернулъ руль, не Кутузовъ сказалъ слова, а ему только казалось, что онъ это сказалъ и сдѣлалъ?.. Мы замѣтили и еще разъ повторяемъ: въ „Войнѣ и Мирѣ“ два человѣка—артистъ и мыслитель; и первый при каждомъ удобномъ случаѣ бьетъ на голову второго. Иной еще разъ артистъ какъ будто соглашается помолчать изъ снисхожденія къ слабому товарищу; но какъ только примется говорить, забиваетъ въ конецъ.

VI.

Шестой томъ труда автора отличается тѣмъ, что вся послѣдняя часть его посвящена разсужденіямъ, касающимся, болѣе или менѣе удачно, науки только что возникающей—физіологіи коллективныхъ организмовъ *). Не имѣемъ ни силъ, ни охоты разбирать цѣликомъ эту неудобоваримую часть, въ которой мысли дѣйствительно вѣрныя перепутаны съ самыми странными парадоксами и высокопарными фразами довольно тощаго содержанія; коснемся преимущественно только тѣхъ мѣстъ ея, которыя имѣютъ хотя нѣкоторое отношеніе къ войнѣ и войску.

Въ началѣ VI тома авторъ дѣлаетъ опять небольшой поискъ въ область собственно теоріи

*) Писано въ 68 году. Теперь ее называютъ Соціологіей.

военнаго искусства, конечно, съ цѣлію указать нѣкоторыя несообразности положеній этой теоріи. Поискъ, какъ и предшествующіе, вышелъ не совсѣмъ удаченъ, показавъ въ авторѣ только диллетанта въ этомъ дѣлѣ. Однѣ изъ указанныхъ имъ несообразностей давно уже и безъ того отвергнуты военной теоріей; другія же и несообразности не составляютъ, а показались такими автору просто по недостатку въ немъ основательнаго знакомства съ дѣломъ.

„Однимъ изъ самыхъ осязательныхъ и выгодныхъ отступленій отъ такъ называемыхъ правилъ войны есть дѣйствіе разрозненныхъ людей противъ людей, жмущихся въ кучу".

Во первыхъ, разрозненные люди нападаютъ не на жмущихся въ кучу, а на отдѣляющихся почему-либо отъ кучи; во вторыхъ, въ теоріи войны, какъ и во всякой теоріи, нѣтъ положительныхъ правилъ, а есть только формулы, допускающія и положительныя и отрицательныя рѣшенія. Точно какъ въ математикѣ всякая формула приводится къ нулю, т. е. представляетъ соединеніе совершенно равносильныхъ „да" и „нѣтъ",—точно также и въ теоріи военнаго искусства. Если вы спросите человѣка, сколько нибудь понимающаго дѣло, выгодно-ли сосредоточеніе? Онъ вамъ отвѣтитъ: „смотря потому, *гдѣ, когда и для чего.* И вѣроятно пояснитъ это слѣдующимъ образомъ: имѣете въ виду продовольствовать армію, гораздо лучше разбросанное, чѣмъ сосредоточенное расположеніе. Ожидаете боя—лучше стѣснить расположеніе, хотя бы это затруднило продовольствіе; имѣете въ виду напасть на тылъ или на флангъ—лучше отказаться отъ извѣстной части силъ для этой цѣли, если можно расчитывать на успѣхъ; ибо, предполагая послѣдній, получите результатъ неизмѣримо боль-

шій, чѣмъ получили-бы, сохранивъ эту часть для нападенія съ фронта. Устроили себѣ нападеніе неожиданное, или случай устроилъ его,—бейте съ тѣмъ, что подъ рукою; имѣете цѣлью сломить непріятеля въ рѣшительномъ фронтальномъ бою, къ которому онъ приготовился, *не пренебрегайте ни однимъ баталіономъ*, который можете притянуть, т. е. чѣмъ болѣе силъ сосредоточите, тѣмъ лучше. Наконецъ, въ самомъ бою, для огня лучше разсыпаться, для натиска въ штыки лучше собраться. Слѣдовательно дѣло не въ томъ, чтобы держаться сосредоточенно, ни въ томъ, чтобы разбрасываться, *но въ томъ, чтобы знать, когда нужно сдѣлать одно, когда другое*. Посмотрите на Наполеона, можетъ быть прибавитъ къ этому объясняющій: въ бою все, что только можно притянуть, у него притягивается; но разъ непріятель сломленъ такъ, что возвратъ съ его стороны невозможенъ, силы разбрызгиваются чуть не во мгновеніе ока: кто для преслѣдованія, кто для поддержки преслѣдующихъ, кто для переформированія и отдыха послѣ потерь и т. п.“.

Дѣйствительно, были теоріи, построенныя исключительно на сосредоточеніи*), точно также какъ были и имъ противоположныя, т. е. основанныя на одной разброскѣ силъ**); но если авторъ хотѣлъ ратовать противъ первыхъ изъ нихъ, то тогда необходимо было и оговорить, что онъ относитъ свои замѣчанія не къ теоріи военнаго искусства вообще, въ ея современномъ состояніи, а къ теоріи господина X или У.

„Войну такого рода назвали партизанскою и полагали, что назвавъ ее такъ, объяснили ея значеніе. Между тѣмъ такого рода война

*) Жомини.
**) Отчасти Бюловъ; кордонная система.

не только не подходитъ ни подъ какія правила, но прямо противоположна извѣстному и признанному за непогрѣшимое тактическому правилу. Правило это говоритъ, что атакующій долженъ сосредоточивать свои войска, съ тѣмъ чтобы въ моментъ боя быть сильнѣе своего противника".

„Партизанская война (всегда успѣшная, какъ говоритъ исторія) прямо противоположна этому правилу".

„Противорѣчіе это происходитъ отъ того, что военная наука принимаетъ силу войскъ тождественною съ ихъ числительностію. Военная наука говоритъ, что чѣмъ больше войскъ, тѣмъ больше силы. Les gros bataillons ont toujours raison".

Уже изъ сказаннаго выше видно, во первыхъ, что партизанская война не противорѣчитъ основаніямъ военнаго искусства, которое равно допускаетъ и раздѣленіе и сосредоточеніе силъ, въ зависимости отъ поставленной цѣли и отъ обстоятельствъ, при которыхъ ее приходится достигать. Во вторыхъ, автору не безъизвѣстно, что главныя силы нашей арміи не расходились по партизанскимъ отрядамъ, а держались вмѣстѣ: слѣдовательно разброска силъ была примѣнена только отчасти; да иначе и быть не могло, ибо въ противномъ случаѣ французы тоже бы не преминули раздробиться по нѣсколькимъ дорогамъ и отступили-бы съ потерями несравненно меньшими, чѣмъ они понесли. Ихъ держали въ одной массѣ вѣдь не партизанскіе отряды, а именно то, что и наши главныя силы держались вмѣстѣ; и только благодаря этому, булавочные уколы партизанскихъ отрядовъ обратились въ смертельныя раны.

Въ третьихъ, начало быть сильнѣе противника на пунктѣ нападенія,—не во гнѣвъ будь сказано почтенному автору,—не только не опровергается партизанскими дѣйствіями, но, напротивъ, находитъ въ нихъ блистательное подтвержденіе: партизанъ никогда не вздумаетъ нападать на значительныя и готовыя къ бою массы: старается никогда не нападать иначе, какъ врасплохъ; *слѣдовательно прежде и болѣе всего хлопочетъ именно объ томъ, чтобы на пунктѣ нападенія быть сильнѣе своего противника*. Если этихъ условій нѣтъ, онъ уходитъ; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, т. е., по просту говоря,—бѣжитъ, чего никогда не долженъ дѣлать значительный отрядъ. Правда, можно сказать, что это не положительное, а отрицательное усиленіе, т. е., что партизанъ не самъ усиливается, а ловитъ минуты слабости непріятеля; но вѣдь результатъ одинъ—*нарушеніе равновѣсія силъ въ пользу партизана*. Тамъ же, гдѣ онъ можетъ получить положительное подкрѣпленіе, партизанъ имъ не пренебрежетъ. Мы предлагаемъ почтенному автору на разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: Денисовъ, выжидая присоединенія Долохова для нападенія на французскій отрядъ, дѣйствовалъ-ли согласно началу сосредоточенія силъ на пунктѣ нападенія, или же вопреки ему?

Вдумавшись серьезнѣе въ факты, имъ самимъ описываемые, авторъ можетъ быть нѣсколько осторожнѣе сталъ бы указывать на воображаемыя односторонности въ теоріи военнаго искусства; сталъ бы понимать шире ея положенія и не провозглашалъ бы чуть не за открытіе того, что въ ней уже принято до его указаній.

Такъ авторъ, воображая будто военная теорія подъ силою разумѣетъ только числительность войскъ, пускается въ разъясненія того, какъ

это ошибочно, ибо сила не заключается ни въ числѣ, ни въ вооруженіи, ни въ геніальности полководца, а въ духѣ войскъ, т. е. *въ большемъ или меньшемъ желаніи драться всѣхъ людей, составляющихъ войско.* До такой степени это не новость, что послѣдняя мысль даже и по формѣ не принадлежитъ автору, а слово въ слово взята у одного изъ самыхъ выдающихся военныхъ теоретиковъ—у Жомини.

Военная теорія говоритъ то же самое, что и авторъ; только она не противополагаетъ числа, строя, вооруженія и другихъ матеріальныхъ данныхъ духу, какъ то ошибочно дѣлаетъ авторъ; не ставитъ также способностей полководца—силы духовной и непосредственно дѣйствующей на духъ войскъ—на одну доску съ геометрическими построеніями и съ вооруженіемъ. Полагая основнымъ условіемъ успѣха, какъ и авторъ, желаніе сразиться,—теорія, на основаніи фактовъ, признаетъ, что это желаніе можетъ возникнуть только вслѣдствіе увѣренности въ побѣдѣ надъ врагомъ въ случаѣ столкновенія: увѣренности, которая растетъ или падаетъ въ зависимости отъ того, хорошо или дурно вооруженіе, въ какой мѣрѣ геометрическія формы соотвѣтствуютъ боевымъ требованіямъ, въ какой мѣрѣ мы превосходимъ или уступаемъ непріятелю числомъ, въ какой мѣрѣ начальникъ успѣлъ возбудить довѣріе къ своимъ способностямъ и пр. и пр.,—всего не перечесть.

Военная теорія не останавливается на однѣхъ этихъ данныхъ, присущихъ войску, она указываетъ и на чисто внѣшнія обстоятельства, вліяющія иногда весьма сильно на духъ войскъ, какъ: неожиданность нападенія, различныя случайности, иногда самыя ничтожныя, а между тѣмъ приво-

дящія къ паникѣ, т. е. къ полному подрыву духа войскъ.

Военная теорія, наконецъ, признавъ вліяніе мирной подготовки на духъ войскъ, занимается разработкою вопроса о томъ, какимъ образомъ должно вести воспитаніе и образованіе войскъ въ мирное время, чтобы не только не подорвать ихъ духа, а напротивъ, развить и закалить его въ боевомъ смыслѣ.

Авторъ утверждаетъ, что военная теорія говоритъ будто—бы: чѣмъ больше войскъ, тѣмъ больше силы, и ссылается въ подтвержденіе этого на замѣтку Наполеона les gros bataillons ont toujours raison. Нѣтъ, военная теорія говоритъ не это, но только то, что при равныхъ прочихъ условіяхъ, вѣроятностей на побѣду имѣетъ болѣе тотъ, кто сильнѣе числомъ. Несчастіе военной теоріи въ томъ, что она не огорожена частоколомъ знакоположенія, на манеръ математической: формулы ея выражаются словами, которыя имѣютъ слишкомъ ограниченный смыслъ; они не растяжимы, какъ алгебраическіе знаки, при которыхъ подъ какимъ нибудь *a* укрываются всѣ величины, заключающіяся между предѣлами положительной и отрицательной безконечности.

Отъ этого и выходитъ, во первыхъ, что въ военныхъ вопросахъ всякій считаетъ себя судьей: все такъ ясно и легко читается, все составляетъ достояніе простого обыденнаго здраваго смысла (а кто же допускаетъ сомнѣніе въ томъ, что его имѣетъ?); во вторыхъ, всякая формула выражается такъ длинно, что диллетантъ читатель прочтетъ иной разъ только начало, а думаетъ, что уже добрался до конца, и спѣшитъ выводить заключенія.

Возьмемъ для примѣра les gros bataillons ont toujours raison. На этой фразѣ можно построить

что угодно; можно сказать, напр., такъ: слѣдовательно баталіонъ въ 2000 человѣкъ лучше, чѣмъ въ 1000; въ 5,000, 10,000 еще лучше и т. д. Какой, однако, дуракъ былъ этотъ Наполеонъ, умозаключитъ пожалуй подобный знатокъ теоріи военнаго дѣла (и какой я умница, что это открылъ, навѣрное прибавитъ про себя), а его еще въ геніи пожаловали". Кто ищетъ вѣрныхъ выводовъ, тотъ не станетъ вырывать изъ цѣпи разсужденій отдѣльной фразы, игнорируя связь съ предъидущимъ и послѣдующимъ; тотъ несетъ обязательство, во имя законовъ логики, принимать въ расчетъ, что это сказалъ человѣкъ, который, подобно всѣмъ писателямъ его закала, не любитъ распространяться и развивать свою мысль до уровня доступности для всѣхъ пониманій. Тотъ-же Наполеонъ говоритъ, что $^3/_4$ боеваго успѣха зависитъ отъ нравственныхъ причинъ: взявъ это въ расчетъ, не трудно понять, при какихъ условіяхъ les gros bataillons peuvent avoir raison. Но автору для его цѣлей не нужно понимать; и онъ или не понимаетъ, или, по вышесказанному, не дочелъ до конца.

„Люди, имѣющіе наибольшее желаніе драться, всегда поставятъ себя въ наивыгоднѣйшее положеніе для драки".

Это уже совершенно невѣрно, ибо стать въ выгоднѣйшее положеніе для драки есть искусство и принадлежитъ слѣдовательно къ области распорядительной, а не исполнительной дѣятельности въ арміи, т. е. исходитъ прежде изъ ума, чѣмъ изъ энергіи. У Римлянъ при озерѣ Тразименѣ не было недостатка въ желаніи драться; но выгоднѣйшаго для драки положенія они далеко не занимали. Не было недостатка въ желаніи драться и у нашихъ войскъ подъ Фридландомъ напр., а

между тѣмъ положеніе было не лучше Тразименскаго.

Уличивъ военную теорію въ томъ, что она подъ силою разумѣетъ будто-бы только численность, авторъ этимъ не ограничивается, но идетъ дальше и указываетъ вѣрнѣйшій, по его мнѣнію, методъ отысканія законовъ, по которымъ происходятъ боевыя столкновенія. Вѣрность этого метода, положимъ, нуждается еще въ подтвержденіи: но что до легкости, то она неоспорима. Посудите сами, читатель; для вывода законовъ, по которымъ происходятъ самыя сложныя психическія явленія не въ одномъ человѣкѣ, но въ цѣлой массѣ людей, достаточно, по мнѣнію автора, умѣть составлять самыя нехитрыя пропорціи! Принявъ для примѣра, что десять военныхъ единицъ, сражаясь съ пятнадцатью, убили и забрали въ плѣнъ всѣхъ безъ остатка, а сами потеряли четыре, авторъ выводитъ, что $4\ x = 15\ y$, или $4 : 15 = y : x$, и неустрашимо заключаетъ, что подобное невинное ариѳметическое упражненіе опредѣляетъ отношеніе между двумя неизвѣстными и можетъ дать ряды чиселъ, въ которыхъ должны существовать и могутъ быть открыты законы. Да развѣ оставшіеся шесть единицъ не принимали никакого участія въ этомъ воображаемомъ дѣлѣ?

И это говоритъ человѣкъ, который только и твердитъ, что про духъ, и который поэтому одному долженъ-бы былъ, кажется, хотя нѣсколько приглядѣться къ свойствамъ этой страшной и неуловимой силы! Даже при помощи высшаго анализа не удалось пока схватить въ формулы многихъ явленій, производимыхъ неорганическими силами, а онъ думаетъ вывести законы духа при помощи пропорцій. Странное противорѣчіе: то онъ отвергаетъ значеніе всей матеріальной сто-

роны во имя духа, то вдругъ самъ относится къ духу чисто матеріалистически, воображая возможнымъ мѣрить его чуть не на лоты и на золотники.....

Дальнѣйшее разсужденіе автора о томъ, что будто-бы по тактикѣ нужно дѣйствовать массамъ при наступленіи, разрозненно при отступленіи; что это яко бы правило будто подтверждаетъ безсознательно истину зависимости силы войска отъ духа; что русскіе напротивъ дѣйствовали разбросанно при преслѣдованіи французовъ, ибо духъ ихъ былъ поднятъ,—составляютъ такія фантазіи, которыя и безъ разбора очевидны.

Во первыхъ, при отступленіи, когда духъ находится почти всегда въ упадкѣ, не слѣдуетъ разбрасывать войска и по теоріи автора; во вторыхъ, правила, приводимаго авторомъ, въ современной тактикѣ нѣтъ: было нѣчто подобное въ теоріи Бюлова, но и тамъ нашло мѣсто не вслѣдствіе признанія значенія духа, а вслѣдствіе исключительнаго принятія въ расчетъ тыла арміи; въ третьихъ, духъ нашей арміи при отступленіи въ 12 году не былъ ни чѣмъ ниже, какъ и при преслѣдованіи, однако наши войска отступали не разрозненно; въ четвертыхъ, наконецъ, и при преслѣдованіи главная масса нашихъ силъ раздроблялась не болѣе, какъ на столько, сколько это требовалось удобствомъ движенія; но и при этомъ части ея держались на такомъ растояніи, что всегда могли быть сосредоточены въ случаѣ надобности.

Далѣе авторъ снова возвращается къ историкамъ и, стремясь въ конецъ ихъ истребить, навязываетъ имъ такое мнѣніе, котораго серьезно ни одинъ изъ нихъ не проводилъ.

Именно авторъ повѣствуетъ, будто историки представляютъ даже и послѣдній побѣгъ Напо-

леона, какъ что-то великое и геніальное. Не случалось намъ читать такихъ историковъ. Если же авторъ знаетъ ихъ, то лучше было-бы прямо указать, чьи именно мнѣнія онъ считаетъ нелѣпыми и заслуживающими совершенно справедливаго осмѣянія.

Военно-историческую часть своего романа авторъ заканчиваетъ разборомъ плана второй половины кампаніи и вопроса о томъ—возможно ли было преградить французамъ отступленіе. И въ этомъ онъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, не соглашается съ общепринятымъ мнѣніемъ; удивительнѣе было-бы, если-бы онъ согласился. По его мнѣнію стремиться отрѣзать французской арміи путь отступленія было столь-же нелѣпо, какъ нелѣпо огороднику, выгоняющему скотину, затесавшуюся къ нему въ огородъ, забѣжавъ спереди, бить по лбу (это было бы дѣйствительно нелѣпо; но убить ее, хотя бы и спереди, чтобы впередъ не пакостила, не было-бы нелѣпо). И вотъ русскіе (масса), будто бы сознавая эту нелѣпость, дѣлали не то, что имъ было приказано, а то, что имъ было нужно: просто и ясно! Должно быть и Чичаговъ, принадлежавшій тоже вѣроятно къ массѣ, нарочно въ этихъ видахъ далъ себя захватить врасплохъ въ Борисовѣ и оттѣснить на правый берегъ Березины. Нѣтъ нужды, что историки совершенно опредѣлительно и по документамъ доказываютъ, что планъ сосредоточенія арміи Чичагова, Витгенштейна и Кутузова, не смотря на громадныя разстоянія, съ которыхъ они сходились, былъ замѣчательно близокъ къ осуществленію; нѣтъ нужды, что они указываютъ ясно на ошибки Чичагова, на нежеланіе Витгенштейна прійти во̀ время къ пункту сосредоточенія: все это объясненія слишкомъ простыя и понятныя, „основанныя на письмахъ

царей и дипломатовъ“, слишкомъ очевидно ставятъ дѣло въ зависимость отъ начальниковъ, чтобы авторъ могъ съ ними согласиться; и вотъ онъ изобрѣтаетъ огородника, скотину и проч., лишь-бы только свернуть на самодѣятельность массы не только помимо, но наперекоръ ея руководителямъ.

Невозможность и безсмысленность попытки отрѣзать французовъ авторъ доказываетъ (т. е. ему кажется, что доказываетъ) въ нѣсколькихъ пунктахъ; изъ нихъ одинъ имѣетъ, да и то только кажущуюся, основательность: это ссылка на страшное истощеніе арміи Кутузова. Но вѣдь по плану, отрѣзать французовъ долженъ былъ не Кутузовъ, а Чичаговъ, который уже былъ на Березинѣ, и Витгенштейнъ, который находился всего въ 25 верстахъ отъ нея въ день устройства переправы. У каждаго изъ нихъ было до 30 т. У Наполеона подъ ружьемъ было около 40 т. Въ состояніи духа перевѣсъ тоже былъ на нашей сторонѣ: заключеніе кажется понятно.

VI.

Вторую часть шестого тома, посвященную исключительно умозрительнымъ опытамъ, авторъ начинаетъ съ того, что описать жизнь не только человѣчества, но и одного народа представляется невозможнымъ; т. е., другими словами, что вся исторія есть не болѣе какъ безсмыслица.

Если таково убѣжденіе автора, то кажется его бы слѣдовало доказать, да и покончить разсужденія объ исторіи; ничуть не бывало: не подумавъ даже доказать своего приговора, авторъ пускается въ разборъ древняго и новаго воззрѣнія на исторію и опредѣляетъ характеристическую разницу между ними тѣмъ, будто древніе исто-

рики все относили къ божеству, а новые отвергли это начало. Невѣрно: разница между ними заключается въ томъ только, что первые, озаглавивъ Высшее Начало Юпитерами, Венерами, Меркуріями и пр., воображали будто его понимаютъ *); между тѣмъ какъ вторые, признавая съ полною искренностію, что для человѣка это начало непостижимо, не пробуютъ и тратить силъ на разсужденія о томъ, чего постигнуть нельзя.

Это нежеланіе заниматься тѣмъ, что не по силамъ человѣку, авторъ принимаетъ за отрицаніе, начинаетъ разить новыхъ историковъ за то, что ихъ объясненія событій несостоятельны,— разумѣется съ точки зрѣнія его идеала,—и приводитъ къ причинѣ всѣхъ причинъ: т. е. къ тому концу, который для всѣхъ столько-же подразумѣваемъ, какъ и непостижимъ, и который ни на волосъ не подвигаетъ въ разъясненіи историческихъ вопросовъ.

Цѣль такого маневра очевидна: обнаруженная несостоятельность воззрѣній автора на ближайшія причины событій побудила его укрыться въ фортецію конечныхъ причинъ, изъ которой,— какъ съ точки зрѣнія вѣчности,—все оказывается ничтожнымъ: основательное, какъ и самое поверхностное изслѣдованіе факта; наборъ словъ, какъ и геніальное произведеніе. Въ IV томѣ было „ничто не причина“; въ V и VI причина нашлась, но недоступная человѣческому пониманію, передъ которой всѣ прочія разумѣется одинаково нелѣпы и одинаково состоятельны и передъ которой не только Наполеонъ является ничѣмъ не выше послѣдняго солдата, но и народъ, да и весь земной шаръ ничего не значатъ!

(*) Хотя у нихъ, выше всѣхъ боговъ была Судьба, которой они понимать не претендовали.

Бѣда въ одномъ: если эта причина недоступна человѣческому пониманію, такъ зачѣмъ же и автору на нее указывать? Вѣдь онъ объ ней знаетъ столько же, сколько и истребляемые имъ историки, т. е. ровно ничего не знаетъ. Или можетъ быть онъ претендуетъ на откровеніе....

Что толку въ томъ, если-бы какой нибудь метафизикъ, признавая коверъ-самолетъ единственнымъ совершеннымъ экипажемъ, находилъ бы кучу недостатковъ въ современныхъ каретахъ, паровозахъ и пароходахъ? И тѣ, и другіе, и третьи не перестали бы двигаться по своимъ путямъ, возить не только безпритязательное человѣчество, но и самого метафизика, не смотря на то, что до ковра-самолета имъ, конечно, далеко.

Еще Паскаль сказалъ: l'homme n'est ni ange, ni bête; et le malheur veut que qui veut faire l'ange, fait la bête. Предназначенные жить на землѣ,—не выше и не ниже,--жить между людьми, займемся лучше тѣмъ, что около насъ и между нами дѣлается, не заносясь въ недоступная намъ горняя.

Добытые подъ вліяніемъ такого взгляда выводы не будутъ выспренни, за то плодотворны. Охотники до забавы находить все несовершеннымъ, конечно, будутъ твердить, что такое относительное знаніе не есть знаніе—пусть ихъ твердятъ: опытъ показалъ, что отъ этого они не подвигаются къ знанію абсолютному ни на волосъ. Вѣдь не въ одной исторіи, а во всѣхъ наукахъ давно уже пришли къ тому убѣжденію, что не только первичныхъ, но даже и производныхъ силъ, въ ихъ существѣ, человѣкъ знать не можетъ, а судитъ о нихъ по ихъ проявленіямъ; слѣдовательно и нужно заниматься этими послѣдними.

Какая сила движетъ народами? спрашиваетъ гр. Толстой и даетъ за историковъ отвѣтъ, который изъ всѣхъ силъ тщится выставить неудовлетворительнымъ.

Силы этой мы не знаемъ,—могли бы сказать историки, представъ на судъ автора,—но наблюденіе надъ жизнью народовъ показываетъ намъ, что она, т. е. сила, проявляется въ народномъ организмѣ чрезъ людей, имѣющихъ въ немъ то же значеніе, которое принадлежитъ мозгу и нервамъ въ индивидуумѣ. Эти люди: властители, администраторы, жрецы подъ разными наименованіями и тѣ подчиненные имъ дѣятели, которые проникаютъ всякій народный организмъ до самыхъ мелкихъ его подраздѣленій—первая категорія; провозвѣстники новыхъ идей и миссіонеры этихъ людей—вторая категорія. Первые изъ нихъ способствуютъ возможно стройному ходу жизни въ данную установившуюся эпоху развитія; вторые даютъ толчокъ для перехода изъ одной эпохи развитія въ другую, болѣе совершенную. Конечно, категоріи эти не всегда представляются раздѣльными: властитель или администраторъ, напр., иногда бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преобразователь *); провозвѣстникъ идеи обращается, хотя и рѣже, во властителя или администратора **).

Переходы изъ одного періода развитія въ другой, какъ всякое нарожденіе чего либо новаго, невозможно безъ болѣзненныхъ явленій; и чѣмъ переходъ рѣзче, чѣмъ нарождающійся порядокъ болѣе разнится отъ стараго, тѣмъ эти явленія сильнѣе.

---

*) Петръ Великій.

**) Магометъ.

Мать, рожая, выноситъ страшный кризисъ, иногда разстается съ жизнію; даже развитіе всякаго уже возникшаго организма, безъ нарожденія новаго, сопровождается болѣзнями, которыя также иногда приводятъ къ смерти; такъ и въ коллективныхъ организмахъ. Только въ примѣненіи къ нимъ болѣзни роста или родовъ называются войнами, революціями, усобицами, гоненіями, злоупотребленіями и пр. и пр. Древній міръ преобразился въ Христіанскій, только испустивъ духъ: роды сопровождались смертью. Соединенные Штаты отдѣлились отъ Англіи: новый организмъ народился съ потрясеніемъ организма матери, отъ котораго она сдѣлалась еще здоровѣе.

Мы никогда не скажемъ нелѣпости, которую намъ приписываетъ гр. Толстой,—прибавили бы вѣроятно историки,—будто событія производятся исключительно волей Наполеоновъ, Александровъ и пр.; но утверждали и утверждаемъ, что человѣкъ, созданный обстоятельствами, въ цѣпи ихъ становится, въ свою очередь, „обстоятельствомъ", болѣе или менѣе вѣскимъ,—въ зависимости отъ занимаемаго положенія и отъ личныхъ свойствъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всякій подобный человѣкъ испытываетъ вліяніе окружающей его массы: но это вліяніе отражается на одномъ такъ, на другомъ иначе, уже въ зависимости отъ его личныхъ свойствъ, какъ врожденныхъ, такъ и сложившихся въ зависимости отъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ развивался. Противорѣчія между нами въ объясненіяхъ того, на чемъ основана власть даннаго лица, только кажущіяся, ибо они не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга.

По своему складу и по претензіи на военные таланты (могъ бы прибавить къ своей исповѣди Тьеръ), я палъ ницъ передъ военнымъ ге-

ніемъ Наполеона, и, какъ истый французъ, умолчалъ о темныхъ сторонахъ моего идола. По эпохѣ, въ которую живу и которая выявила всѣ тяжелыя стороны бонапартизма, а также по реакціи противъ безусловныхъ хвалителей, я сталъ на точку безусловнаго хулителя,—можетъ быть прибавилъ бы Lanfrey; но соглашаюсь съ тѣмъ, что въ такомъ сложномъ характерѣ было и доброе и худое, и что нельзя быть вынесеннымъ народною волною на Наполеоновскую высоту, не зная къ кому и какой стороной поворачиваться, не умѣя этого дѣлать въ совершенствѣ. Припомните, почтенный критикъ, что говоритъ великій поэтъ вашей націи о Мазепѣ:

Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливой
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ.
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ! и т. д.

Кажется будто это противорѣчіе, а между тѣмъ вовсе нѣтъ, ибо и то, и другое, и третье отвѣчало цѣли, которую Мазепа себѣ поставилъ. Положимъ, что люди, къ которымъ онъ обращался съ подобными рѣчами, вздумали бы каждый написать его характеристику; они бы противорѣчили другъ другу, но эти противорѣчія отнюдь не уничтожались бы взаимно".

Равномѣрно нѣтъ противорѣчія и въ томъ, что идеи революціи произвели Наполеона и были подавлены имъ,—точно также какъ нѣтъ противорѣчія между тѣмъ, что свойства страны обнаруживаютъ вліяніе на человѣка, въ ней родившагося, а онъ, въ свою очередь, мало по малу, измѣняетъ эти свойства. Это воздѣйствіе въ че-

ловѣческихъ массахъ происходитъ только быстрѣе, такъ какъ и силы ими представляемыя впечатлительнѣе и подвижнѣе.

Авторъ только при условіи большой уступчивости соглашается съ тѣмъ, что между умственною дѣятельностью и движеніемъ народовъ есть что-то общее, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить, чтобы она руководила дѣятельностью людей, „ибо такія явленія, какъ жесточайшія убійства французской революціи, вытекающія изъ проповѣдей о равенствѣ человѣка, и злѣйшія войны и казни, вытекающія изъ проповѣди о любви, не подтверждаютъ этого предположенія".

Не подтверждаютъ потому, что авторъ,—намѣренно или безсознательно, не знаемъ,—употребляетъ въ этомъ случаѣ *) способъ аргументаціи, совершенно непримѣнимый къ сложнымъ явленіямъ. Способъ этотъ самый первобытный и имѣетъ смыслъ только въ начальной геометріи. Вотъ онъ: положимъ, что идеи руководятъ движеніями народовъ; но такъ какъ умъ у всѣхъ людей дѣйствуетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, то всякая идея должна бы быть понята и признана всѣми единодушно, т. е. воплотиться въ жизнь безъ борьбы. Между тѣмъ мы видимъ совершенно обратное; слѣдовательно предположеніе, будто идеи руководятъ движеніями народовъ,—нелѣпо. Или, выше: „Тьеръ говоритъ, что Наполеонъ былъ благороднѣйшій человѣкъ; Lanfrey говоритъ, что онъ былъ мошенникъ"; слѣдовательно они другъ друга уничтожаютъ.

Однимъ словомъ: положимъ, что прямые углы не равны; это предположеніе приводитъ къ нелѣпости, слѣдовательно они равны.

*) Да впрочемъ онъ его вездѣ почти примѣняетъ, какъ бы не зная, или не желая знать другаго.

Въ изслѣдованіи сложныхъ вопросовъ подобное приведеніе какого либо положенія къ нелѣпости вовсе не доказываетъ, что обратное положеніе вѣрно; а доказываетъ только, что изслѣдованіе сдѣлано односторонне, т. е. что авторъ, разложивъ сложное явленіе, остановился на одной его части и упустилъ (или захотѣлъ упустить) изъ виду всѣ остальныя.

Если борьба, нелогичная съ точки зрѣнія разсудка, имѣетъ мѣсто въ явленіяхъ народной жизни, то это доказываетъ не ничтожество идей въ нихъ, а только то, что есть еще и другія силы, производящія эти явленія совмѣстно и современно съ идеями.

Въ разбираемомъ случаѣ авторъ долженъ былъ примѣнить способъ изслѣдованія, употребляемый въ физикѣ для вывода закона равнодѣйствующей; тогда бы онъ былъ правъ и пришелъ бы совсѣмъ къ другимъ заключеніямъ. Вы наблюдаете, что точка движется по извѣстному направленію, и видите, что сила, къ ней приложенная и вами замѣченная, не совпадаетъ съ направленіемъ движенія; слѣдуетъ ли изъ этого, что она не принимаетъ никакого участія въ движеніи? Нѣтъ; а слѣдуетъ только то, что есть еще сила, или силы, которыя вмѣстѣ съ нею производятъ это движеніе.

Попробуемъ примѣнить этотъ способъ изслѣдованія къ разбираемому вопросу и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Наблюденіе надъ поступками человѣка показываетъ, что всякому изъ нихъ непремѣнно предшествуетъ мысль, которая и воплощается въ поступкѣ. Народъ дѣйствуетъ также, какъ и человѣкъ: всякому событію въ его жизни непремѣнно предшествуетъ умственная работа, въ лицѣ представителей народа, которые приводятъ къ осяза-

тельной формѣ мысли, бродящія въ данную эпоху въ народѣ и составляющія то неуловимое, но осязаемое нѣчто, которое принято называть *духомъ времени.*

Факты самые яркіе,—какъ водвореніе христіанства,—показываютъ, что изъ идеи человѣкъ рѣшается иногда на самыя такъ пазываемыя противоестественныя жертвы, не только безъ колебаній, но даже съ наслажденіемъ.

Слѣдовательно идеи руководятъ движеніями индивидуумовъ и массъ? Если-бы это было вѣрно, то поступки и тѣхъ и другихъ отвѣчали бы всегда законамъ чистой логики, и въ нихъ не было-бы мѣста ни кровавымъ, ни другимъ практическимъ столкновеніямъ, ибо всѣ недоразумѣнія разрѣшались бы только диспутами. Доказательствомъ этому можетъ служить область чисто умственной дѣятельности, т. е. научная область: всякая вновь открытая истина принимается въ ней быстро, хотя и не безъ оппозиціи. Думали прежде, что кровь стоитъ въ жилахъ; явился человѣкъ, который открылъ, что она движется: поспорили, да и согласились. Тоже съ давленіемъ воздуха, вытѣснившимъ гипотезу: „природа пустоты не терпитъ"; тоже и со всѣми научными открытіями *).

Въ жизни конкретной совсѣмъ не то: воплощеніе не только идеи совершенно новой, но даже прямыхъ послѣдствій давно уже водворившейся въ сознаніи даннаго людскаго общества,—сопровождается самыми болѣзненными явленіями; слѣдовательно должна быть сила, препятствующая принятію идей чисто логическимъ путемъ. Наблюденіе показываетъ, что она дѣйствительно

*) Хотя и въ чисто научныхъ открытіяхъ дѣло иногда доходило чуть не до костра; достаточно припомнить Галилея.

есть; это сила личнаго интереса и страстей, которая, при малѣйшей перемѣнѣ существующаго порядка (не говоря уже о коренныхъ перемѣнахъ), тотчасъ дѣлитъ общество на два враждебные лагеря: одинъ—стремящійся провести новое, другой—отстаивающій старое. Умственная сила, приведшая къ такому положенію, немощна одна разрѣшить его, ибо нельзя убѣдить словами противника, въ интересѣ котораго не признавать основательности вашихъ доводовъ: исходъ одинъ—борьба, которая будетъ тѣмъ ожесточеннѣе, чѣмъ убѣжденія святѣе, выше, а люди, ихъ исповѣдующіе—честнѣе, энергичнѣе.

Итакъ, основную силу, движущую человѣкомъ и людскими массами, составляютъ можетъ быть страсти? Опять нѣтъ, ибо борьба возникаетъ всегда во имя чего нибудь, борьба изъ за ничего—безсмыслица. Это-то „что нибудь", составляющее цѣль борьбы, дается дѣятельностью ума, а не страстей; слѣдовательно обѣ силы дѣйствуютъ совмѣстно и современно. Но многіе случаи борьбы не могутъ быть объяснены и совокупнымъ дѣйствіемъ обѣихъ этихъ силъ: открывается третій разрядъ ихъ, уже совершенно независимыхъ отъ человѣка, но могущественно дѣйствующихъ въ явленіяхъ, которыя авторъ называетъ движеніями народовъ. Это силы природы, выражаемыя: вліяніемъ на массы климата, географическаго положенія и внутренней работой этнографическихъ и экономическихъ причинъ, которыя даютъ то или другое направленіе инстинктамъ, темпераменту, нравамъ, предрасположеніямъ и наклонностямъ расъ и народовъ.

Въ этой сложной игрѣ силъ при возникновеніи какого либо факта и кроется разгадка того, что ни одна идея никогда не достигаетъ полнаго своего осуществленія: истина—весьма мѣтко вы-

ражаемая извѣстной французской поговоркой: rien n'est plus faux qu'un fait.

Изъ этого же станетъ понятно, что требовать объясненія связи идей съ массами, какъ дѣлаетъ авторъ, то же самое, что требовать объясненія связи между мыслью, которая пришла въ голову человѣку, и этимъ человѣкомъ; между поступкомъ, на который онъ рѣшается для осуществленія мысли, и этой послѣдней и т. под.

По своему обычаю, авторъ, послѣ разсужденій, приводитъ уподобленіе: идетъ пароходъ, и движеніе его одинъ мужикъ объясняетъ чортомъ, другой движеніемъ колесъ, третій дымомъ, относимымъ вѣтромъ. Объясненіе явленій народной жизни вліяніемъ идей по автору то же, что объясненіе движенія парохода дымомъ. Предоставляемъ читателю рѣшить, серьезное-ли это уподобленіе, или только юношеское играніе для отвода глазъ.

Слѣдить за мыслью автора въ его послѣдующихъ разсужденіяхъ, уловить, чего онъ хочетъ и хочетъ-ли чего-либо,—мы въ состояніи не были. Можетъ читатели будутъ счастливѣе: можетъ-быть разсужденія автора носятъ въ себѣ глубокій смыслъ—мы не нашли его. Вѣчное повтореніе одного и того же, только въ измѣненной формѣ; поползновеніе сомнѣваться въ очевидныхъ фактахъ, ни чѣмъ не оправдываемое; красивыя, но безсодержательныя фразы; произвольно поставленные вопросы и притянутые къ нимъ за волосы отвѣты; наконецъ, неподобныя уподобленія: все это—такъ показалось намъ по крайней мѣрѣ—тянется безъ всякой внутренней логической связи. Видно только, что авторъ тщится истреблять историковъ, но все какъ-то ходитъ кругомъ и около, а ничего яснаго не говоритъ.

Истины въ родѣ того, что источникъ власти не въ лицѣ, а въ отношеніяхъ его къ массамъ, что жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь*) нѣсколькихъ людей,—на томъ оригинальномъ основаніи, что связь между этими нѣсколькими людьми и народами будто-бы не найдена, что никогда и ни одно приказаніе не возникаетъ самопроизвольно и не включаетъ въ себя цѣлаго ряда событій, но каждое приказаніе вытекаетъ изъ другого и никогда не относится къ цѣлому ряду событій, а всегда только къ одному моменту событія,—такъ и сыплются на затурканнаго читателя, не могущаго ни по чему оріентироваться въ этомъ умозрительномъ дымѣ и чадѣ. Что же это? Неужели только „желаніе написать что-нибудь такое, чего до меня никто еще не написалъ", какъ выражается одинъ изъ героевъ Тургенева?

Къ послѣдней изъ приведенныхъ общихъ истинъ авторъ пристегиваетъ вдругъ такое положеніе: Наполеонъ не могъ приказать походъ въ Россію и не приказывалъ его, на томъ, видите-ли, основаніи, что мысль похода въ Россію вызвала цѣлые милліоны приказаній и что многія изъ нихъ не осуществились. Да вѣдь кажется, чего проще заказать самый простой обѣдъ; а и этого событія нельзя произвести однимъ словомъ, а нужно назначить блюда, какую купить провизію и на сколько человѣкъ; дать, или приказать дать, деньги. Слѣдуетъ-ли же изъ этого, что вы не заказывали обѣда, еслибы напр. случилось,

---

*) Пожалуй съ этимъ можно согласиться, точно также какъ и съ тѣмъ напр., что въ мозгу человѣка не можетъ помѣститься весь человѣкъ; но доказывать подобное общее мѣсто тѣмъ, что связь между руководителями и массами не найдена, можно-бы было кажется въ томъ только случаѣ, если бы руководители были существа особой породы, а не тѣ-же люди.

что его не изготовили потому, что поваръ напился пьянъ, или по другой причинѣ?

Авторъ, открывъ это очевидное свойство мыслей и дѣйствій, по которому нѣтъ ни одного изъ нихъ простого, а всегда состоятъ они изъ комбинаціи нѣкотораго числа частныхъ мыслей и дѣйствій, остановился на этомъ открытіи и не желаетъ признавать существованія общихъ мыслей и общихъ дѣйствій, ибо это даетъ ему поводъ сказать, что историческіе дѣятели, не руководствуясь никакими цѣлями, бросаютъ зря и наобумъ, точно въ кошмарѣ, множество разнородныхъ приказаній, самымъ разнобразнымъ и неопредѣленнымъ образомъ направленныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ исполняются, большинство остается безъ исполненія (по мнѣнію автора, всякое исполненное приказаніе есть одно изъ *огромнаго* количества неисполненныхъ). Такъ какъ изъ исполненныхъ приказаній что нибудь да выходитъ, то это что-нибудь историки и называютъ цѣлью, которую дѣятели себѣ предполагали.

Но вѣдь историки не подложили-же ни англійскому десанту, ни березинскому отрѣзанію никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ неосуществившихся; въ послѣднемъ случаѣ скорѣе авторъ позаботился объ этой подставной цѣли, утверждая, будто отрѣзать французовъ и намѣренія не было, а думали только объ одномъ—изгнаніи французовъ изъ Россіи!

„Изъ безчисленнаго ряда неисполненныхъ приказаній наполеоновскихъ составился рядъ исполненныхъ приказаній для похода 12 г., не потому, чтобы приказанія эти отличались чѣмъ нибудь отъ другихъ неисполненныхъ приказаній, а потому, что рядъ этихъ приказаній совпалъ съ рядомъ событій, приведшихъ французскія войска въ Россію“. Тутъ и логика, да ужъ за одно

и слогъ: изъ ряда неисполненныхъ приказаній, составляется рядъ исполненныхъ...

Но выпьемъ чашу до дна. „Такъ что, разсматривая во времени отношеніе приказаній къ событіямъ, мы найдемъ, что приказаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причиною *) событія, а что между тѣмъ и другимъ существуетъ извѣстная опредѣленная зависимость". Которую простые смертные и называютъ причиною, прибавимъ отъ себя.

Черезъ фразу:

„Это отношеніе приказывающаго къ тѣмъ, которымъ онъ приказываетъ и есть именно то, что называется властью".

Черезъ страницу:

„Это-то отношеніе лицъ приказывающихъ къ тѣмъ, которымъ они приказываютъ, и составляетъ сущность понятія, называемаго властью".

Т. е.—втираніе одного и того же при помощи повторенія; только власть изъ конкретнаго факта въ первомъ опредѣленіи обращается уже только въ понятіе во второмъ.

Поговоривъ обо всемъ этомъ на разные лады, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „приказанія исполняются рѣдко; приказывающіе менѣе всего принимаютъ участія въ событіи". Странная, право, роль этихъ приказывающихъ, по мнѣнію автора: ни къ чему она не ведетъ! И какъ это человѣчество въ теченіи шести тысячъ лѣтъ не удосужилось напасть на столь блистательное открытіе: оно бы избавилось отъ лишняго груза.

---

*) Развѣ въ этомъ кто нибудь сомнѣвается? Всѣ вѣдь утверждаютъ, что обстоятельства вызываютъ событіе, а рядъ приказаній составляетъ разложеніе основной мысли событія.

Напавъ на свое открытіе, авторъ начинаетъ его втирать, переворачивая на всѣ лады. Мужики тащутъ бревно: „тотъ изъ нихъ, кто больше работалъ руками, могъ меньше обдумывать то, что онъ дѣлалъ, и соображать то, что можетъ выдти изъ общей дѣятельности, и приказывать. Тотъ, кто приказывалъ, вслѣдствіе своей дѣятельности словами (замѣтьте уже не мыслью, а только словами), очевидно могъ меньше дѣйствовать руками".

Затѣмъ показывается то же самое, только на идущемъ кораблѣ, впереди котораго, конечно, будетъ струя, „которая бурлитъ впереди его и *будетъ издали представляться намъ не только произвольно движущейся, но и руководящей движеніемъ*" (!). Нужно надѣть особенныя очки, чтобы это видѣть. Струя съ кораблемъ одного не составляетъ, какъ руководители съ массой. До чего можно договориться...

Въ заключеніе къ этому отдѣлу умозрительныхъ опытовъ говорится между прочимъ:

„Въ нравственномъ отношеніи причиною событія представляется власть; въ физическомъ отношеніи тѣ, которые подчиняются власти. Но такъ какъ нравственная дѣятельность не мыслима безъ физической *), то причина событія находится ни въ той, ни въ другой, а въ соединеніи обѣихъ".

„Или, другими словами, къ явленію, которое мы разсматриваемъ, понятіе причины неприложимо".

Весьма вольный переводъ предъидущей мысли; до такой степени вольный, что мы не въ состояніи открыть между переводомъ и подлинникомъ никакой логической связи: причина явленія лежитъ въ совокупномъ дѣйствіи двухъ силъ;

*) Равно какъ и физическая безъ нравственной.

слѣдовательно понятіе причины къ нему неприложимо...., по внѣшности, это просто безсмыслица; но можетъ быть въ ней кроется какой нибудь таинственный смыслъ, профанамъ недоступный.

Далѣе авторъ разсуждаетъ о свободѣ воли человѣка и о законѣ необходимости....

Въ томъ же родѣ; только въ послѣдней части уже и сценъ нѣтъ, а одни только странныя, а иногда и совершенно непонятныя умствованія, которыя въ такомъ твореніи являются просто ненужнымъ балластомъ.

Если же авторъ себя пересилить не можетъ; если, одаренный изобразительною способностью, онъ предпочитаетъ упражняться въ умозрительствѣ, тогда ему не мѣшало бы по крайней мѣрѣ дать себѣ трудъ болѣе ознакомиться съ методами теоретическаго изслѣдованія, дабы сознательнѣе прилагать ихъ къ разбираемымъ вопросамъ. На одномъ геометрическомъ способѣ приведенія къ нелѣпости нельзя далеко уѣхать. Авторъ дошелъ уже до того, что для изслѣдованія какого либо вопроса нужно разложить его на составныя части; но до того, что нужно ихъ опять сложить, т. е. отъ анализа перейти къ синтезу, онъ еще не дошелъ: эти два обстоятельства (геометрическій способъ аргументаціи и остановка на анализѣ) и ведутъ къ тому, что у автора все разлагается, все другъ другу противорѣчитъ, а онъ воображаетъ, что этому такъ и быть должно. Чувствуетъ онъ, что что-то неладно и въ крайности бросается въ непостижимое; т. е., не видя причины разладу (ибо она въ немъ самомъ), но чувствуя его, авторъ успокаиваетъ себя тѣмъ, что этой причины человѣкъ и знать не можетъ. Умственные реактивы тоже, что и химическіе: употреблять ихъ дѣльно можно, только зная ихъ свойства, а безъ этого можетъ случиться, что разложить еще

разложите, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, а соединить и не съумѣете.

Авторъ очутился именно въ такомъ положеніи. Если читатель припомнитъ, для него связь между руководителями и массами не найдена; между идеями, господствующими въ данную эпоху, и тѣми же массами—тоже не найдена; приказанія, очевидно клонящіяся къ осуществленію одной извѣстной цѣли, не имѣютъ между собою рѣшительно ничего общаго и т. д. Не напоминаетъ ли это химика, который, съумѣвъ разложить воду и не зная, какъ составить ее, вздумалъ бы утверждать, что ее и нѣтъ въ природѣ, а что есть только кислородъ и водородъ—газы совершенно по своимъ свойствамъ различные и неимѣющіе между собою ничего общаго?

ЗАМѢТКА

— о —

РУССКОМЪ СОЛДАТѢ.

(Изъ Альбома „Большіе маневры Русской Арміи", напечатаннаго въ 1886 году французскимъ художникомъ Детайль).

Замѣтка о русскомъ солдатѣ.

Умѣть страдать, умѣть умирать—вотъ основаніе солдатской доблести, свойственное русскому солдату въ высокой степени; не даромъ про него сказано, это его „мало убить, а нужно еще повалить“: сказано врагомъ, а не другомъ.

Откуда берется эта стойкость? Она есть результатъ расовыхъ особенностей русскаго простого человѣка и суровой обстановки, въ которую мать природа его поставила. Помощникъ своего отца въ тяжелой крестьянской работѣ чуть не съ дѣтства, несущій ему скудный обѣдъ въ поле, иногда чуть не за десять верстъ; помощникъ въ слякоть, вѣтеръ, холодъ, доходящій до 30°, иногда больше, русскій парень исподволь закаливается въ самоотверженіи, терпѣніи, выносливости; съ малолѣтства уже онъ привыкаетъ страдать, привыкаетъ спокойно смотрѣть въ глаза смерти; съ малолѣтства и словомъ, и дѣломъ осваивается съ истиной народной поговорки; „двумъ смертямъ не быть, одной не миновать“.

Что же новаго можетъ показать война человѣку, получившему эту естественную выдержку? Къ лишеніямъ и продолжительнымъ движеніямъ ему не привыкать стать; голодъ онъ зналъ и дома; за рѣдкими исключеніями, онъ въ солдатствѣ ѣстъ даже лучше, нежели ѣлъ въ семьѣ; разстается онъ, правда, съ любезнымъ тулупомъ, но теперь въ зимнія кампаніи ему и на службѣ даютъ полушубки. Правда, на войнѣ стрѣляютъ

и колютъ; но вѣдь это только въ бою: а кому же не извѣстно, что военный ждетъ иногда боя, какъ праздника, какъ развлеченія отъ удручающей монотоніи невыносимыхъ лишеній, безконечныхъ маршей, ночевокъ *à la belle étoile?* Да опять же и то нужно помнить, что „двумъ смертямъ не быть, одной не миновать“.

Способный вынести многое, русскій крестьянинъ, какъ членъ патріархальной, первобытной семьи, воспитывается въ дисциплинѣ самой прочной, именно потому что она непосредственна, т. е. возникаетъ сама собою органически, изъ строя семьи: начинаясь съ колыбели, она растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ сравненіи съ такой дисциплиной, что же можетъ значить искусственная система ея, хотя бы даже и наилучше соображенная?

Можно подумать, что при подобныхъ задаткахъ на боевую годность русскій солдатъ долженъ быть жостокъ, грубъ: ничего подобнаго! Добродушіе съ примѣсью своеобразнаго юмора *), составляетъ отличительную черту его.

---

*) Два образчика солдатскаго юмора лучше всего покажутъ его характеръ. Блокада Плевны: солдаты сидятъ въ траншеяхъ, дно которыхъ обратилось въ топкую грязь отъ растаявшаго снѣга; холодно, сыро и голодно: уже три дня обходятся безъ сухарей. Вдругъ хохотъ; офицеръ спрашиваетъ, что такое? Виновникъ хохота, потупившись, отвѣчаетъ: „такъ, ваше благородіе, мы промежъ себя; товарищъ жалится, что сухарей не везутъ, думаетъ, что начальство не распорядилось. Я ему и говорю: коли не везутъ, такъ и нужно. Это султанъ заспорилъ съ нашимъ царемъ. Султанъ сказалъ: погоди, напою своихъ солдатъ пьяными, они все твое войско и перебьютъ;—ну нѣтъ врешь, я своимъ три дня ѣсть не дамъ, они всѣхъ твоихъ пьяныхъ и поѣдятъ“..

На Шипкѣ: холодъ такой, что часовые начинаютъ замерзать; солдаты, чтобы согрѣться, прыгаютъ и бьютъ въ ладоши. „А **ему** (русскій солдатъ никогда не говоритъ „непріятель“, „турка“, а „онъ“) должно быть холодно собакѣ.— Да, намъ не медъ, да и „ему“ не сахаръ, возражаетъ другой.

Много нищихъ кормится отъ скудной его трапезы; не одинъ ребенокъ, брошенный случайностями войны на произволъ судьбы, былъ отогрѣтъ на солдатской груди, спасенъ отъ голодной смерти крохами солдатскаго пайка *), и не съ однимъ плѣннымъ онъ дѣлится послѣднимъ кускомъ хлѣба, вслѣдъ за ожесточеннымъ остервенѣлымъ боемъ **). Логика русскаго солдата въ этомъ случаѣ очень проста: „тоже вѣдь человѣкъ; не здыхать же ему, какъ собакѣ; не по своей волѣ воюетъ—тоже погнали". Не нужно думать, что въ этомъ „погнали" слышится затаенный протестъ; ничего подобнаго русскому солдату и въ голову не приходитъ. Онъ одинаково хорошо понимаетъ какъ то, что нельзя не воевать, такъ и то, что никто доброй волею на войну не идетъ,—и не скрываетъ этого.

И въ этомъ открывается новая великая черта русскаго солдата: полное отсутствіе какой либо позы, рисовки. Онъ и въ мысли не имѣетъ, что приноситъ великую жертву; ему и въ голову не придетъ вмѣнять это себѣ въ заслугу; равно какъ не придетъ въ голову себя подбадривать

---

*) Изъ послѣдней Турецкой войны Армія много привезла съ собою такихъ импровизованныхъ „дѣтей полка".

**) Въ мирное, да и въ военное время, почти во всякой мелкой части есть, кромѣ того, совершенно особые застольники у солдата: это козлы, собаки, бараны, медвѣжата. Они такъ привыкаютъ къ людямъ, что всегда слѣдуютъ за частью. Въ числѣ этихъ застольниковъ особенной симпатіей солдата пользуются калѣки: чѣмъ собаченка хуже, чѣмъ она несчастнѣе, тѣмъ солдату дороже.

Въ Турціи, когда по окончаніи кампаніи, началась посадка войскъ на суда для отправленія въ Россію, солдаты со слезами разставались съ небольшими осликами, называемыми „могарами" и обратившимися у солдатъ въ „макаровъ". „Помилуйте, Ваше Высокоблагородіе, онъ намъ былъ первый помощникъ въ походѣ, а капитанъ не хочетъ брать его на пароходъ, неужто же его такъ и бросить?"

похвальбами, славой и т. п. Однимъ словомъ *между русскими солдатами нѣтъ героевъ*, а есть только люди, исполняющіе свой долгъ даже до смерти, но исполняющіе его просто, отъ сердца, потому что какъ же можетъ быть иначе? Коли приказано, такъ нужно сдѣлать: вотъ и все. Та сила и велика, которая не сознаетъ своего величія...

Достойно замѣчанія, что великій знатокъ русскаго человѣка, Суворовъ, ни въ одномъ мѣстѣ своей безсмертной „*Науки побѣждать*" не указываетъ земныхъ наградъ за доблесть, а прямо мотивируетъ солдатскія обязанности въ бою такъ: „умирай за Богородицу, за Пресвѣтлѣйшій Домъ—церковь Бога молитъ"—и все. Въ этомъ глубокое пониманіе духа русскаго солдата. Онъ зналъ, что ему не нужны приманки славы, величія подвига и т. п., онъ зналъ, что отъ него нужно требовать только готовности умереть, а великіе подвиги придутъ сами собою.

При стойкости, выносливости, высокомъ предрасположеніи къ повиновенію, русскій солдатъ живъ, мягокъ, воспріимчивъ, преданъ безгранично начальнику, и потому обученіе его военному ремеслу чрезвычайно легко *), если только оно ведется спокойно, терпѣливо, безъ запугиванія, безъ обремененія неидущими къ дѣлу мелочами и, въ особенности, безъ пиленья. Послѣдняго онъ не выноситъ: онъ легче примирится даже съ жестокой, лишь бы быстрой, расправой, нежели съ педантическимъ приставаніемъ черезъ часъ по ложкѣ, охотники до котораго попадаются въ особенности между офицерами нѣмецкаго происхожденія. Накажи и забудь—вотъ идеалъ русскаго солдата, ибо „былъ молод-

*) Въ настоящее время онъ становится въ строй въ три мѣсяца.

цу не укоръ“, говоритъ отраженіе русскаго народнаго духа—народная поговорка.

Въ эпоху тѣлесныхъ наказаній попадались иногда жестокіе начальники, которыхъ солдатъ, не взирая на это, любилъ именно за то, что съ окончаніемъ расправы къ его винѣ уже никогда не возвращались; бывали и такіе, которые его пальцемъ не трогали, но изводили мелочными осмотрами, нравоученіями, попреками, приставаньями: такихъ онъ ненавидѣлъ.

Русскій солдатъ отличается глубокою религіозностью, нечуждою суевѣрія; но развѣ крестьянинъ, развѣ военный можетъ быть не суевѣренъ? По роду своей работы они ежеминутно чувствуютъ себя во власти тѣхъ грозныхъ непостижимыхъ силъ, которыя, какъ былинкой, играютъ тысячами человѣческихъ существъ: какъ тутъ не быть суевѣрнымъ?

Кромѣ того онъ любознателенъ, особенно любитъ читать „про божественное“, и притомъ книги, напечатанныя по-славянски, предпочитаетъ русскимъ; послѣднія ему не совсѣмъ по душѣ, ибо обыденная рѣчь и гражданскій шрифтъ кажутся ему какъ бы профанаціей святыни. Мало-ли что пишется и говорится на обыкновенномъ языкѣ; а по славянски пишется и говорится только про божественное. Любитъ онъ читать и историческія повѣствованія; но повѣстей и разсказовъ не любитъ, ибо тамъ все „выдумано“. Рядомъ съ этимъ, сказки любитъ: можетъ быть потому, что онѣ не претендуютъ поддѣлываться подъ дѣйствительность, и отвѣчаютъ потребностямъ необузданной фантазіи, свойственной людямъ первобытнаго духовнаго склада. Но въ особенности не симпатизируетъ онъ поддѣлываніямъ въ печати подъ его собственную рѣчь; ему это кажется какъ бы издѣвкою надъ нимъ.

Русскому солдату далеко не чуждо эстетическое чувство; посѣтителямъ русскихъ казармъ извѣстно, что рѣдкій солдатъ не старается украсить своего „дома“, т. е. кровати, наклеивая на перегородкахъ лубочную, модную картинку, ярлыкъ отъ помадной банки, однимъ словомъ все, что ему попадется красиваго подъ руку по случаю, или пріобрѣтено на убогіе солдатскіе гроши. Музыкаленъ онъ также въ весьма значительной степени: почти нѣтъ части, въ которой бы не было хора пѣсенниковъ. Во многихъ частяхъ, особенно на югѣ, молитвы: вечерняя, передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, поются всей ротой. Этому нельзя не сочувствовать: единство части на столько важное условіе, что никакое средство къ утвержденію его не должно быть пренебрегаемо.

Пѣсни собственно весьма разнобразны по содержанію и характеру: есть народныя, есть и чисто солдатскія. По мотивамъ, пѣсни представляютъ, такъ сказать, всю гамму, начиная отъ самыхъ заунывныхъ и кончая самыми разъудалыми, залихватскими, съ бѣшено быстрымъ темпомъ; по содержанію, касаются крестьянскаго и солдатскаго быта, боевыхъ воспоминаній; есть и нецензурныя, свойства весьма прянаго, уснащенныя тѣми словами, которыя на столько общеизвѣстны, что ихъ даже въ лексиконахъ не помѣщаютъ. Дѣлать тутъ нечего: что есть, то есть; и во всѣхъ странахъ простой народъ, какъ извѣстно, называетъ всѣ вещи и дѣйствія ихъ собственными именами, не прибѣгая къ перифразамъ.

Есть, наконецъ, плясовыя пѣсни: хоръ поетъ съ присвистомъ, подъ аккомпаниментъ преимущественно бубна, барабана (иногда скрипки, флейты, такъ называемыхъ ложекъ), а желающіе и умѣщіе пляшутъ. Бываетъ это обыкновенно подъ

вечеръ, по окончаніи всѣхъ занятій, между ужиномъ и вечерней зарей, особенно въ праздничные дни. Весьма цѣнятъ, если и офицеръ подойдетъ послушать.

Но особенно важную роль играетъ пѣсня на походѣ: подъ пѣсню идется веселѣе. Весною, по русской равнинѣ, безбрежной, какъ море, тянется пыльная дорога, на сколько глазъ хватитъ. Вотъ вдали показался столбъ пыли; близится онъ все больше и больше, вы начинаете сквозь пыль различать силуэты людей, тянущихся медленнымъ шагомъ другъ за дружкой: то рота идетъ походомъ. Вотъ до васъ доносятся все яснѣе и яснѣе звуки переливчатаго безбрежнаго, какъ сама равнина, мотива; вотъ вы начинаете различать и слова запѣвалы, разливающагося высокимъ теноромъ:

Ой да во далекой во землѣ,
Ой да не во здѣшней сторонѣ...

Хоръ подхватываетъ, и такъ далѣе въ перемежку. Вдругъ заунывный, почти торжественный мотивъ, смѣняется бѣшено быстрымъ;

Ахъ, изъ подъ дуба, изъ подъ вяза,
Изъ подъ вязова коренья....

Откуда взялся плясунъ, и въ ранцѣ, съ ружьемъ, подъ присвистъ, гудѣнье бубна и подбиванье барабана, пускается впереди роты въ присядку; хорошо!..

Отношенія начальника къ солдату совершенно своеобразны въ русской арміи; въ основу ихъ положено великимъ преобразователемъ Россіи, Петромъ, трогательное въ своей сердечности начало: *начальники солдатамъ должны быть, какъ отцы дѣтямъ* *). Этотъ завѣтъ свято хранится въ

*) Сохранился его приказъ по этому поводу, начинающійся такъ: „Понеже офицеры суть солдатамъ яко отцы дѣтямъ, того ради надлежитъ ихъ равнымъ образомъ оте-

русской арміи до сихъ поръ, и дай Богъ, чтобы навсегда сохранился. Отсюда проистекаетъ все то, что иностранцамъ кажется иногда странною, неумѣстною въ служебныхъ отношеніяхъ, фамильярностью. Начальникъ всегда привѣтствуетъ часть, подъѣзжая или подходя къ ней, и часть отвѣчаетъ на привѣтствіе; если начальникъ не поздоровался, вся часть убита, ибо это показываетъ большую степень неудовольствія. Ни одинъ начальникъ не позволитъ себѣ поздороваться съ частью, ему неподчиненною иначе, какъ получивъ на это приглашеніе прямого ея начальника. Самая форма привѣтствія сохранила до сихъ поръ духъ петровскаго завѣта: „здорово, ребята"! или „здорово, братцы"! иногда: „здорово, Семеновскіе", „здорово, Егеря" и т. п.

Въ силу того же завѣта, начальникъ иногда вступаетъ въ разговоръ съ солдатами въ строю; даже самъ Императоръ снисходитъ до этого; и такое обращеніе считается знакомъ высшаго вниманія къ части.

Русскій солдатъ любитъ, чтобы съ нимъ говорили; и высоко цѣнитъ тѣхъ начальниковъ, которые умѣютъ съ нимъ говорить. Русскіе не понимаютъ, чтобы могло быть иначе. Тѣмъ, которые удивляются этому обычаю, они простодушно отвѣчаютъ, что даже лошадь любитъ,

---

чески содержать, понеже дѣти суть предъ отцами безсловесны во всякомъ послушаніи, полагая надежду свою на отцовъ во всемъ; чего ради отцы недремотное попеченіе имѣютъ о ихъ ученіи, пропитаніи и всякомъ снабженіи, особливо-же дабы нужды и недостатка не терпѣли. Тако и офицерамъ дѣлать надлежитъ (а особливо наши офицеры должны суть, понеже ни единый народъ въ свѣтѣ такъ послушливъ, яко россійскій) во пользѣ солдата,—дѣлать, что въ ихъ мочи есть (а чего не имѣютъ, доносить вышнимъ), а не точію ихъ лишними церемоніями, караулами и прочимъ, а особливо во время компаній".

когда ей говорятъ; какъ же не говорить съ человѣкомъ, который обладаетъ даромъ слова? Вѣдь въ военное время безъ слова обойтись невозможно; какъ же обходиться безъ него въ мирное время? Нужно пріучить солдата смотрѣть на обращеніе къ нему начальника, какъ на дѣло естественное, нужно и начальнику привыкнуть обращаться съ рѣчью къ массѣ, ибо это совсѣмъ не то, что говорить одинъ на одинъ: не та интонація голоса, даже не тотъ складъ рѣчи; нужно говорить громко, отрывисто, лаконически; безъ привычки это не дается.

При такомъ складѣ отношеній развѣ мыслимы какіе либо придуманные пріемы для того, чтобы поднять искусственно офицера надъ солдатомъ, а въ сущности, чтобъ раздѣлить, сдѣлать ихъ другъ другу чуждыми? Конечно нѣтъ. Съ равнымъ основаніемъ можно бы считать необходимымъ установленіе какого либо искусственнаго этикета между отцомъ и дѣтьми....

Не менѣе оригинальную особенность русской арміи представляютъ *полковые праздники*. Полковой праздникъ—это имянины части. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это храмовой праздникъ полковой церкви, въ большей части случаевъ день основанія полка. Праздникъ, какъ и слѣдуетъ, начинается божественной службой, на которой присутствуютъ и старшіе начальники. Послѣ церковной службы парадъ, за которымъ люди расходятся въ помѣщенія, гдѣ приготовленъ обѣдъ. Въ старшую роту (эскадронъ, баттарею) отправляются начальники, гдѣ старшій изъ нихъ, съ рюмкою русскаго пѣнника, провозглашаетъ тосты: 1) за Государя Императора; 2) за славу, благоденствіе и процвѣтаніе части; 3) за командира части. Этотъ послѣдній отвѣчаетъ тостами за здоровье старшаго и послѣдующихъ начальни-

ковъ, по старшинству. Дѣйствіе переносится затѣмъ въ офицерскую столовую, и это самая опасная часть праздника: завтракъ начинается около часу пополудни, а оканчивается въ худшемъ случаѣ часамъ къ тремъ пополуночи, а въ лучшемъ—на слѣдующее утро. Тостамъ и разговорамъ нѣтъ конца; отъ разговоровъ, какъ извѣстно, пересыхаетъ горло—нужно выпить; а выпьешь--опять хочется говорить... Не обходится, само собою, дѣло и безъ труповъ, которые, —также само собою—благополучно воскресаютъ на слѣдующій день не безъ мрачнаго, конечно, настроенія и съ большимъ позывомъ къ соленому и кислому.

Между солдатами тоже самое, съ соблюденіемъ лишь одного условія: чтобы все происходило въ казармахъ. Такъ называемымъ „спиритамъ" (отъ спирта) теперь лафа, ибо при настоящемъ молодомъ составѣ многіе солдаты водки не пьютъ, уступая свои порціи любителямъ.

Празднуются не одни полковые, но и ротные, эскадронные, баттарейные праздники. Каждая изъ этихъ частей имѣетъ своего святого и свой образъ, пріобрѣтенный и содержимый на пожертвованія чиновъ части. Эти послѣдніе праздники конечно отправляются гораздо проще, нежели полковые.

Искалѣченный на войнѣ, русскій солдатъ переноситъ страданія съ изумительнымъ терпѣніемъ и покорностью судьбѣ. Вѣрно замѣтили одной сестрѣ милосердія, горевавшей, что нѣтъ Евангелія для чтенія раненымъ, что имъ не нужно читать Евангелія, а нужно учиться на нихъ чувствовать и понимать его. Человѣкъ массы, человѣкъ первобытнаго строя мысли, онъ разумѣетъ себя не единицей, а частью великаго цѣлаго, почерпаетъ свою гордость и достоин-

ство въ инстинктивной вѣрѣ въ то, что его народъ выше всѣхъ прочихъ народовъ, и несетъ за него свою голову безропотно и не задумываясь.

Умираетъ русскій солдатъ просто, точно обрядъ совершаетъ, по мѣткому выраженію Тургенева: принеся родинѣ жертву высшей любви, онъ отправляется на Тотъ Берегъ съ спокойною совѣстью, ибо претерпѣлъ до конца; а „претерпѣвый до конца спасенъ будетъ“....

ЗАМѢТКИ
О НАПОЛЕОНѢ.

Замѣтки о Наполеонѣ.

1.

Въ галлереѣ историческихъ дѣятелей есть лица, передъ которыми невольно останавливаешься, сколько бы ни изучалъ событія. Такія лица тянутъ къ себѣ неодолимо, со всѣми ихъ великими и презрительными сторонами, съ безграничнымъ самоотверженіемъ и съ позорнымъ себялюбіемъ, съ величайшими благодѣяніями человѣчеству и съ величайшими преступленіями, передъ которыми содрогается немощь и слабость индивидуальнаго человѣческаго чувства.

„Но только тотъ способенъ на великое добро, кто способенъ и на великое зло", сказалъ еще древній мудрецъ [1]), который лично навѣрное никому зла не сдѣлалъ, а между тѣмъ не задумался твердо и ясно высказать это, по глубокому проникновенію въ натуру вещей. Въ ряду этихъ лицъ Наполеонъ, конечно, занимаетъ если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ— для насъ, военныхъ, въ особенности.

2.

Кто не задумывался надъ его трагической судьбой! Изъ артиллерійскихъ поручиковъ, проведя по пути довольно близкую касательную къ гильотинѣ [2]), попасть въ императоры, въ 11 лѣтъ

---

[1]) Сократъ.
[2]) Въ эпоху паденія Робеспьера.

работы и на 35-мъ году жизни (1793—1804); пройти всю Европу, протащивъ за собою представителей почти всѣхъ ея племенъ до Москвы, и угодить затѣмъ на островъ Св. Елены, все это въ слѣдующія одиннадцать лѣтъ... проворно; на столько проворно, что другого подобнаго примѣра проворства всемірная исторія, кажется, и не представляетъ.

3.

Падать всегда легче, чѣмъ подниматься; да паденіе и понятнѣе; слѣдовательно, менѣе интересно; но какъ и почему онъ поднялся? Я, конечно, не скажу на этотъ счетъ ничего новаго; желаніе мое гораздо скромнѣе: свести старое въ короткій, по возможности, очеркъ и, самое большое, прибавить нѣсколько штриховъ, дошедшихъ до насъ по преданію, и утрата коихъ нежелательна.

4.

Всякій подъемъ въ карьерѣ есть произведеніе изъ личныхъ свойствъ на обстановку; а обстановка того времени была такова, что не только слабые, но и сильные гибли; слѣдовательно, ускользнувшіе сильные должны были закалиться до совершеннаго притупленія чувства самосохраненія, т. е. до полнаго самоотверженія, самообладанія и, какъ ихъ слѣдствія, до полной ясности мысли и взгляда въ самыхъ даже отчаянныхъ, повидимому безвыходныхъ, положеніяхъ.

„Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло,
Куетъ булатъ“.

5.

Итакъ, Наполеонъ за свою драгоцѣнную шкуру не только не боялся, но, полагаю, потерялъ даже сознаніе того, что въ природѣ человѣка существуетъ такая боязнь. Эта черта—черта безграничнаго самоотверженія—кромѣ того, что при ясности взгляда даетъ способность риска на такія рѣшенія, мысль о коихъ зауряднымъ людямъ даже и во снѣ страшна, имѣетъ и сама по себѣ неодолимую, чарующую прелесть для массъ. Она, и только она, стремитъ толпу (или массу, какъ угодно) неодолимо, неотразимо за каждымъ фанатикомъ: чтобы вести толпу на гибель, нужно самому не бояться погибнуть.

6.

А Наполеонъ былъ фанатикъ. Читатель, вѣроятно, иронически улыбнется: „какъ, этотъ холодный, безсердечный, безсовѣстный, лишенный всякаго нравственнаго чувства человѣкъ былъ фанатикъ? Вотъ такъ парадоксъ!“ Условимся, дорогой читатель: можно быть фанатикомъ всего на свѣтѣ, въ томъ числѣ своего собственнаго честолюбія. И онъ былъ имъ. Не даромъ Стендаль сказалъ, что Бонапартъ преслѣдуетъ только одну цѣль уже въ тѣ года, когда другіе люди гоняются за десятками цѣлей. „Я пробьюсь, или погибну“, вотъ его девизъ съ самаго молоду. Кто ставитъ вопросъ такимъ образомъ, тотъ, конечно, фанатикъ, тотъ почти всегда получаетъ рѣшеніе вопроса въ свою пользу и находитъ пособниковъ рѣшенія.

7.

И притомъ фанатикъ заразительный на разстояніи. Онъ потянулъ за собой не только

всю французскую, но чуть не молодежь всей Европы. Даже у насъ, отдѣленныхъ отъ Франціи и громадными разстояніями, и всѣмъ строемъ жизни, нашелся князь Андрей, мечтавшій подъ Аустерлицемъ обрѣсти „свой Тулонъ“ [1]). Могутъ сказать, что это герой романа, что его и не было; но теченіе было: иначе Толстой, какъ геніальный романистъ, его не отмѣтилъ бы.

8.

„Но тѣ, которые за Наполеономъ шли, можетъ быть были пріучены къ подчиненію долгимъ гнетомъ, можетъ быть не понимали его?“ Не совсѣмъ такъ: масса французская, т. е. по натурѣ скептическая и насмѣшливая; масса, взбаламученная притомъ революціоннымъ катаклизмомъ, слѣдовательно, весьма отзывчивая, но не очень-то податливая и покорная; начальники, не терявшіе своего franc parler въ самыя блистательныя минуты этой невѣроятной эпопеи.

Подъ Риволи (1796 г.), проѣзжая мимо одного полка, Бонапартъ услышалъ отъ простого солдатика такое привѣтствіе: „Général, tu veux de la gloire? et bien nous t'en f.... de la gloire.“ (Генералъ, ты хочешь славы? Ну, такъ мы тебѣ на......работаемъ славы). Въ 1800 году при Маренго Desaix, пришедшій, какъ извѣстно, на помощь въ критическую минуту, обращается къ Бонапарту съ такимъ комплиментомъ: „Battu, g...f...que tu es“?—„Battant, battu, c'est le sort des batailles“, смиренно отвѣчаетъ Бонапартъ. Нѣсколько позже Массена [2]) на замѣчаніе, вызванное за дѣло, „Vous êtes le plus grand brigand du monde“. возразилъ, почтительно поклонившись: „après Vous,

---

[1]) „Война и Миръ“ Графа Л. Толстого.
[2]) Любилъ пограбить.

Sire!“ („Вы самый большой разбойникъ“, раздражительно крикнулъ Наполеонъ. „Послѣ васъ, Sire“). Въ 1807 году, послѣ Эйлау, славу котораго Наполеонъ приписалъ Мюрату, Ланнъ не поцеремонился „доложить“: Nous avons combattu plus que lui, Augereau et moi! Croyez-vous que je sois homme à me laisser arracher une seule palme? Non, par personne! Pas même par votre coq empanaché de bèau-frère qui vient après la victoire chanter coquericot“. („Мы дрались больше его, я и Ожро! Думаете ли вы, что я позволю отнять хоть одинъ изъ моихъ лавровъ? Нѣтъ, никому! Даже вашему распѣтушенному зятю, который приходитъ послѣ побѣды кричать кукареку“). А Ней на другой день послѣ Бородина „s'il a désappris de faire son affaire, qu'il aille se faire f... à Tuilleries; nous ferons mieux sans lui“ („Если онъ разучился дѣлать дѣло, пусть убирается...... въ Тюильри; мы сдѣлаемъ безъ него лучше“). Вотъ каковы были солдаты и каковы начальники. Нѣтъ, это былъ конь, на которомъ поѣхалъ бы не всякій. Но, устремляемые имъ, эти люди шли и гибли, и не жалѣли о своей гибели...

9.

Самоотверженіе и фанатизмъ - свойства волевыя, т. е. опредѣляющія возможность и стремленіе дѣйствовать; но цѣли для достиженія во всякомъ данномъ случаѣ они не даютъ. Какія въ данномъ случаѣ цѣли поставить, какія комбинаціи измыслить, дабы достиженіе ихъ получилось легче и обошлось дешевле—дѣло ума.

И съ этой стороны Наполеонъ имѣетъ, сколько думаю, одного только соперника, къ несчастію, не оставившаго по себѣ достойнаго бытописателя—это Аннибала. Чисто демониче-

ская способность заглянуть въ душу противника, разгадать его духовный складъ и намѣренія, при быстрой оцѣнкѣ мѣстности, дѣлали его чуть не колдуномъ въ глазахъ своихъ и чужихъ, вселяя въ однихъ безграничную къ нему вѣру, въ другихъ чуть не суевѣрный ужасъ.

И въ развитіи этихъ способностей обстановка съиграла также не послѣднюю роль: то горячечное время вызвало страшное напряженіе всѣхъ духовныхъ силъ. „На поляхъ сраженій старѣютъ скоро", сказалъ онъ; а во время революцій и тѣмъ болѣе, прибавимъ отъ себя. Школа была хороша, да и ученикъ не дуренъ, если въ 31 годъ заслужилъ отъ одного изъ корифеевъ революціи извѣстный отзывъ: „Qu'il sait tout faire, qu'il peut tout faire et qu'il veut tout faire" („Что онъ все умѣетъ, все можетъ и все хочетъ сдѣлать").

10.

Первыя свои кампаніи Наполеонъ сдѣлалъ въ горахъ и при врожденномъ дарѣ сразу видѣть въ данной мѣстности то, чего другіе не видѣли, горы утвердили и воспитали этотъ даръ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ себѣ эту изумительную способность одинъ изъ нашихъ лучшихъ генераловъ того времени—Ермоловъ.

Думаю, что это объясненіе вѣрно, ибо найтись и разобраться труднѣе всего въ горахъ, гдѣ иногда небольшая перемѣна мѣста мѣняетъ ландшафтъ до неузнаваемости. Кто эту трудность преодолѣлъ, тому разбираться на мѣстахъ болѣе ровныхъ, конечно, ничего не стоитъ. Ниже увидимъ, какіе неожиданные рессурсы онъ умѣлъ находить въ такихъ мѣстностяхъ, которыя из-

бирать для боя кажется обыкновенному глазу безуміемъ.

11.

Чтобы читать въ душѣ своихъ и чужихъ и чтобы это чтеніе употреблять себѣ въ пользу, нужно быть практическимъ психологомъ. Дѣло тутъ не въ знаніи теоріи, не въ главахъ и параграфахъ, а въ томъ, чтобы мимолетныя внѣшнія проявленія незримыхъ, иногда скрываемыхъ состояній души хватать на-лету и видѣть именно эти состоянія, а не другія, т. е. не попадать въ корову, когда мѣтишь въ ворону. Достаточно дрогнуть одному мускулу, измѣнить одной нотѣ въ голосѣ, чтобы для такого чтеца стало ясно страшно многое, иногда самое потаенное. О такихъ людяхъ говорятъ, что они видятъ человѣка насквозь. Нужно ли говорить, что и эта способность развивается и крѣпнетъ именно въ опасныхъ положеніяхъ, и что она въ высокой степени была свойственна Наполеону? Обворожить, заполонить, когда нужно навести ужасъ—никто не умѣлъ этого дѣлать, какъ онъ. Не мало было людей, ему враждебныхъ, переходившихъ къ искреннему расположенію послѣ первой встрѣчи (Императоръ Александръ I); не мало было и такихъ, которые храбрились въ пріемной, возмущались раболѣпствомъ другихъ и которые сами раболѣпствовали и подчинялись его волѣ, когда приходилось стать съ нимъ съ глазу на глазъ. Это былъ безсознательный гипнотизаторъ. Какъ онъ дѣлалъ это, преданій осталось мало.

У генерала Трошю [1]), напримѣръ, мы находимъ намекъ, что энергія и находчивость нѣкоторыхъ маршаловъ поднималась или па-

[1]) L'armée française en 1867.

дала въ зависимости отъ того, былъ ли близко Наполеонъ, или отсутствовалъ; но съ кѣмъ это было, какъ и чѣмъ выразилось, мы, къ несчастію, у него не находимъ. У Сегюра [1]) находимъ немного указаній, болѣе опредѣленныхъ, въ родѣ того, напримѣръ, какъ подъ Фридландомъ (1807 г.), посылая Нея въ атаку на наше лѣвое крыло, онъ беретъ его *выше локтя за руку,* отдаетъ приказаніе *глаза въ глаза*, и уже когда Ней повернулся, чтобы ѣхать, Наполеонъ, обращаясь къ окружающимъ, замѣчаетъ въ догонку такъ, чтобы тотъ слышалъ: „Voyez-vous, c'est un lion!" По этимъ мимолетнымъ указаніямъ можно догадываться, что онъ, безсознательно конечно, примѣнялъ къ дѣлу пріемы внушенія, теперь сдѣлавшіеся достояніемъ науки. Но вѣдь онъ это дѣлалъ чуть не каждый день, дѣлалъ, что называется на міру; а воспоминаній опредѣленныхъ, фактическихъ о его faits et gestes, не взирая на близость эпохи, осталось безотрадно мало.

12.

Но это съ единицами. Съ массами такія тонкости не у мѣста; съ ними требуются пріемы болѣе грубые, болѣе показные, актерскіе, хотя и относящіеся къ индивидуумамъ. Это первая степень воздѣйствія на массы черезъ единицы. Назвать по фамиліи человѣка, стоящаго въ числѣ тысячъ; спросить, не за такое ли дѣло онъ получилъ орденъ, зная впередъ навѣрное, что именно за это дѣло, и проч. Моралисты, пожалуй, скажутъ, что это недостойные фокусы: пусть говорятъ—на то они и моралисты, чтобы читать нравоученія и тре-

[1]) Histoire et mémoires.

бовать отъ другихъ того, чему сами въ практической жизни не слѣдуютъ. Но для человѣка жизни, для человѣка, поставленнаго въ необходимость достигать практическихъ цѣлей, выборъ такихъ средствъ, которыя вели бы къ достиженію этихъ цѣлей, а не къ тому, чтобы остаться въ дуракахъ, является условіемъ sine qua non. Да и сами они, эти строгіе моралисты, развѣ не фокусничаютъ въ жизни на каждомъ шагу? Развѣ они не говорятъ зачастую при встрѣчѣ „charmé de vous voir", когда они вовсе не „charmés", и даже можетъ быть совершенно наоборотъ? Мухъ ловятъ на медъ, а не на уксусъ; et si le monde veut être trompé, il faut bien s'y soumettre*)... Кто сказалъ и слѣдовалъ этому всю жизнь и слѣдовалъ не безъ успѣха: „будемъ честными, если намъ выгодно, и плутами, если намъ невыгодно быть честными?" Сказалъ человѣкъ**), котораго если бы не было, Пруссія не была бы тѣмъ, что она есть теперь.

Сдѣлавъ эту оговорку, я, полагаю, достаточно расшаркался передъ тою лицемѣрною добродѣтелью, которую тѣмъ больше проповѣдуютъ, чѣмъ менѣе ей слѣдуютъ, и буду впредь прямо говорить, какъ онъ дѣлалъ дѣло, не занимаясь тѣмъ, какую расцѣнку его поступкамъ давали и будутъ давать тартюфы всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Если онъ такъ дѣлалъ и успѣвалъ, то значитъ поступалъ сообразно натурѣ вещей; гдѣ онъ забывалъ ея законы, онъ несъ за это наказаніе. Я полагаю, что это единственно вѣрный критерій въ примѣненіи къ массамъ и къ общественнымъ дѣятелямъ; вѣр-

*) Если свѣтъ желаетъ быть обманутымъ, нужно этому подчиняться.

**) Фридрихъ Великій.

ный тѣмъ болѣе, что, при всегдашнемъ столкновеніи интересовъ въ массѣ, хорошее для одного будетъ неизбѣжно дурно для другого.

13.

Но такой способъ воздѣйствія на массы черезъ единицы, избираемыя или непосредственно въ средѣ массъ, или въ средѣ ихъ начальниковъ, не всегда примѣнимъ; а иногда, какъ, напримѣръ, въ примѣненіи къ враждебной массѣ, и совершенно невозможенъ. Да и въ своей массѣ онъ имѣетъ ограниченное, такъ сказать, частичное, т. е. медленное распространеніе; онъ годится какъ пріемъ воспитанія, практикуемый день за днемъ, непрерывно, постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ. А на войнѣ время—все; медленные пріемы не у мѣста; нужно дѣйствовать на всѣхъ разомъ, огуломъ.

Этотъ второй и высшій способъ—*бить по воображенію;* практикуется онъ рѣдко словомъ, а почти всегда дѣломъ и манерой поведенія.

14.

Воображеніе — страшная сила и страшная слабость человѣка, массоваго въ особенности; а подъ гнетомъ опасности—тѣмъ болѣе. Стоитъ ему вообразить, что онъ непобѣдимъ и онъ будетъ непобѣдимъ; стоитъ вообразить, что онъ не можетъ одолѣть, и онъ будетъ постоянно битъ. И сила великая дана тому человѣку, который способенъ закалить своихъ въ первомъ убѣжденіи и оградить отъ тлетворнаго прикосновенія второго. На войнѣ кажущееся за дѣйствительное принимается слишкомъ часто; достаточно напомнить о паникахъ и о томъ, что маршалъ Саксонскій говоритъ о преслѣдованіи разбитаго

непріятеля, что его можно гнать „avec des vessies*)“, такъ какъ его гоните не вы, а гонитъ „собственное мнѣніе“—воображеніе тожъ. Это свойство человѣка извѣстно не только „великимъ ловцамъ людей передъ Господомъ“, но и психологамъ-теоретикамъ: только первые видятъ въ немъ свойство человѣка, коимъ пользуются, какъ самымъ мощнымъ орудіемъ въ достиженіи великихъ массовыхъ цѣлей; а вторые его только констатируютъ, какъ фактъ, чуть не мимоходомъ, иногда даже саркастически: какъ чисто умовымъ людямъ и подобаетъ относительно всего того, что непостижимо съ точки зрѣнія одного ума **).

15.

Наполеонъ зналъ эту страшную силу, орудовалъ ею, какъ никто, въ дѣлѣ подчиненія воли милліоновъ людей его единичной волѣ, и орудовалъ сознательно. „Воображеніе управляетъ міромъ; безъ воображенія человѣкъ былъ бы животное“, замѣчаетъ онъ, не помню гдѣ. Первымъ качествомъ полководца считаетъ онъ „холодную голову“, т. е. способность „не дѣлать себѣ картинъ“, какъ выражается онъ на своемъ языкѣ; другими словами, способность не подчиняться воображенію, не дѣлать изъ мухи слона.

Такъ говорилъ человѣкъ жизни, практики, т. е. по преимуществу волевой человѣкъ; а хотите знать, какъ о томъ же говоритъ человѣкъ умо-

*) Пузырями.

**) Le coeur a ses raisons que la raison ne connait point. Т. е., сердце имѣетъ свои доводы, коихъ умъ вовсе не знаетъ. И зачастую raicon расположенъ или отрицать то, чего онъ объяснить не можетъ, или же, если и признаетъ,—такъ какъ фактъ очевиденъ,—то со смѣшками и кривляньями.

вой, т. е. созерцательнаго типа? Вотъ какъ: Le nez d'une populace, c'est son imagination; c'est par ce nez qu'ou pourra toujours facilement la conduire *). И оба правы! Только одинъ видитъ, что воображеніе, какъ и всякая сила, имѣетъ два полюса, т. е. что ее можно употреблять и ею злоупотреблять; а другой видитъ только послѣднее.

16.

Однако, пора кончить съ общими соображеніями, которыя благосклонному читателю можетъ быть и надоѣли; время перейти къ дѣламъ и поступкамъ.

Я засталъ еще въ живыхъ двухъ современниковъ великой эпохи. Одного изъ нихъ я уже назвалъ; другого не назову, но сообщу съ его словъ, какое впечатлѣніе Наполеонъ производилъ на противниковъ въ бою.

„Столкновеніе начиналось обыкновенно часовъ около 5-ти утра. Наполеонъ, избравъ себѣ невдалекѣ отъ резерва мѣсто, съ котораго открывался бо̀льшій кругозоръ на поле битвы, слѣдилъ за ея ходомъ, прогуливался, разговаривалъ съ приближенными, принималъ донесенія, посылалъ приказанія, а когда нужно и выговоры, давалъ подкрѣпленія только тѣмъ, которые, онъ зналъ, даромъ не попросятъ; но чаще въ нихъ отказывалъ **). Дѣло съ разными перипетіями тянулось такимъ образомъ часовъ до 4-хъ пополудни. Тогда онъ садился верхомъ, и всѣ знали, что̀ это значитъ: готовился *coup de collier****).

*) Носъ черни—это ея воображеніе; и ее всегда легко водить за этотъ носъ. Эдгаръ По.

**) Многіе начинаютъ ихъ просить чуть не съ завязкою боя.

***) Послѣдній ударъ.

Въ резервѣ раздавалось восторженное „vive l'Empereur", которое перелетало въ боевыя линіи, покрывало всѣ боевые голоса, и когда доносилось до противниковъ, у нихъ сердце падало, ибо ожидался ударъ по всей линіи, а кто же зналъ, гдѣ и какъ онъ обрушится?".

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ нанести ударъ, Наполеонъ выдерживалъ противника подъ угрозою гибели *одиннадцать, двѣнадцать часовъ* *), т. е. истощалъ его и физически, и нравственно; усиливъ этимъ самымъ истощеніемъ впечатлительность воображенія, онъ простымъ, но постоянно практикуемымъ и потому для его войскъ привычнымъ пріемомъ (садиться верхомъ) поднимаетъ воображеніе своихъ до вѣры въ несомнѣнность побѣды, воображеніе чужихъ—до вѣры въ неминуемость пораженія.

17.

Въ сраженіи при Лонато (5-го августа 1796 года), происходившемъ на весьма закрытой мѣстности, по которой войска были разбросаны, Бонапартъ со свитой и небольшимъ конвоемъ случайно наткнулся на 4,000-ную колонну австрійцевъ, отъ которой къ нему подъѣхалъ офицеръ, съ требованіемъ сдачи: „Знаете-ли вы, съ кѣмъ говорите? Я главнокомандующій, за

---

*) Время, въ которое можно сдѣлать форсированный маршъ, съ тою разницею, что онъ ведетъ только къ физическому истощенію, но не сопровождается зрѣлищемъ раненыхъ и убитыхъ и ожиданіемъ каждаго, что вотъ-вотъ и съ нимъ то же будетъ. Могутъ замѣтить, что нервной истомѣ боя подвергались и войска Наполеона; конечно; но, во-первыхъ, онъ всегда атаковалъ, что поддерживаетъ бодрость духа; во-вторыхъ, его резервъ совсѣмъ не страдалъ и преспокойно себѣ отдыхалъ, пока Наполеонъ не садился верхомъ, ибо изъ долголѣтняго опыта зналъ, что до этого ничего рѣшительнаго не будетъ.

мною вся армія! Какъ вы смѣете!.....Доложите начальнику вашей колонны, что я требую отъ него немедленной сдачи; если оружіе не будетъ положено черезъ пять минутъ, я прикажу разстрѣлять всѣхъ до единаго". И оружіе кладутъ и сдаются. Ложь, высказанная должнымъ тономъ, стала для австрійцевъ за цѣлую армію, несуществующее за дѣйствительное. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, подлинная армія, когда доброхотный противникъ даетъ вамъ ее въ собственномъ его воображеніи? Правда, даетъ, благодаря страшной силѣ внушенія. Можно себѣ представить, сколько нужно было имѣть въ подобномъ положеніи самообладанія; какимъ актеромъ быть, чтобы не измѣнить себѣ ни глазомъ, ни мускуломъ, ни интонаціей голоса! Какъ послѣ этого не сказать, что воображеніе есть носъ, за который легко водить толпу... Даже въ практикѣ Наполеона это, кажется, единственный примѣръ дѣйствія на воображеніе вооруженной *чужой* массы однимъ только словомъ; и примѣръ тѣмъ болѣе замѣчательный, что онъ относится къ эпохѣ, когда Бонапартъ еще не могъ пріобрѣсти полнаго обаянія, которое впослѣдствіи производилъ на противниковъ.

18.

Бой у Арколе—высокій образецъ умѣнія: 1) поразить воображеніе массы своей и въ особенности чужой, какъ военной, такъ и не-военной; 2) найти неожиданные рессурсы на такой мѣстности, какую избрать добровольно для боя, на обыкновенный взглядъ, кажется просто безуміемъ. Эта мѣстность—болото къ югу отъ Вероны, между Адижемъ и впадающимъ въ него ручьемъ Альпонъ, по которому болоту пролегаютъ двѣ

плотины, шириною метровъ въ 5—6: онѣ-то и избраны полемъ сраженія. На нихъ повернуться нельзя, а ему это именно и было нужно.

Въ каждомъ сраженіи есть двѣ стороны: 1) собственно техническая—кто гдѣ, въ какомъ положеніи стоялъ; кто, куда и когда пошелъ, какую цѣль имѣлъ въ виду, какою цѣною ея достигъ (или не достигъ); 2) психологическая, т. е. какія впечатлѣнія сраженіе возбуждало въ душѣ профановъ, призванныхъ быть въ немъ участниками или зрителями. Первая сторона на столько бываетъ всегда сложна, что присяжные историки о второй обыкновенно забываютъ. А между тѣмъ въ ней все; что̀ бы ни говорили, но вѣдь всѣ большія дѣла дѣлаются толпою и для толпы, и становится она рабомъ, или врагомъ, смотря по тому, умѣете-ли вы залѣзть къ ней въ душу, поразить ея воображеніе, или нѣтъ.

И я былъ грѣшенъ, если не вполнѣ, въ грѣхѣ присяжныхъ историковъ, пока не побывалъ на Аустерлицкомъ полѣ.

Въ 1866 году, возвращаясь послѣ кампаніи въ Берлинъ, я заѣхалъ посмотрѣть на это поле. Подъѣхалъ я съ юга, т. е. со стороны Сачанскаго озера. Озера я уже не нашелъ—дно его обратилось въ роскошный лугъ. У встрѣченнаго поселянина я спросилъ, слышалъ-ли онъ о бывшемъ здѣсь боѣ? „Какъ же, слышалъ отъ дѣда: онъ жилъ тутъ же (въ Ауездѣ) и видѣлъ. Сначала французы были налѣво, а наши и ваши направо; а потомъ французы какъ-то перескочили и очутились направо, а ваши остались налѣво и много вашихъ потонуло въ озерѣ“. Вотъ наивный, и, если хотите, глупый разсказъ простеца-профана; но онъ былъ для меня цѣлымъ откровеніемъ.

Разсказалъ онъ о сраженіи только то, что̀ видѣлъ его дѣдъ со стороны озера Сачанъ, но

расказалъ черезъ 60 лѣтъ какъ о чемъ-то непостижимомъ и чудесномъ. И понялъ я тогда, что, дабы оцѣнить событіе во всю его ширь и глубь, со всѣмъ его внутреннимъ смысломъ, мало знать, кто куда пошелъ и что сдѣлалъ, шагъ за шагомъ, а еще полезно справиться, какъ оно отразилось на воображеніи профановъ, которые видѣли только часть событія и только съ одной точки зрѣнія.

Посмотримъ же на аркольскій эпизодъ съ точки зрѣнія веронскаго профана, которую разъяснилъ намъ съ неподражаемымъ искусствомъ самъ Наполеонъ, отлично знавшій все значеніе профановъ и того, что они думаютъ и чувствуютъ. Австрійскій главнокомандующій Альвинци наступаетъ на Верону съ востока; туда же идетъ другая его колонна (Давидовича) съ сѣвера. Соединеніе этихъ колоннъ дало бы австрійцамъ такой перевѣсъ въ силахъ, что Бонапарту нельзя было бы и думать оставаться въ Веронѣ, а пришлось бы снять осаду Мантуи и отступать въ Ломбардію, можетъ быть и далѣе. Чтобы воспрепятствовать этому соединенію, Бонапартъ, не взирая на неравенство силъ, рѣшается атаковать Альвинци на весьма крѣпкой позиціи, у Кальдіеро, 4-го ноября. Атака не удалась; Бонапартъ отступаетъ въ Верону. Альвинци за нимъ слѣдуетъ. Отношеніе силъ таково: у Альвинци 23,000; у Бонапарта 13,000. Положеніе на столько было серьезно, что 13-го ноября Бонапартъ пишетъ директоріи: „Сравнительная слабость арміи и ея истощеніе внушаютъ мнѣ много опасеній. *Быть можетъ мы наканунѣ потери Италіи.* Я теряю надежду отстоять блокаду Мантуи. Если это несчастіе случится, мы будемъ вскорѣ за Аддой и далѣе, въ случаѣ неприбытія подкрѣпленій“.

Что дѣлать?

13-го это было отрапортовано директоріи, а 14-го ноября, вечеромъ, оставивъ слабый гарнизонъ въ Веронѣ, Бонапартъ отступаетъ на западъ, *т. е. въ сторону Франціи.* Въ Веронѣ радость и ликованіе среди враждебной французамъ части населенія: „*Италія всегда была гробомъ французовъ*" и прочіе разговоры въ томъ же родѣ.

Съ тяжелымъ сердцемъ отступаютъ и французы, а Кильменъ *) не сомнѣвается, конечно, что его оставили на жертву.

Но на слѣдующій день, когда разсвѣло, французы, оставившіе вчера Верону позади, вдругъ увидѣли по колокольнямъ, что она вовсе не позади, а влѣво отъ нихъ, т. е. думали, что отступаютъ, а вышло, что какъ будто обходятъ съ юга.

Въ Веронѣ, въ теченіе этого и слѣдующихъ двухъ дней, слышали канонаду и перестрѣлку въ болотахъ, къ югу отъ города, а на четвертый день, о, ужасъ! Отступившіе французы возвращаются въ Верону: только не съ той стороны, куда они ушли, а съ противоположной, т. е. оттуда, гдѣ стояли австрійцы.

Есть отчего въ отчаяніе придти....Безъ труда можно себѣ представить, что послѣ такого сюрприза Бонапартъ долженъ былъ казаться въ Веронѣ и друзьямъ, и врагамъ чуть не демономъ, справиться съ которымъ внѣ силъ человѣческихъ, и который, что захочетъ, то и сдѣлаетъ.

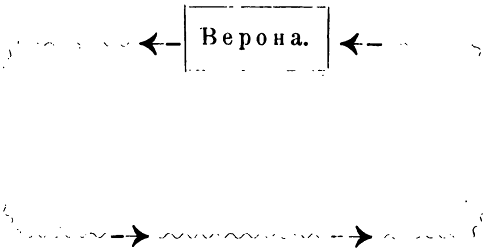
Изображая чертежомъ отношеніе веронскаго профана къ событію, получимъ:

←————	Веронскій профанъ.	←— —
Бонапартъ отступилъ сюда.		Вернулся отсюда.

*) Начальникъ веронскаго гарнизона.

Ergo—онъ колдунъ, чудотворецъ, что̀ хотите; но не такой человѣкъ, съ которымъ можно справиться обыкновеннымъ людямъ.

Между тѣмъ, эти два разорванные конца одной линіи связываются просто и естественно.

Оттого зауряднымъ историкамъ и кажется, что ничего тутъ особеннаго нѣтъ. Уже давно замѣчено, что ничего нѣтъ проще изобрѣтенія, сдѣланнаго вчера, и ничего труднѣе того, которое будетъ сдѣлано завтра. Колумбово яйцо!

Такимъ-то образомъ возникаетъ и ростетъ престижъ людей, отмѣченныхъ судьбою; стоустая молва раздуваетъ его до легендарныхъ размѣровъ, и чѣмъ дальше отъ театра событія, тѣмъ больше. Одержа̀нный успѣхъ подготовляетъ новые; а виновникъ успѣха обращается чуть не въ сверхъестественное существо.

Съ Альвинци Бонапартъ справился тоже не безъ помощи воображенія: первые два дня—бой на плотинахъ, выбранныхъ потому, что онѣ выходили на лѣвый флангъ Альвинци, и потому, что послѣдній не могъ употребить на нихъ больше войскъ, чѣмъ допускала ширина плотинъ, слѣдовательно, отношеніе силъ этимъ самымъ уравновѣшивалось; на третій день, послѣ переправы черезъ Адижъ ниже впаденія Альпона,—фрон-

тальный бой съ посылкою капитана Hercule (негръ) съ нѣсколькими десятками всадниковъ и съ трубачами по закрытымъ и топкимъ мѣстамъ, для нападенія на лѣвый флангъ и тылъ австрійцевъ. Рѣшительная атака этихъ всадниковъ, а еще болѣе трубные звуки подѣйствовали на воображеніе австрійцевъ, такъ же точно, какъ если бы это былъ серьезный отрядъ, и они отступили, чтобы не быть отрѣзанными (!) отъ своего пути отступленія этимъ сильнымъ и опаснымъ отрядомъ.

19.

Эпизодъ Арколе указываетъ, кромѣ сказаннаго, и на многое другое, именно: 1) на чудовищную подвижность духа и физики этого страшнаго человѣка; онъ самъ не знаетъ устали, и не даетъ покоя ни чужимъ, ни своимъ *). Этого одного достаточно, чтобы противника, мало-мальски жидкаго, измочалить физически и нравственно до того, что онъ будетъ радъ все бросить, лишь бы избавиться отъ такой каторги. Довольно сказать, что его отрядъ находился въ движеніи съ 4-го по 18-е ноября, въ томъ числѣ бои у Кальдіеро и почти безпрерывные въ теченіе дней 15-го, 16-го и 17-го; 2) на силу подчинить противника своей волѣ; 3) на упорство, несломимое въ самыхъ безвыходныхъ положеніяхъ; на неспособность приходить въ отчаяніе и на вѣру

*) Одною изъ причинъ этой неестественной дѣятельности не была-ли можетъ быть болѣзнь, схваченная имъ при осадѣ Тулона и вогнанная внутрь? Кто знаетъ. Въ организмѣ все въ связи и взаимодѣйствіи. Послѣ того, какъ Корвизаръ открылъ эту болѣзнь и выгналъ ее, Бонапартъ начинаетъ тучнѣть и понемногу тяжелѣть.

въ побѣду тогда, когда кромѣ гибели, повидимому, ничего было ожидать нельзя.

Дѣйствительно: не удалась одна комбинація (отбросить Альвинци фронтально, т. е. къ востоку), какъ уже готова другая—атаковать его лѣвый флангъ: атаковать по мѣсту, неудобному вообще, но удобному для того, чтобы австрійцы не могли драться широкимъ фронтомъ; атаковать и день, и другой, и третій, не взирая на перемѣнный успѣхъ; отвлечь, такимъ образомъ, мысль Альвинци и отъ его главной цѣли (соединиться съ Давидовичемъ), и отъ какихъ либо предпріятій на Верону, т. е. подчинить его своей волѣ,—и все это съ 13,000 противъ 23,000!

Скажутъ, можетъ быть, что солдатъ былъ идеальный; это безспорно; въ немъ были возможности, но ихъ нужно было умѣть вызвать. Древніе говорили: лучше армія барановъ, предводимая львомъ, нежели армія львовъ, предводимая бараномъ. И 1799 годъ это показалъ. Тѣ нечеловѣческія усилія, которыя умѣлъ вызывать у солдатъ Бонапартъ, дано вызывать далеко не всякому...

20.

Пониманіе стратегическихъ особенностей мѣстности свойственно было Наполеону, можетъ быть,даже болѣе, нежели тактическихъ. И въ этой сферѣ на обширныхъ пространствахъ онъ видитъ, и сразу, въ мѣстныхъ отношеніяхъ то, чего другіе не видятъ. Для него ясно, что удержаніе сѣверной Италіи зависитъ отъ удержанія Веронскаго раіона; что потерять его и очистить всю Италію до французскихъ границъ—одно и то же. Дѣло въ томъ, что Веронская область—узелъ дорогъ, ведущихъ со стороны Австріи; и, зани-

мая ее, можно бить по частямъ наступающихъ со стороны Тироля и со стороны Изонцо.

Эта рѣдкая способность оцѣнки мѣстныхъ отношеній на большихъ пространствахъ особенно рельефно проявилась въ 1809 году, на Дунаѣ, послѣ Асперенской неудачи. Всѣ маршалы высказались за оставленіе острова Лобау. Нѣтъ, говоритъ онъ: очистить Лобау и отступить къ Рейну—одно и то же, *ибо Лобау принадлежитъ къ лѣвому берегу Дуная* *), отъ коего онъ отдѣленъ только неширокимъ и неглубокимъ рукавомъ; сохраняя его, мы имѣемъ прекрасный тётъ-депонъ, съ водянымъ рвомъ, подъ покровительствомъ коего всегда сможемъ навести мосты. Между тѣмъ, бросивъ его и переправившись на правый берегъ, мы переходимъ совершенно въ пассивное положеніе, безъ возможности знать что-либо о предпріятіяхъ противника и противодѣйствовать имъ. Онъ это видѣлъ, а его сподвижники не видѣли.

21.

Сдѣлаемъ сводку: самоотверженіе; отсутствіе чувства опасности**); ясность и опредѣленность взгляда; честолюбіе необузданное и заразительное; умъ глубокій и всесторонній, окончательно сформировавшійся въ горячей революціонной температурѣ къ 25-ти, 26-ти годамъ жизни; необыкновенный даръ пониманія мѣстныхъ отно-

*) Т. е., къ непріятельскому.

**) Чѣмъ положенія бывали труднѣе, тѣмъ онъ становился покойнѣе. Подъ Березиной, на упреки, обращенные къ нему однимъ изъ маршаловъ (Сегюръ, къ сожалѣнію, не называетъ его), онъ отвѣчалъ только: „Monsieur, pourquoi voulez vous m'ôter mon calme?“ Т. е., милостивый государь, зачѣмъ вы хотите вывести меня изъ спокойствія?

шеній на полѣ сраженія и на театрѣ войны; несломимое упорство; нечеловѣческая дѣятельность и гибкость интеллекта и физики, при неистощимой творческой фантазіи; умѣніе читать въ душѣ человѣка и массъ, какъ въ открытой книгѣ, и соотвѣтственно тому, залѣзть въ эту душу и подчинить ее своей волѣ; умѣніе поразить воображеніе массъ.

Но это не все: безъ счастія далеко не уйдешь даже и при необыкновенныхъ способностяхъ. Если онъ тысячи разъ шелъ на гибель и не погибъ; если шелъ на самыя отчаянныя предпріятія и успѣвалъ, пока счастіе не отвернулось отъ него, то отдавая должное и способностямъ, и ихъ примѣненію, все же нужно отдѣлить долю шансовъ на счастіе, и долю не малую. Почему одному везетъ, другому не везетъ? Тайна необъяснимая, если по поводу счастія даже Лапласъ не нашелъ ничего сказать, кромѣ того, что если 5-ти-франковая, напримѣръ, монета падаетъ чаще на орелъ, чѣмъ на рѣшетку, то это заключается въ ея конституціи. Можно замѣтить одно, и, кажется, съ большою долею вѣроятія, что, такъ какъ отвага, предпріимчивость, почти всегда увѣнчиваются счастіемъ, то всѣ эти данныя (т. е. отвага и счастіе), вѣроятно, сродны между собою.

Наполеонъ былъ счастливъ и безгранично вѣровалъ въ свое счастіе. Въ этомъ отношеніи у него были даже свои примѣты, которыя, обыкновенно, называются суевѣріемъ; но едва-ли ихъ можно такъ называть, если примѣты подтверждаются фактами. Правильнѣе ихъ назвать выводами сердца, для ума непостижимыми, и потому имъ осуждаемыми или отрицаемыми*).

*) Мало-ли что онъ отрицалъ, пока не оказывалось, что отрицалъ не понимая? Le coeur a ses raisons que la raison ne connait point.....

Наполеонъ вѣровалъ, напримѣръ, что Жозефина ему приноситъ счастіе. Такъ это, или нѣтъ, но фактъ тотъ, что послѣ развода онъ не выигралъ уже ни одной кампаніи... Счастіе было, наконецъ, и въ томъ, что Наполеонъ появился въ эпоху запроса на тотъ родъ способностей, который его отличалъ. Во время, болѣе спокойное, эти способности или не нашли бы примѣненія, или не нашли бы его въ такой мѣрѣ.

22.

Да вдобавокъ ко всему Наполеонъ былъ *иностранецъ* относительно французской массы, а это замѣчательно развязываетъ руки. Будь онъ прирожденный французъ, онъ никогда бы не въ состояніи былъ имѣть той безцеремонности ходовъ, которую проявилъ въ теченіе всей карьеры. Не нужно забывать, что Корсика только-что была присоединена къ Франціи, что слитія въ умахъ и тѣмъ болѣе въ сердцахъ не только не было, а, напротивъ, было совершенно опредѣленное стремленіе отложиться — стремленіе, которому Бонапартъ сочувствовалъ, ибо былъ сначала на сторонѣ Паоли.

Этого мало: тѣ традиціи, которыя были обязательны для всякаго француза, обязательны безсознательно, помимо воли, ибо всасывались съ молокомъ матери, для Наполеона не существовали; однимъ словомъ, *онъ былъ не только иностранецъ, но и человѣкъ другого культурнаго типа*, т. е. иностранецъ вдвойнѣ. Стендаль правъ, сравнивая его съ знаменитыми кондотьерами XIV и XV вѣковъ; правъ болѣе, нежели можетъ быть самъ думалъ, ибо видитъ въ этомъ сходствѣ только атавизмъ *);

*) Т. е. повтореніе въ одномъ изъ послѣдующихъ поколѣній характеристическихъ особенностей предковъ.

между тѣмъ, въ немъ открывается полная аналогія: вѣдь корсиканцы по складу понятій и теперь, вѣроятно, не далеко ушли отъ XV вѣка, а 100—150 лѣтъ тому назадъ и подавно. Кажется теперь вполнѣ выяснилось, что культурныя особенности поддаются постороннимъ воздѣйствіямъ весьма медленно, и тѣмъ медленнѣе, чѣмъ страна обособленнѣе *). Онъ былъ и остался до конца человѣкомъ родового типа, при которомъ человѣкъ безгранично слабъ къ своимъ родичамъ и совершенно не церемонится со всѣми остальными людьми. Его отношенія къ братьямъ и сестрамъ достаточно подтверждаютъ это.

Образованіе, полученное Бонапартомъ во Франціи, культурнаго типа въ одномъ поколѣніи не могло измѣнить. У насъ въ прежнее время воспитывали въ кадетскихъ корпусахъ дѣтей кавказскихъ горцевъ: возвращались они домой послѣ семи, восьми лѣтъ такими же дикарями, какъ были. Нравственную физіономію человѣка невозможно измѣнить такъ же, какъ и физическую. Наполеонъ говорилъ о насъ: „grattez un peu le Russe et vous verrez un tartare“, въ полной силѣ это примѣнимо и къ нему, бывшему французомъ только по внѣшности. И мысленно припомнивъ характеръ Наполеона, всякій, вѣроятно, согласится, что, какъ характеръ, это былъ типъ не французскій и даже не италіанскій XVIII вѣка, а корсиканскій XIV, XV вѣка. Образованіе далось ему легко, какъ натурѣ богато одаренной: но характеръ не только остался, а еще закалился подъ вліяніемъ революціи. Правда, онъ заставилъ забыть, что былъ не французъ; но это показало только гибкость натуры, отличающую именно дикаря, который пре-

*) Какъ, напримѣръ, островъ.

красно умѣетъ хитрить, приспособляться и скрывать или показывать то, что въ его интересахъ нужно. Но приходитъ минута—и наружу прорывается пылкость, мстительность, коварство, жестокость... Никто лучше его не понималъ извѣстнаго житейскаго правила—лучше убить чорта, чѣмъ ждать, пока онъ васъ убьетъ *). Дурно это или хорошо—безразлично; я только констатирую фактъ и утверждаю, что такія свойства могущественно должны были содѣйствовать успѣху Наполеона, ибо, благодаря имъ, онъ смотрѣлъ на Францію какъ на орудіе: онъ не жалѣлъ ее, какъ пожалѣлъ бы, вѣроятно, прирожденный французъ, и по одному этому, послѣдній, конечно, не пошелъ бы такъ далеко.

23.

И вооруженный этимъ орудіемъ, онъ и пошелъ, и пошелъ. Надѣлалъ массу великихъ дѣлъ и великихъ бѣдъ. Кто хочетъ видѣть только первыя, тотъ его зоветъ великимъ человѣкомъ, кто только вторыя—извергомъ, антихристомъ **), каналіей. Да, пожалуй, каналья, но только высокая, т. е. великій человѣкъ тожъ, ибо только тотъ способенъ на великое добро, кто способенъ и на великое зло. Не всякому дано быть высокимъ даже и въ канальствѣ. Есть канальство и канальство: за одно ста-

*) Послѣ роялистскаго заговора Пишгрю и Кадудаля, подстроеннаго Фуше, по внушенію Наполеона (см. „Les derniers jours du Consnlat par Fauriel“), отправлены въ ссылку не роялисты, а якобинцы: они были, конечно, опаснѣе роялистовъ. Почище этого была засада, погубившая послѣ Ваграмскаго сраженія полковника Удé (Houdet) съ его офицерами, которые принадлежали къ обществу филадельфовъ, и составили заговоръ убить Наполеона.

**) У насъ въ 1812 году даже подсчитывали, что имя его изображаетъ число 666.

вятъ памятники и награждаютъ безсмертіемъ; за другое удлиняютъ на висѣлицѣ, или укорачиваютъ на гильотинѣ: разница ощутительная. Въ маленькихъ Наполеончикахъ недостатка не было; но имъ воздуху не хватаетъ и они захлебываются обыкновенно на первыхъ шагахъ. Раскольниковъ *) убиваетъ старуху-ростовщицу, руководствуясь тѣмъ, что, если Наполеонъ истребилъ массы людей, то ему одну вредную старуху и Богъ велѣлъ, чтобы ея деньгами помочь неимущимъ; но за такой подвигъ попалъ только на каторгу. Забылъ онъ, что могій вмѣстити, да вмѣститъ, и что̀ сказалъ еще Паскаль по поводу подражанія великимъ: „L'exemple de la chasteté d'Alexandre n'a pas tant fait de continents que celui de son ivrognerie a fait d'intempérants. Il n'est pas honteux de n'être pas aussi vertueux que lui, et il semble excusable de n'être pas plus vicieux que lui... S'ils sont plus grands que nous, c'est qu'ils ont la tête plus élevée; mais ils ont les pieds aussi bas que les nôtres...“ **).

24.

Чувствую, что сдѣлалъ очеркъ мало достойный предмета. Все же полагаю, онъ достаточно рисуетъ, какія свойства въ натурѣ Наполеона влекли къ нему однихъ, подчиняли ему другихъ, даже вовсе нерасположенныхъ къ подчиненію, даже враждебныхъ.

---

*) Герой романа Достоевскаго „Преступленіе и Наказаніе“.

**) Примѣръ цѣломудрія Александра не нашелъ столько подражателей, какъ его невоздержность въ употребленіи вина. Не зазорно не быть ему равнымъ въ добродѣтели и какъ будто извинительно быть столь же, какъ и онъ, невоздержнымъ... Если они болѣе насъ велики, то потому, что головою выше; а ноги ихъ стоятъ такъ же низко, какъ и наши.

При такихъ задаткахъ могъ-ли онъ воздержаться отъ злоупотребленія своею силою? Это возможно было бы при одномъ условіи—если бы въ природѣ существовали палки объ одномъ концѣ, силы объ одномъ полюсѣ, но такихъ пока не открыто. Если бы онѣ были, то полагаю и жизни не было бы, ибо вся она есть не болѣе какъ борьба противоположностей, изъ коихъ каждая то побѣждаетъ свою противницу, то бываетъ ею побѣждаема, и сочетаніе ихъ въ гармоническомъ единствѣ возникаетъ только мимолетно, какъ въ судьбѣ Наполеона первые года консульства.

Война, а въ минуты кризиса и гражданская жизнь, требуетъ крайняго напряженія какъ моральныхъ, такъ и физическихъ силъ; проявленія всѣхъ свойствъ человѣка, отъ самыхъ возвышенныхъ, до самыхъ низменныхъ. Ибо основная цѣль заключается въ томъ, чтобы сломить врага во что бы то ни стало, а не въ томъ, чтобы сломить его извѣстнымъ образомъ. Кто ставитъ вопросъ иначе, всегда проигрываетъ, наткнувшись на противника, который не стѣсняется въ выборѣ средствъ.

Въ этомъ разница между частною и общественною дѣятельностью. Въ первой обязательны извѣстныя этическія нормы; во второй онѣ являются только служебною силою, къ которой прибѣгаютъ или нѣтъ, смотря по тому, можетъ ли она привести къ желаемому результату, или нѣтъ.

Общественный дѣятель долженъ весь отдаваться обществу и о себѣ не думать. Работая не на себя, а на народъ, онъ не имѣетъ права проявленіями личной добродѣтели, или состраданія, облегчать участь противника и на столько же усиливать страданія своихъ войскъ, или своего народа. Есть частныя добродѣтели, которыя въ общественной жизни могутъ стать преступленіемъ измѣны родинѣ, и наоборотъ.

Моралисты вращаются въ сферѣ идей; политики и военные имѣютъ дѣло съ интересами и страстями; отъ того непримиримое противорѣчіе между тѣми и другими. „Вы работаете на бумагѣ, я на человѣческой кожѣ“ (Екатерина Великая въ разговорѣ съ Дидро). „Если бы мы дѣлали для себя то, что дѣлали для Италіи, мы были бы большими негодяями“ (Кавуръ).

Сколько бы ни называли парадоксомъ признаніе разницы между частной и общественной этикой, но эта разница была и будетъ, какъ это ни возмутительно для индивидуальнаго ума. „Да, но эту разницу честолюбцы расположены поворачивать въ свою пользу, и, подъ предлогомъ работы на народъ, работаютъ на себя?“ Ничего не подѣлаешь: что̀ употребляется, то и злоупотребляется.

Великой блудницѣ многое простилось, потому что она много любила. И ему многое простится, поелику онъ много дерзалъ.

„Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ“ *).

25.

Возможно-ли появленіе и возвышеніе подобныхъ людей въ будущемъ? Люди умового типа, „идеологи“, какъ ихъ обзывалъ Наполеонъ, конечно, будутъ утверждать, что невозможно. Съ ихъ точки зрѣнія, что̀ имъ не нравится, то и невозможно. Но кто сколько нибудь безпристрастно знакомилъ съ исторіею, тотъ этого, конечно, не скажетъ. Если Цезари, Магометы, Чингисъ-ханы,

*) Пушкинъ. „На смерть Наполеона“.

Атиллы, Наполеоны возможны были въ прошедшемъ, то они явятся и въ будущемъ, какъ только явится запросъ на нихъ. И этому не помѣшаетъ никакое развитіе цивилизаціи, никакія открытія ума, ибо дѣйствуютъ подобные люди въ области воли, неподчинимой уму.

Что можетъ сдѣлать умъ противъ человѣка, обладающаго магическою силою подчинять себѣ волю массъ? Ничего. И чѣмъ такой человѣкъ будетъ болѣе чуждъ массѣ, къ которой присосется волею судебъ, чѣмъ болѣе проникнетъ ея духъ, постигнетъ ея слабыя и сильныя стороны, тѣмъ сильнѣе ее очаруетъ, тѣмъ далѣе за собою поведетъ. И кто по увлеченію, кто по своекорыстію, по глупости, по подраженію и проч., и проч., но пойдутъ *всѣ*. „Ils grognaient, et le suivaient toujours...“*). Тѣ рѣдкія, слишкомъ рѣдкія, единицы, которыя поймутъ эту сложную игру страстей и шарлатанства, какъ бы ни были онѣ прозорливы, ничему не помѣшаютъ, ничего не остановятъ, никого не просвѣтятъ, и будутъ стоять себѣ какъ верстовые столбы, мимо которыхъ несется бурный потокъ жизни съ его тріумфами и катастрофами, наслажденіями, страданіями, героизмомъ низостью, гибелью...

Въ безбрежной области непознаваемаго, подчиненіе воли массъ волѣ одного представляетъ для человѣка одно изъ самыхъ притягательныхъ, роковыхъ, неодолимыхъ и непостижимыхъ явленій. Чувствительно созерцательныя души могутъ объ этомъ сокрушаться, этимъ возмущаться, но отвергнуть или игнорировать не могутъ; Это фактъ, а фактъ—нахалъ, котораго умозрѣніями не опрокинешь.

---

*) Они ворчали, но всегда шли за нимъ.

26.

Послѣ всего сказаннаго я могу закончить эти замѣтки отвѣтомъ на вопросъ, предложенный мнѣ въ вашемъ *) письмѣ: „Autrefois, dans le calcul des chances, on faisait entrer pour beaucoup les qualités psychologiques de chaque nation. Aujourd'hui que la guerre est transformée, les dispositions psychologiques ont-elles perdu de leur influence **)?"

Военное дѣло представляетъ двѣ стороны, рѣзко различныя между собою: parties des détails et parties sublimes ***), по маршалу Саксонскому; partie terrestre et partie divine ****)—по Наполеону, что, собственно говоря, одно и то же. Въ чемъ именно война преобразовалась, и каковы факторы преобразованія?

Эти факторы суть: 1) усовершенствованное огнестрѣльное оружіе; 2) распространеніе желѣзныхъ дорогъ; 3) громадный ростъ численности армій и, какъ слѣдствіе этого роста, короткіе сроки службы. Первые два фактора чисто матеріальные и, какъ таковые, они не могутъ быть причиной измѣненія духовной натуры человѣка, а слѣдовательно, и partie divine de la guerre. Надѣюсь, никто не станетъ утверждать, чтобы, напримѣръ, ружье Лебеля или скорость передвиженія могли подѣйствовать на измѣненіе въ человѣкѣ логики, чувства, страстей, воображенія.

По этому уже можно видѣть, не входя въ дальнѣйшія развитія, что психологическія данныя

*) Письмо г. J. Simon'а къ автору. *Примѣч. ред.*

**) Прежде въ разсчетъ вѣроятій вводили, и большой величиной, психологическія качества націй. Теперь, когда война преобразилась, психологическія предрасположенія не утратили-ль части своего вліянія?

***) Отдѣлъ подробностей и отдѣлъ высочайшій.

****) Отдѣлъ земной и отдѣлъ божественный.

не могли утратить своего значенія. Это имѣло бы мѣсто только тогда, если бы современный человѣкъ сдѣлался, благодаря новому оружію и желѣзнымъ дорогамъ, менѣе прежняго доступнымъ вліянію воображенія, внушенія неожиданности, менѣе подверженнымъ усталости, болѣе упорнымъ, выносливымъ, болѣе свободнымъ отъ вліянія инстинкта самосохраненія; однимъ словомъ, болѣе доблестнымъ. Современное оружіе и желѣзныя дороги могли ли усилить эти свойства? Не только не могли, но скорѣе способствовали пониженію уровня желательныхъ и повышенію нежелательныхъ свойствъ. Желѣзныя дороги отучаютъ ходить, и огнестрѣльныя впечатлѣнія приходится выносить теперь, начиная съ разстоянія 5-ти—6-ти верстъ и до столкновенія, между тѣмъ какъ въ Наполеоновскую эпоху далѣе $1^1/_2$ версты ихъ зона не шла.

Можно ли послѣ этого сказать, что dispositions psychologiques ont perdu de leur influence? Нѣтъ, нѣтъ. Прежде стрѣляли до 300 и 1,800 шаговъ (ружья, пушки); теперь до 3,000 (ружья) и до 8,000 (пушки) шаговъ; прежде на театрѣ войны передвигались въ сутки на 25, 30 километровъ, теперь переѣзжаютъ на 300—400 километровъ, а при нуждѣ и далѣе. Разница поразительная, конечно; *но разница преимущественно количественная, матеріальная.* Однимъ взаимнымъ разстрѣливаніемъ и одними переѣздами побѣда не одерживается, а въ концѣ концовъ нужно сойтись грудь съ грудью; и здѣсь одолѣетъ не тотъ, кто лучше вооруженъ, или скорѣе переѣзжаетъ, а тотъ, кто меньше боится за свою шкуру, кто проявитъ болѣе *нравственной* энергіи, упорства, кто не боится погибнуть, *кто лучше умѣетъ страдать, умирать...* „Претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ...“ Однимъ словомъ,

все дѣло въ томъ, каковъ духовный человѣкъ? Къ нему и обратимся.

27.

Современный человѣкъ съ его духовными и физическими опредѣленіями есть третья и важнѣйшая данная, отражающаяся на характерѣ войны. Важности этой данной, къ сожалѣнію забываемой всѣми приверженцами техническихъ усовершенствованій, отвергать нельзя. Сказанные приверженцы скромны даже до забвенія того, что они и сами люди; и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, создаютъ себѣ изъ оружія и локомотива кумировъ, передъ коими и повергаются въ прахъ, въ родѣ того, какъ дѣлали мексиканцы, увидѣвъ въ первый разъ лошадей и огнестрѣльное оружіе. Но вѣдь теперь такой разницы между противниками въ Европѣ нѣтъ и быть не можетъ, а огне-и паро-поклонники въ своемъ увлеченіи не хотятъ этого знать.

И однако, могли бы они вспомнить хотя то, что ни оружіе само не стрѣляетъ, ни локомотивы сами не возятъ; а стрѣляютъ изъ перваго и возятъ на вторыхъ тѣ же люди, которые, сверхъ того, ихъ и изобрѣли. А твореніе развѣ можетъ стать выше творца? Невольно вспомнишь геніальную басню ла-Фонтена, какъ скульпторъ, изваявъ Юпитера, самъ же первый и палъ передъ нимъ ницъ!

И употребляютъ оружіе и локомотивъ тѣ же *люди*; употребляютъ худо или хорошо, въ зависимости отъ того, глупо или умно они мыслятъ, слабо или сильно хотятъ, боятся-ли за драгоцѣнные дни свои, или же проникнуты самоотверженіемъ, которое, какъ мы уже условились, одно даетъ ясность мысли и твердость рѣшеній въ опасныхъ положеніяхъ. И послѣ

этого, не краснѣя, усиливаются еще доказывать, что нравственная сторона яко бы утратила свое значеніе? „Чего боишься? Цезаря везешь“!

Посмотримъ же, каковы духовныя и физическія опредѣленія современнаго человѣка въ массѣ и единично.

Главная отличительная черта военныхъ массъ въ настоящее время—это ихъ многочисленность*) и короткіе сроки службы; единицъ—молодость и потому меньшая способность къ перенесенію лишеній, бо́льшая впечатлительность, меньшая сплоченность, меньшая привычка къ повиновенію и покорности.

Все это еще разъ указываетъ на громадное значеніе психологическихъ предрасположеній. Если Наполеонъ давалъ имъ $^{3}/_{4}$ въ успѣхѣ, оставляя на матеріальныя данныя только $^{1}/_{4}$, то, полагаю, что первыя будутъ теперь играть роль гораздо больше.

Не будетъ, конечно, хвастовствомъ съ моей стороны утверждать, что наши люди менѣе пылки, слѣдовательно, менѣе впечатлительны и, по условіямъ быта, болѣе выносливы, чѣмъ французы. А между тѣмъ въ прошлую войну послѣ боя случалось, что цѣлые биваки поднимались ночью на ноги съ крикомъ „ура“ изъ-за того, что съ просонья кто-нибудь одинъ крикнетъ „ура“; и большого труда стоило офицерамъ успокоивать это волненіе. Боевыя впечатлѣнія такъ сильно дѣйствуютъ на молодого солдата, что онъ ими бредитъ во снѣ, какъ ребенокъ бредитъ тѣмъ, что̀ его сильно поразило днемъ. И такъ какъ настроенію крикнувшаго отвѣчало настроеніе всей массы, то оно и передавалось ей какъ по электричеству.

*) А количество всегда получается въ ущербъ качеству.

А кто не знаетъ паники, объявшей чуть не цѣлый корпусъ на другой день послѣ Сольферинской побѣды, *среди бѣла дня,* и ничтожной причины, ее вызвавшей? Такого рода явленія нѣсколько поважнѣе какой нибудь дальнострѣльности, а тѣмъ болѣе скорострѣльности, и заслуживаютъ глубокаго вниманія и размышленія тѣхъ, которые не забыли замѣчанія Наполеона: qu'entre la bataille gagnée et la bataille perdue il y a des empires *)... Можно ли послѣ этого утверждать, что какое нибудь ружье умалитъ значеніе духовной стороны въ бою—предоставляю судить каждому.

Что̀ прежде давалось продолжительными войнами и отчасти длинными сроками службы, того нужно достигать теперь послѣдовательно соображенной и настойчиво проводимой въ жизнь системой воспитанія.

Здѣсь не мѣсто излагать эту систему. Скажу только, что основная идея ея заключается въ томъ, чтобы и въ мирное время знакомить человѣка съ чувствомъ опасности и давать ему практику въ преодолѣніи этого чувства. Только при этомъ условіи маневры и прочія занятія пріобрѣтаютъ значеніе для военнаго времени, а безъ этого всѣ они не болѣе какъ игра въ солдатики; очень красивая и потому заманчивая, но игра.

*) Между выигранной или проигранной битвой судьба государствъ.

ЖАННА Д'АРКЪ.

Жанна д'Аркъ.

Le coeur a ses raisons que la raison ne connait point.

Pascal *).

I.

Великая легенда Жанны стоитъ непосредственно вслѣдъ за извѣстной, дорогой всему христіанскому міру легендой: до такой степени много между ними общаго. Первая исходитъ изъ второй, ибо цѣликомъ порождена глубокими христіанскими убѣжденіями Жанны. Утвердительно можно сказать, что не было бы христіанства, не могло бы быть и Жанны.

Родилась Жанна съ 5-го на 6-е января 1411 года **). Съ дѣтства она прониклась чистой и высокой религіозной экзальтаціей подъ вліяніемъ матери, которая, по всей вѣроятности, была женщиной глубоковѣрующей, сердца чистаго и сострадательнаго. Знала она немного, но сердцемъ понимала все; научила она Жанну, какъ та наивно отвѣчала на допросѣ, всего тремъ молитвамъ: „Богородице Дѣво", „Отче нашъ" и „Вѣрую"; но сообщила ей то состраданіе ко

*) У сердца есть свои доводы, которыхъ разумъ вовсе не знаетъ.

**) По другимъ источникамъ 1412 года.

всяческому чужому горю, которому богословскія ухищренія не учатъ. Съ самаго дѣтства она ходила за больными, помогала неимущимъ, уступала свою постель странникамъ, сама ютясь у печки или въ сараѣ.

Выросла притомъ Жанна среди кельтическихъ миѳовъ, въ то время еще живучихъ въ Лотарингіи: миѳовъ о чудесныхъ деревьяхъ, источникахъ, о феяхъ, видѣніяхъ, древнихъ предсказаніяхъ. Эти народныя преданія, христіанскія легенды, жизнеописанія святыхъ, мучениковъ, составляли все ея воспитаніе. Древнее предсказаніе Мерлина (весьма темное) гласило, между прочимъ, что Францію погубитъ женщина и спасетъ дѣва. Первой половинѣ предсказанія вполнѣ отвѣчала развратная королева Изабелла, подписавшаяся подъ трактатомъ въ Труа, предававшимъ Францію въ руки англичанъ; исполненія второй половины предсказанія народъ ожидалъ, какъ и всегда ожидаетъ чудеснаго спасителя въ годины великихъ бѣдствій.

Охотники объяснять необыкновенныя явленія такъ называемыми естественными причинами расположены видѣть въ сказанномъ объясненіе психическаго строя Жанны; если бы это было такъ, то должно было бы явиться много Жаннъ, такъ какъ въ этой обстановкѣ росли всѣ ея сверстницы; а между тѣмъ она *одна,* и во всемірной исторіи ничего даже близко подходящаго къ ней подыскать нельзя. До такой степени нельзя, что не будь точныхъ свѣдѣній о ея жизни и особенно протоколовъ руанскаго процесса и процесса возстановленія божественной миссіи и праведности Жанны, не миновать бы ей зачисленія въ область миѳовъ.

Иные, даже изъ серьезныхъ писателей (напримѣръ, Мишле), представляютъ ее ужъ слиш-

комъ просто, находя, будто оригинальность ея заключалась не въ ея мужествѣ и видѣніяхъ, а... въ здравомъ смыслѣ! Какъ будто одинъ здравый смыслъ могъ подсказать ей тѣ, повидимому, отчаянные ходы, которые она предпринимала противъ англичанъ, пользовавшихся обаяніемъ столѣтней непобѣдимости, и съ людьми, испытывавшими на себѣ при каждомъ столкновеніи эту непобѣдимость?

Этотъ пресловутый здравый смыслъ долженъ бы былъ ей подсказывать прямо обратное, какъ и подсказывалъ разнымъ приспѣшникамъ Карла VII и его опытнымъ военачальникамъ; подсказывалъ даже и тогда, когда Жанна дѣломъ доказала, что англичанъ бояться нечего.

Умовые люди всегда такъ: наталкиваясь на что-либо непостижимое для ихъ бѣднаго знанія причинъ явленій, они это непостижимое или замалчиваютъ, или же объясняютъ такъ жалко, что ничтожество объясненія становится сразу явно для всякаго незакупленнаго человѣка. Упускаютъ умовые люди то простое обстоятельство, что въ природѣ все естественно, *но не все извѣстно,* и что, наталкиваясь на непостижимое (пока, а можетъ и навсегда), лучше такъ и сказать, что оно непостижимо, а не отрицать его и тѣмъ болѣе не усиливаться объяснять неправдоподобно просто. И Мишле, можетъ быть, менѣе, нежели кому-либо, пристало объяснять силу Жанны однимъ здравымъ смысломъ, такъ какъ и самъ-то онъ былъ изъ породы вдохновенныхъ.

Какимъ образомъ, не погрѣшая противъ истины, можно объяснить здравымъ смысломъ такія, напримѣръ, явленія, какъ рѣшительное утвержденіе Жанны еще въ Вокулёрѣ, что она сниметъ осаду Орлеана и коронуетъ дофина въ

Реймсѣ? Узнаніе сразу дофина, укрывавшагося въ толпѣ придворныхъ, не взирая на подставного короля, чуть ли даже не возсѣдавшаго на тронѣ? Указаніе меча, закопаннаго въ церкви деревни Фьербуа? Открытіе дофину тайнаго удручавшаго его сомнѣнія, законный ли онъ сынъ Карла VI? Предсказаніе Жанны, что она будетъ ранена, за двѣ недѣли до того, какъ это случилось? Предсказаніе Жанны о смерти солдата, зарившагося на нее и выразившаго свое вожделѣніе съ разными богохульствами? При чемъ во всемъ этомъ здравый смыслъ? А, наконецъ, развѣ это не чудо изъ чудесъ, что простая крестьянская дѣвка, едва вышедшая изъ юношескаго возраста, становится во главѣ тогдашнихъ солдатъ *) и, что еще болѣе, ихъ начальниковъ, полныхъ дворянской фанаберіи и богатыхъ боевымъ опытомъ? И какимъ командиромъ! „Во всемъ, кромѣ войны, она была проста и какъ молодая дѣвушка: но по военной части она была очень искусна во всемъ: верхомъ ли и въ обращеніи съ пикою, въ томъ ли, чтобы собрать армію, распорядиться боемъ, или поставить артиллерію. И всѣмъ даже было удивительно видѣть въ ней искусство и предусмотрительность военачальника, воспитаннаго двадцати-тридцатилѣтнею практикою. Но особенно удивлялись необыкновенному ея искусству употреблять артиллерію“ **).

Въ человѣкѣ таится неисчерпаемый запасъ силъ, ему невѣдомыхъ; гипнотизмъ, внушеніе, наконецъ *самовнушеніе* открыты для науки только на дняхъ; но это не болѣе какъ едва-едва

---

*) *Тогдашнихъ* солдатъ, т. е. просто разбойниковъ.

**) Свидѣтельство герцога Алансонскаго, одного изъ постоянныхъ и даровитѣйшихъ сподвижниковъ Жанны.

приподнятый кончикъ завѣсы въ тѣ таинственныя, туманныя пропасти жизни, въ которыя доступъ чисто умовымъ путемъ навсегда будетъ заказанъ человѣку. „Скрылъ отъ мудрыхъ и открылъ младенцамъ"... У сильныхъ людей замѣчается иногда духовное выдѣленіе въ родѣ двойника: вспомнимъ Сократа, Магомета.. Люди, одаренные сильнымъ творческимъ воображеніемъ *видятъ* передъ собою то, что описываютъ, до послѣднихъ мелочей... Да и такъ ли уже необыкновенно все сказанное, какъ умовикамъ кажется? Оно только рѣже случается; а мало ли есть фактовъ, которые столь же чудесны и необыкновенны, но не кажутся намъ такими только потому, что мы къ нимъ привыкли? Для мексиканцевъ, впервые увидѣвшихъ лошадей и огнестрѣльное оружіе, они тоже были чудомъ. Всякій нашъ шагъ облеченъ непостижимой тайной... Развѣ глубокое предвидѣніе не то же пророчество, какъ, напримѣръ, у Питта относительно Наполеона? И однако его не считаютъ невѣроятнымъ. Бывали эпохи крайнихъ духовныхъ напряженій, дававшія непостижимыя явленія и въ прежнія времена. Онѣ всѣмъ извѣстны и всегда возникали въ годины, когда чаша бѣдствій и беззаконій переполнялась. Но тѣ напряженія были давно, и имъ не вѣрятъ или, правильнѣе, показываютъ видъ, что вѣрятъ...

2.

Всѣ знали Жанну набожною, любившею ходить въ церковь, любившею звонъ колоколовъ, сострадательною. Всѣ знали ея милосердіе, набожность, не не знали того, что духовная жизнь поглотила въ ней плотскую: божественный даръ остаться навсегда ребенкомъ былъ данъ ей. Она

росла, стала сильною и прекрасною, но никогда не знала того, чѣмъ выражается зрѣлость женщины.

А вмѣсто этого ей стали являться видѣнія. Однажды (13-ти—14-ти лѣтъ) она увидѣла ослѣпительный свѣтъ и въ немъ крылатую фигуру величественнаго вида, окруженную сонмомъ духовъ. „Я Архангелъ Михаилъ и пришелъ приказать тебѣ отъ Господа, чтобы ты шла во Францію, на помощь дофину, да возвратитъ онъ черезъ тебя свое королевство“.... Дѣвочка испугалась и заплакала, но видѣніе повторилось еще блестящѣе. Предводитель силъ небесныхъ явился въ сопрожденіи двухъ дѣвъ, „въ коронахъ очень богатыхъ и драгоцѣнныхъ“—это были св. Екатерина и св. Маргарита, въ будущемъ ея руководительницы и совѣтницы. Съ тѣхъ поръ явленія стали повторяться чаще и чаще. Ужасъ, который они внушали ей вначалѣ, превратился въ радость и любовь; она съ нетерпѣніемъ ждала своихъ „райскихъ братьевъ“, плакала, когда они ее оставляли и хотѣла, чтобы они унесли ее съ собой!

И всегда духи говорили ей о ея миссіи „de la grande pitié qu'il y avait au royaume de la France“, что она одна можетъ положить конецъ бѣдствіямъ, что должна идти къ дофину и вести его короновать въ Реймсъ. Жанна отнѣкивалась; она, бѣдная дѣвочка, не умѣетъ ни верхомъ ѣздить, ни войну вести. Но духи повторяли настойчиво: „иди во Францію, иди во Францію“ („va en France, va en France“).

Съ этой поры для Жанны начинается жестокая борьба, прерывавшаяся тѣми непродолжительными паузами, въ которыя ей не мѣшали исполнять ея миссію. Никому она не открывалась въ своихъ видѣніяхъ; но сильныя духовныя

напряженія передаются другимъ непостижимыми путями: отецъ Жанны видѣлъ однажды сонъ, что она ушла съ солдатами, и, понимая его по тогдашнему конечно, выразился, что скорѣе утопитъ ее своими руками, чѣмъ это допуститъ. Между тѣмъ явленія становились все настойчивѣе...

Голоса слышались до трехъ разъ въ недѣлю и не давали ей покоя. А тутъ случилась еще бѣда: въ 1428 г. бургундцы (сторонники англичанъ) напали на Домреми; жители со стадами успѣли укрыться, но, когда вернулись, нашли деревню разграбленною, церковь сожженною. Для Жанны это было наказаніемъ свыше за то, что она медлитъ.

Колебаться долѣе было нельзя. Задолго до того, какъ пришло въ Лотарингію извѣстіе объ осадѣ Орлеана, Жанна рѣшилась повиноваться голосамъ, уже непрерывно ее мучившимъ. „Торопись! торопись! иди въ Вокулёръ, къ Роберту Бодрикуру! *) Два раза онъ тебѣ откажетъ, а на третій выслушаетъ и дастъ провожатыхъ къ дофину“.

Въ сопровожденіи дяди, которому она открылась и который увѣровалъ въ нее, Жанна отправилась въ Вокулёръ. Дядя явился къ Бодрикуру и разсказалъ ему о миссіи, къ которой считала себя призванной Жанна. Какъ и слѣдовало ожидать, Бодрикуръ посовѣтовалъ дядѣ накормить полоумную племянницу оплеухами и отвести къ отцу. Нужно замѣтить, что это было время мнимыхъ ясновидящихъ, пророчицъ; женщинъ, бывшихъ въ связи съ діаволомъ, или мнившихъ себя таковыми, колдуній—и рѣшеніе Бодрикура совершенно понятно.

*) Комендантъ Вокулёра.

Тогда Жанна сама отправилась къ Бодрикуру и сразу его узнала, хотя никогда не видѣла. „Капитанъ, сказала она, знайте, что *Господинъ* мой (Messire), коему принадлежитъ Франція и который волитъ дать ее въ намѣстничество дофину, повелѣлъ мнѣ идти къ дофину, дабы его короновать и дабы сталъ онъ королемъ въ противность его врагамъ“.—А кто твой господинъ?—„Царь небесный“. Бодрикуръ, который не былъ ни религіознѣе, ни сдержаннѣе большинства военныхъ того времени, поднялъ Жанну на смѣхъ. Она настаивала. Тогда Бодрикуръ обозвалъ ее опять полоумной и годной развѣ на то, чтобы ее отдать на потѣху солдатамъ (à se divertir et ébattre en péché charnel). Нѣкоторые даже обнаруживали поползновеніе къ заигрыванью; но какъ только взглядывали не нее пристальнѣе, то и остывали; выраженіе лица Жанны настолько было необыкновенно, что смущало самыхъ дерзкихъ.

Положивъ себѣ побѣдить недоброжелательство Бодрикура, она поселилась въ Вокулёрѣ за кусокъ хлѣба, раздѣляя время между работою и горячею молитвою. А между тѣмъ слава о ней начала распространяться; началъ сомнѣваться и Бодрикуръ и, подозрѣвая, не вѣдьма ли она, пришелъ со священникомъ отчитывать ее. Жанна оказалась набожною и діаволомъ неодержимою, но это не перемѣнило къ ней отношенія Бодрикура, хотя обо всемъ этомъ онъ и отписалъ ко двору. Пришлось Жаннѣ возвратиться съ дядей въ его деревню.

Но Жанна тамъ долго не оставалась. Вѣсти объ осадѣ Орлеана воспламенили ее снова и съ приближеніемъ великаго поста снова потянули въ Вокулёръ, потому что еще до наступленія половины поста она должна быть передъ дофи-

номъ, *„хотя бы для этого ей пришлось стереть ноги до колѣнъ.* Ибо никто *) въ мірѣ, ни короли, ни герцоги, *ни дочь Шотландскаго король,* ни иные не могутъ возстановить Францію. Помочь могу только я; и, однако, я лучше хотѣла бы оставаться при бѣдной моей матери, такъ какъ это не моя работа; *но я должна идти!"*

И вотъ вѣра начала сдвигать горы: два дворянина, де-Мецъ и Пуланжи, увлеченные ея

*) Историки очевидно не понимали, при чемъ тутъ дочь Шотландскаго короля, и пропускали эти слова безъ вниманія до Simon Luce, высоко талантливаго изслѣдователя той эпохи, къ сожалѣнію рано умершаго. Luce, сколько мнѣ извѣстно, первый разгадалъ смыслъ подчеркнутыхъ словъ. Дѣло въ томъ, что въ 1428 году велись переговоры о брачномъ союзѣ сына дофина (тогда еще двухлѣтняго ребенка) съ Шотландскою принцессою такого же приблизительно возраста,—въ расчетѣ конечно на то, что, благодаря этому союзу въ будущемъ, удастся подвинуть Шотландскій дворъ на помощь въ настоящемъ. Понятно, что подобные переговоры велись не иначе, какъ подъ большимъ секретомъ; но Жанна очевидно *знала* о нихъ; знала въ провинціальной глуши, при тогдашней затруднительности сообщеній, на разстояніи 400 верстъ отъ резиденціи дофина. Значитъ оказывается, что никакіе секретнѣйшіе дипломатическіе картоны не скрывали отъ ясновидѣнія Жанны того, что относилось такъ или иначе къ ея миссіи. Какими неосязаемыми, непостижимыми путями, черезъ стѣны, черезъ разстояніе, черезъ дипломатическій секретъ она это знала?.. Тайна Божія и тайна женскаго сердца.. Кто-то сказалъ, что у женщинъ одной парой нервовъ или больше или меньше, нежели у мужчинъ: думаю, что больше; и не одной, а нѣсколькими, хотя физіологи ихъ долго, а можетъ и никогда, не откроютъ... При столь необыкновенной прозорливости становится постижимымъ и ея рѣдкій пророческій даръ: онъ является не болѣе, какъ исключительною способностью видѣть въ настоящемъ причины или корни тѣхъ явленій, которыя имѣютъ возникнуть въ будущемъ,—причины, недоступныя воспріятію людей заурядныхъ. Ибо нѣтъ явленія безъ причины, ему предшествующей; и если явленіе доступно воспріятію каждаго, то его причина, или причины могутъ быть уловлены только при условіи исключительной тонкости физической и особенно духовной организаціи. Конечно это происходитъ по наитію; точно также какъ ребенокъ, на-

вдохновеннымъ видомъ и рѣчами, „положили свои руки въ ея“ и поклялись сопровождать ее „съ Божьею помощью“ (sous la conduite de Dieu). Слава о ея святости и откровеніяхъ ширилась дальше и больше; герцогъ Лотарингскій, лежавшій на смертномъ одрѣ, потребовалъ ее къ себѣ въ Нанси на совѣтъ, что сдѣлать, чтобы выздоровѣть; она отвѣчала, что это ей не открыто, и поскорѣй возвратилась въ Вокулёръ.

Бодрикуръ рѣшился, наконецъ, послать ее къ дофину. Жители Вокулёра въ складчину справили ей лошадь и мужское платье; Бодрикуръ далъ мечъ и нарядилъ конвой изъ шести всадниковъ, одного лучника, двухъ вооруженныхъ слугъ. Въ томъ числѣ были де-Мецъ, Пуланжи и посыльный короля.

„Ступай, ступай, и пусть будетъ, что будетъ“, крикнулъ на прощанье безвѣрный Бодрикуръ; населеніе Вокулёра, болѣе сочувствовавшее самоотверженію Жанны, высказывало сожалѣніе о ея участи. „Не жалѣйте меня, крикнула она, трогаясь, *я для этого рождена!*“

И отправилась она въ путь-дорогу, за 600 *) верстъ, только для того, чтобы дойти, наконецъ, до дофина. Случилось это 24-го февраля (по другимъ 13-го). Путь былъ трудный и опасный: на протяженіи 200 верстъ предстояло проходить

учившійся ходить, примѣняетъ законы равновѣсія, не только не будучи въ состояніи ихъ объяснить, но даже и не подозрѣвая о ихъ существованіи. Наука кое-что открыла уже и на этомъ пути. Астрономы, предсказывающіе появленіе кометъ за десятки, сотни лѣтъ, не тѣ ли же пророки, благодаря усовершенствованному зрѣнію въ видѣ телескоповъ и усовершенствованному интеллекту въ видѣ Астрономіи?

Создатель никогда и ни въ чемъ себѣ не противорѣчитъ: „въ природѣ все естественно, но не все извѣстно“. Фактъ кажется тѣмъ ненормальнѣе, чѣмъ возникаетъ рѣже и чѣмъ менѣе извѣстны его причины...

*) По картѣ 400 верстъ; но она сама говорила, что сдѣлала 150 лье (600 верстъ), чтобы дойти до дофина.

страны, подвластныя противной (англо-бургундской) партіи, по которымъ рыскали шайки грабителей; приходилось дѣлать усиленные переходы ночью, чрезъ поля и лѣса, въ слякоть и распутицу, по тропинкамъ, едва проходимымъ; переправляться черезъ рѣки, выступившія изъ береговъ, но ничто не удивляло и не останавливало Жанну. Она шла прямо къ цѣли, до такой степени вѣровала, что препятствій не встрѣтитъ. Ея вѣра сообщилась и провожатымъ, сначала нерѣшительнымъ и боязливымъ: „они не могли противиться ея волѣ“. Достигнувъ Оксерра, *бывшаго во власти бургундцевъ,* она преспокойно выслушала мессу въ каѳедральномъ соборѣ и пошла дальше, направляясь къ Жіенъ, на Луарѣ, переправившись черезъ которую вступила, наконецъ, въ *дофинову* землю. Здѣсь Жанна перестала скрывать свои намѣренія и пока шла къ Шинонъ, гдѣ тогда жилъ дофинъ, вѣсть о ея приходѣ и о чудесныхъ обѣщаніяхъ быстро разнеслась по всей странѣ и достигла Орлеана. Орлеанъ ободрился и сталъ ждать „великой помощи“ (grand secours).

Прибывъ въ Фіербуа 5-го марта *), отстоявшаго отъ Шинона въ 25—30 верстахъ, она здѣсь остановилась и продиктовала **) письмо къ дофину, испрашивая его приказаній. Дофинъ позвалъ ее въ Шинонъ. Посмотримъ теперь, съ какими людьми Жаннѣ придется имѣть дѣло.

3.

„Положеніе дофина было отчаянное; большая часть королевства была во власти его враговъ, а въ кассѣ не находилось и четырехъ экю. Ему было тогда 26 лѣтъ; отличался онъ всѣми недо-

*) Т. е., сдѣлавъ въ десять дней, *шестьсотъ* (или четыреста) верстъ.

**) Сама она была *неграмотная* и подписывалась крестомъ или выводила свое имя рукою, которою водилъ кто-нибудь грамотный.

статками молодости, не имѣя ни одного изъ ея достоинствъ: непостоянный и упорный, вѣтреный и мечтательный, подозрительный къ добрымъ и довѣрчивый къ злымъ, разслабленный съ юности излишествами въ наслажденіяхъ, за которыя его отецъ поплатился умомъ, а братъ жизнью, онъ ни въ чемъ не обнаруживалъ ни дѣятельности ума и тѣла, ни энергическихъ страстей своего возраста. Онъ не былъ трусъ, что и доказывалъ при случаѣ, но не любилъ усталости и сутолоки военной жизни. Онъ не былъ ни жестокъ, ни безчувственъ; но его чувствительность, такъ сказать, накожная, не была ни глубока, ни прочна. Вся его моральная жизнь приводилась къ ощущенію минуты; онъ любилъ, такъ сказать, только глазами; чего онъ не видѣлъ, для него не существовало; что онъ переставалъ видѣть, мгновенно исчезало у него изъ памяти. Къ этому нужно добавить завистливое недовѣріе ко всему великому, ненависть или страхъ передъ слишкомъ громкими заслугами. Таковъ былъ человѣкъ, который для Жанны былъ намѣстникомъ Божіимъ во Франціи" *).

Двѣ партіи постоянно боролись за вліяніе при королѣ на развалинахъ королевства. Съ одной стороны, теща короля, Іоланда Арагонская, энергическая, разумная, обладавшая большимъ политическимъ тактомъ и дѣйствительно желавшая добра своему вялому зятю. Она была за то, чтобы принять Жанну и обратиться къ энтузіазму народа, какъ къ послѣднему средству. Пользуясь удрученіемъ короля, она вырвала у него приказъ призвать Жанну. Съ другой, фавориты съ камергеромъ ла-Тремуаль во главѣ; этотъ не хотѣлъ ни принцевъ, которые

*) Henri Martin. Автографъ Карла VI, приложенный въ концѣ книжки, отвѣчаетъ этой характеристикѣ, въ особенности по сравненію его съ автографомъ Дюнуа.

его заслоняли бы, ни въ особенности народа. Не вѣря въ возстановленіе королевства, онъ охотно помирился бы и съ тѣмъ, если бы Карлъ сохранилъ кое-какіе обрывки провинцій, въ которыхъ царствовалъ бы, опираясь на наемныя войска изъ иностранцевъ. А на худой конецъ онъ подпольными интригами подготовлялъ себѣ соглашенія и съ врагами своего повелителя *).

Въ тѣсномъ союзѣ съ ла-Тремуаль состоялъ архіепископъ Реймса, Реньо де-Шартръ, канцлеръ Франціи, бывшій секретарь папы, попъ-дипломатъ, душа сухая и скептическая, коварно-завистная ко всему превосходящему его близорукость и мелкіе расчеты, питающій ненависть ко всему, ускользающему изъ формулъ и рутины традиціоннаго авторитета.

Да при томъ, такъ какъ у папы кромѣ дипломатіи другого оружія нѣтъ, то Реньо по рутинѣ ничего кромѣ дипломатіи не признавалъ и въ новомъ своемъ положеніи; и, конечно, кромѣ вреда дофину и одураченія себѣ ничего иного не выигрывалъ. Той же шайки придерживался Гокуръ, гофмейстеръ короля и президентъ Орлеана, храбрый и искусный военный, но жесткій, гордый и завистливый. Вотъ люди, съ которыми пришлось вѣдаться Жаннѣ.

Жанна не могла ожидать отъ нихъ ничего, кромѣ недовѣрія и зложелательства. Они были бы рады, если бы она погибла по дорогѣ, и даже устроили засаду къ концу ея путешествія съ этимъ благимъ намѣреніемъ. Только на бывшихъ въ засадѣ, когда они увидѣли ее, напалъ родъ столбняка, и, какъ бы прикованные къ мѣсту, они пропустили ее.

Не успѣвъ помѣшать призыву Жанны, ла-Тремуаль и К° попробовали не допустить ее до

*) Англичане, ворвавшіеся однажды за Луару и, по обыкновенію, разграбившіе все, подвернувшееся подъ руку, его помѣстья Сюлли *не тронули*.

пріема. Ненадолго, но это имъ удалось: король уже впалъ въ свои колебанія и подозрительность. Фавориты изъ военныхъ напѣвали ему, что это сумасшедшая; духовные, что она колдунья. Кто уполномочилъ ее на ея миссію? съ какимъ прелатомъ, съ какимъ духовнымъ авторитетомъ она совѣтовалась?

Если бы положеніе не такъ было отчаянно, то, вѣроятно, они и спустили бы ее, даже не выслушавъ. Нужно было опять вмѣшаться Іоландѣ; и благодаря говору въ народѣ, а особенно депутаціи изъ Орлеана, ей удалось, наконецъ, настоять на томъ, чтобы Жанна была опрошена совѣтниками короля, а потомъ духовными. Она имъ объявила свою миссію, но прибавила, что нѣкоторыя вещи она можетъ сообщить только самому королю. По докладу совѣтниковъ, послѣ новыхъ разсужденій, король рѣшился, наконецъ, выслушать Жанну. Не за многимъ дѣло стало, чтобы и это не состоялось: король колебался до послѣдней минуты. Наконецъ, она была введена. Найдя сразу дофина между придворными, она держитъ такую рѣчь: „Благороднѣйшій дофинъ, зовутъ меня Жеганна-дѣвственница, и послана я Богомъ, чтобы помочь вамъ и вашему королевству и воевать съ англичанами. Почему вы мнѣ не вѣрите? Я вамъ говорю, что Богъ жалѣетъ васъ, ваше королевство и вашъ народъ, ибо св. Людовикъ и Карлъ Великій молятся передъ Нимъ за васъ колѣнопреклоненные“. Дофинъ отнѣкивался, говорилъ, что дофинъ не онъ, и указывалъ на одного придворнаго, гораздо богаче его одѣтаго; но этимъ Жанну не ввелъ въ заблужденіе.

Затѣмъ произошла между Жанной и королемъ таинственная сцена. Выше уже сказано, что́ она ему сообщила. Это сообщеніе, конечно, было важно и удостовѣряло короля въ Жан-

нѣ, но случилось нѣчто болѣе необыкновенное: однажды дофинъ, удрученный до крайности, просилъ Бога „въ своемъ сердцѣ, безъ произнесенія словъ“, что „если онъ истинный наслѣдникъ, потомокъ благороднаго дома Франціи, и если королевство должно ему принадлежать по праву, да будетъ угодно Ему его сохранить и защитить; а если нѣтъ, то дать ему милость уйти отъ смерти или отъ темницы, и чтобы онъ могъ спастись въ Испанію или Шотландію, которыя съ давнихъ времснъ были братьями по оружію и союзниками королей Франціи“. Эту молитву, никому неизвѣстную и которая даже не была произнесена, а только сотворена мысленно „въ его сердцѣ“, Жанна повторила королю подлинными словами.

Слѣдившіе за этой сценой на разстояніи увидѣли, что король преобразился; по свидѣтельству одного очевидца, „точно на него Духъ Святой сошелъ“.

Король объявилъ, что Жанна пріобрѣла его довѣріе. А народъ высказывался еще энергичнѣе: всѣ удивлялись ея благочестію въ церкви, искусству и ловкости на конѣ и во владѣніи пикой, ея кротости, скромности и великому смыслу ея разговора. „Это даже удивительно, какъ она поступала и вела себя въ своемъ дѣлѣ, и съ тѣмъ, что она говорила и сообщала быть на нее возложеннымъ Богомъ *), и какъ она говорила важно и значительно; въ виду того, что въ другихъ случаяхъ была самая простая пастушка, какую когда-либо видано“.

Но церковнымъ людямъ всего этого было мало; имъ нужно было еще болѣе доказательствъ того, что знаніе Жанны не отъ лукаваго. Въ

*) Т. е. о томъ, что было на нее возложено.

виду положенія дѣлъ, это было, какъ видитъ читатель, совсѣмъ кстати и во-время. О, жестоковыйные, о, гробы повапленные! Возопіютъ камни и не имутъ вѣры... Дофинъ, тотъ самый, которому Жанна сказала его сокровенную тайну, согласился и приказалъ подвергнуть Жанну новому испытанію въ Пуатье, гдѣ засѣдалъ парламентъ и были собраны тѣ изъ богослововъ, оставившихъ парижскій университетъ, которые не захотѣли подчиниться бургундцамъ и англичанамъ. Дофинъ и совѣтъ его переѣхали съ Жанной въ Пуатье.

„Во имя Бога, сказала Жанна, когда узнала, куда ее везутъ, знаю, что тамъ придется много потрудиться, но Господь (Messire) мнѣ поможетъ; и потому, съ Богомъ, ѣдемъ“!

Протоколы этого испытанія истреблены, по всей вѣроятности, предусмотрительнымъ Реньо де-Шартръ, изъ опасенія, чтобы, чего добраго, ихъ не потребовали въ Руанъ; а еще болѣе потому, чтобы не осталось слѣдовъ торжества Жанны. Но свидѣтели и даже нѣкоторые участники сценъ, происшедшихъ между теологами и Жанной, увѣковѣчили ихъ главнѣйшія черты. Вотъ замѣчаніе очевидца *), сдѣланное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ невиданной борьбы вдохновеннаго чувства противъ утонченной софистики изолгавшихся схоластовъ и тяжелой школьной теологіи. „Прекрасное зрѣлище видѣть ее спорящею, женщину противъ мужчинъ, невѣжественную противъ ученыхъ, одну противъ столькихъ противниковъ“.

Дѣйствительно, прекрасное: „Если Богу угодно спасти Францію, въ солдатахъ нѣтъ надобности“, замѣчаетъ одинъ. — „Ахъ, Боже мой! солдаты будутъ сражаться, а Богъ даруетъ по-

*) Alain Chartier.

бѣду", отвѣчаетъ Жанна.—„Какимъ языкомъ говорили ваши голоса?" спрашиваетъ другой, очевидно не вѣря ея заявленіямъ *).—„Лучшимъ, чѣмъ вашъ", отвѣчаетъ оскорбленная Жанна (богословъ былъ родомъ изъ Лимузена, гдѣ нарочито скверное нарѣчіе.)—„Вѣрите ли вы въ Бога", воскликнулъ взбѣшенный богословъ.—„Лучше, чѣмъ вы". Вотъ до чего возмечтали о себѣ эти господа, гордые своей пустопорожней ученостью: достаточно было погладить противъ шерсти какого-нибудь богослова, чтобы онъ считалъ себя въ правѣ заподозрить васъ въ невѣріи! „Если ты отъ Бога, то должна явить знаменіе во свидѣтельство своей миссіи", воскликнулъ тотъ же Сегенъ.—„Я здѣсь не за тѣмъ, чтобы являть знаменія; дайте мнѣ солдатъ—много ли, мало ли, все равно—поведите меня въ Орлеанъ, и я тамъ явлю знаменіе, для коего послана", возразила Жанна. Но въ особенности имъ горько было, вѣроятно, слышать отъ этой безграмотной мужички, отъ свинопаски, ссылки на книгу Божію, въ которой, говорила она, есть больше, чѣмъ въ ихъ книгахъ. Много горькихъ минутъ должны были они пережить по милости Жанны и много получить кровавыхъ ударовъ самолюбію, и отъ кого? добро бы отъ мужчины, а то отъ бабы, да еще отъ безграмотной мужички! Этого простить было нельзя, и они не простили! О нѣтъ, не простили! Не даромъ парижскій университетъ такъ усердно добивался впослѣдствіи позорнаго права судить Жанну, даже попробовавъ не уступать Кошону, свѣтилу того же университета.

Но въ Пуатье, подъ обаяніемъ Жанны, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго ею на

---

*) По хроникѣ „вельми кислый" (aigre) Сегенъ.

короля и повсемѣстно на народъ, пришлось объявить, что „сказанная дѣвственница, бывъ испытана касательно ея жизни, ея нравовъ и ея намѣренія, при чемъ не найдено въ ней ничего, кромѣ какъ все хорошее, смиреніе, дѣвственность, приличность (honneteté), простота“... ее нельзя отвергнуть или пренебречь, не сдѣлавшись недостойнымъ помощи Божій, и что ее должно вести подъ Орлеанъ, да явитъ божественное знаменіе, которое обѣщала. Президентъ собранія, архіепископъ реймскій, часто упоминаемый Реньо де-Шартръ, долженъ былъ подписать тоже этотъ документъ *).

Но этимъ не кончились мытарства Жанны. Епископъ д'Амбренъ, котораго тоже спрашивали, можно ли безъ неудобства допустить ее къ дѣлу, отвѣтилъ, что можно; онъ напоминалъ, что Богъ многократно открывалъ дѣвственницамъ, напримѣръ Сивилламъ, что̀ скрывалъ отъ мужей. На бѣду онъ прибавилъ, что демонъ не можетъ заключить договора съ дѣвственницей.

Этого было достаточно радѣтелямъ о пользахъ Франціи, чтобы поднять вопросъ о необходимости убѣдиться, дѣйствительно-ли Жанна дѣвственница?

„Такимъ образомъ“, ѣдко замѣчаетъ Мишле, „наука, припертая къ стѣнѣ, не могла или не

*) Тамъ же, т. е. въ Пуатье, она продиктовала одному изъ своихъ экзаменаторовъ первое свое требованіе англичанамъ очистить Францію, которое послала имъ впослѣдствіи изъ Блуа. Предѣлы очерка не позволяютъ къ сожалѣнію, привести его цѣликомъ. Но даже теперь, читая его черезъ столько лѣтъ, и вчужѣ, чувствуешь, какое оно должно было произвести впечатлѣніе. Властное, рѣшительное, опредѣленное: „уходите, или я васъ вытолкну изъ Франціи“; „если не послушаетесь, прикажу всѣхъ истребить“. Такъ могла говорить только Божія посланница, власть имущая, вѣрующая въ свою миссію...

хотѣла объясниться относительно тонкаго различенія между добрыми и злыми откровеніями и положилась на тѣло, ставя въ зависимость отъ плотской тайны опредѣленіе этого духовнаго различенія. Доктора, поставленные втупикъ, предоставили рѣшеніе дамамъ".

Королева Іоланда поручила почтеннѣйшимъ изъ своей свиты матронамъ странное изслѣдованіе, разумѣется, окончившееся къ чести Жанны.

А между тѣмъ Орлеанъ вопіялъ о помощи: медлить было нельзя...

4.

Послѣ объявленія докторовъ, Жанна и совѣтъ короля возвратились въ Шинонъ и стали готовиться къ походу. Молодой герцогъ Алансонскій, впослѣдствіи одинъ изъ горячихъ приверженцевъ Жанны, получилъ отъ дофина приказаніе собирать въ Блуа ополченіе и большой транспортъ *) съ припасами для Орлеана. Жанну снарядили и составили ей штатъ (духовникъ, оруженосецъ, два герольда и проч.).

Прощаясь съ дофиномъ, Жанна сказала, что будетъ ранена передъ Орлеаномъ, но не умретъ и не будетъ выведена изъ строя: предсказаніе, оправдавшееся черезъ двѣ недѣли; а что оно было дѣйствительно сдѣлано, осталось свидѣтельство совершенно посторонняго человѣка: фламандскій посолъ, бывшій въ то время въ Шинонѣ, сообщаетъ о предсказаніи герцогскому совѣту Брабанта въ письмѣ отъ 22-го апрѣля; а Жанна была ранена только 7-го мая.

*) На этотъ транспортъ дала средства та же Іоланда, продавшая или заложившая для этого свою серебряную и золотую посуду.

Пока шли приготовленія къ походу, ла-Тремуаль сдѣлалъ послѣднюю попытку отдѣлаться отъ Жанны; онъ хотѣлъ возобновить въ Арагоніи то, что не удалось въ Шотландіи. Онъ просилъ армію у короля арагонскаго; тотъ былъ не прочь, но только требовалъ за помощь уступки Лангедока. Пришлось покориться и принять помощь мужички.

Прибыла Жанна въ Блуа, произвела такое же впечатлѣніе на жителей, какъ и вездѣ, и принялась *за приготовленіе арміи къ походу*.

Чтобы понять всю необыкновенность этого приготовленія, необходимо хотя нѣсколько обрисовать эпоху.

То были времена жестокія, откровенныя и наивныя. Герцогъ Орлеанскій пользуется преобладающимъ вліяніемъ въ совѣтѣ слабоумнаго Карла VI и благосклонностью его супруги. Соперникъ его по вліянію, герцогъ Бургундскій, Иванъ Безстрашный, руками наемныхъ убійцъ приканчиваетъ его въ 1407 г. Приспѣшники дофина изъ Арманьяковскаго хвоста привлекаютъ Ивана Безстрашнаго, яко бы для примиренія съ дофиномъ, и приканчиваютъ его въ свою очередь въ 1419 году.

Продолжительная война привела къ тому, что и войска, и начальники озвѣрѣли и изразбойничались въ конецъ. Появились банды, которыя работали уже не на дофина, не на Бедфорда *), а на себя. Грабежъ считался до такой степени дѣломъ законнымъ, что ла-Иръ (la Hire), впослѣдствіи одинъ изъ преданныхъ сподвижниковъ Жанны, говаривалъ: „и Богъ бы грабилъ, если бы былъ военнымъ"; и, отправляясь на грабежъ, творилъ такую молитву: „Боже,

*) Намѣстникъ Генриха VI во Франціи.

сдѣлай для ла-Ира то, что ла-Иръ для Тебя сдѣлалъ бы, если бы былъ Богомъ". Такъ наивно люди того времени примиряли религію и разбой.

Города по нѣскольку разъ переходили изъ рукъ въ руки (Компьенъ, напримѣръ, шесть разъ) и при каждомъ такомъ переходѣ кого-нибудь неминуемо грабили, насиловали, убивали. Народъ искалъ спасителя и только мѣнялъ палача. Въ Парижѣ голодъ привелъ за собой чуму въ 1421 г. Погибло около ста тысячъ. Хоронить было некому, трупы валялись по улицамъ и волки по ночамъ приходили убирать ихъ. За каждой бандой (или, что то же, отрядомъ) слѣдовала непремѣнно партія легкихъ дѣвицъ. Богохульственное сквернословіе составляло неминуемую приправу чуть не каждой фразы, все равно какъ въ нашемъ великорусскомъ простонародьѣ поминаніе родственниковъ въ восходящей линіи.

Чего же потребовала Жанна отъ арміи подобнаго состава, какъ подготовки къ походу? Потребовала, чтобы они не только не грабили, но даже и не сквернословили, потребовала исповѣди, причастія; потребовала, чтобы прогнали веселыхъ дѣвицъ; и эти загрубѣлые, оскотинившіеся, но не испорченные сердцемъ люди исполняли столь необыкновенныя требованія святого дитяти, не взирая на то, что она имъ ни разу еще не являла своей мѣры въ бою...

Не то было съ начальниками; ближайшіе изъ нихъ по складу понятій къ солдату, какъ, напримѣръ, ла-Иръ, подчинились ей искренно; но другіе, т. е. большинство, питали къ ней враждебное чувство, глухое, затаенное и тѣмъ болѣе сильное. Съ первыхъ же шаговъ они рѣшили, въ мѣрѣ возможности, ей противодѣйствовать.

Такъ, въ Блуа, первый вопросъ, который предстояло рѣшить, заключался въ выборѣ опе-

раціоннаго направленія къ Орлеану. Нужно сказать, что ближайшій къ Орлеану мостъ, бывшій въ рукахъ французовъ, былъ именно въ Блуа *). Слѣдовательно, отъ этого пункта можно было идти къ Орлеану и по правому берегу, и по-лѣвому **). Жанна, какъ всѣ великіе стратеги, желала идти прямо къ цѣли, т. е. по правому (сѣверному берегу ***). Она не скрывала отъ себя могущихъ встрѣтиться на пути препятствій, но и не преувеличивала ихъ. Препятствія были: 1) за̀мки въ Божанси и Мёнгъ, занятые англичанами, и 2) бастиліи, сквозь линію которыхъ предстояло пройти у самаго Орлеана. Преодолѣвъ эти препятствія, отрядъ и транспортъ вступали прямо въ Орлеанъ. Но за̀мки, занятые слабо, можно было оставить безъ вниманія; да и бастиліи, какъ оказалось впослѣдствіи, согласно предвидѣніямъ Жанны, ничему не могли помѣшать. Могло бы это случиться, если бы англичане сосредоточили на этомъ направленіи сколько-нибудь сильный отрядъ; но они этого не сдѣлали и сидѣли себѣ спокойно въ своихъ укрѣпленіяхъ. Голоса ли подсказали Жаннѣ, что это будетъ такъ, или способность заглянуть въ душу противника и отгадать понятія, которыми онъ руководился, это все равно.

Направленіе по лѣвому берегу вело не къ Орлеану, а *мимо Орлеана,* такъ какъ Орлеанъ стоитъ на правомъ берегу, и выше его черезъ Луару у французовъ моста близко не было. Слѣдовательно, чтобы съ этого направленія попасть въ Орлеанъ, нужно было переправиться на судахъ, т. е. притянуть ихъ *изъ Орлеана вверхъ по Луарѣ* мимо англійскихъ бастилій 7-й или

*) Въ 50-ти слишкомъ верстахъ къ Ю. З. отъ Орлеана. См. кроки.

**) См. схему осады Орлеана

***) „Où était la plus grande puissance des Anglais“.

8-й; нагрузиться; спуститься обратно въ Орлеанъ мимо тѣхъ же бастилій и, наконецъ, выгрузиться. Идти по этому направленію—значило добровольно усложнять операцію, этимъ самымъ увеличивать число неблагопріятныхъ случайностей, а слѣдовательно, и вѣроятность неудачи. Тѣмъ не менѣе военачальники, съ Гокуромъ во главѣ, повели отрядъ по лѣвому берегу, очевидно обманувъ Жанну, такъ какъ впослѣдствіи она это имъ высказала.

5.

Орлеанъ, какъ сказано, стоитъ на правомъ берегу Луары; онъ составлялъ удѣлъ герцога Орлеанскаго, всегда оставался вѣренъ дофину и былъ послѣднимъ оплотомъ съ сѣвера его жалкихъ владѣній. Этимъ опредѣлялось политическое и стратегическое значеніе Орлеана. Съ паденіемъ его дофину оставалось бѣжать въ Испанію или Шотландію, если не погибнуть.

Несмотря на усилія энергичной Іоланды *), партія дофина была неизлѣчима. Она ползла врозь, и никто не могъ сплотить ее. Англичане это знали и рѣшились покончитъ съ „королемъ Буржа“, съ „именующимъ себя дофиномъ“, какъ они презрительно величали его.

Они владѣли уже Божанси и Мёнгомъ ниже, Жаржо, выше Орлеана и приступили къ осадѣ послѣдняго 8-го октября 1528 года.

Въ предвидѣніи осады, граждане Орлеана пошли на большія жертвы: они сожгли предмѣстья, въ томъ числѣ много церквей и монастырей: приняли къ себѣ гарнизонъ **), хотя

*) Тещи короля.

**) Дали имъ всякій сбродъ: гасконцы, италіанцы, арагонцы, шотландцы.

пользовались привилегіей не держать его; принялись лить пушки, дѣлать порохъ и пр.

Англичане, обложивъ городъ, рѣшили взять его голодомъ; они приступили къ возведенію промежуточной линіи укрѣпленій вокругъ города и ограничились штурмомъ башенъ, прикрывавшихъ мостъ съ юга *), овладѣли ими, а затѣмъ всю зиму съ 28-го на 29-й годъ употребили на усиленіе своихъ укрѣпленій.

Изъ схемы видно, что укрѣпленій было 11, что особенно силенъ былъ западный фронтъ, обращенный къ сторонѣ Блуа, откуда можно было ожидать противника, и что бастиліи и бульвары этого фронта (2—6) были соединены траншеей **). Восточный фронтъ, составлявшій тылъ англійскаго расположенія, не былъ обезпеченъ укрѣпленіями; №№ 7-й и 8-й обороняли русло Луары съ верховой стороны, а № 1-й съ низовой. Периметръ этой линіи ***) —около 6-ти верстъ. Разстояніе укрѣпленій отъ города—около полуверсты; промежутки между укрѣпленіями западнаго фронта—отъ 60 до 125 саженъ. Постояннаго сообщенія между фортами обоихъ береговъ не было ближе Мёнга, верстъ 16 ниже Орлеана, и Жаржо почти въ такомъ же разстояніи выше его. Оба моста были обезпечены укрѣпленіями. Англичане были разбросаны по бастиліямъ; къ веснѣ 1429 г. ихъ оставалось не болѣе 5,000. Собственно говоря, расположеніе слабое; но это не улучшаго положенія Орлеана, которое считали настолько от-

---

*) См. схему: бастилія или фортъ № 10.

**) Бульваръ—полевое укрѣпленіе болѣе или менѣе сильной профили; бастилія—постройка посильнѣе, изъ камня или дерева. Всякая бастилія имѣла обыкновенно свой бульваръ.

***) Не включая въ нее № 7-го, который имѣлъ спеціальное назначеніе и отстоялъ отъ общей линіи на $2^1/_2$ версты, т. е. по тогдашнему, очень далеко.

чаяннымъ, что Гокуръ (байльи города) и архіепископъ Реньо предпочли 13-го февраля изъ него ускользнуть и благополучно прослѣдовали въ Шинонъ.

Тщетно Дюнуа, оставшійся защищать удѣлъ своего законнаго брата, умолялъ ихъ остаться, такъ какъ ожидается чудесная помощь; но архіепископъ, бывшій сокретаремъ папы, не особенно полагался на чудеса. И даже потомъ, когда они были дѣйствительно совершены Жанной, въ этомъ черствомъ скептикѣ они ничего не возбудили, кромѣ тупой ненависти къ виновницѣ чудесъ. Смотрѣли очи и не видѣли; слушали уши и не слышали...

6.

Изъ Блуа Жанна послала англичанамъ первое требованіе очистить Францію. 27-го апрѣля армія выступила въ странномъ походномъ порядкѣ: во главѣ шелъ отрядъ духовенства съ пѣніемъ великаго гимна „Veni Creator Spiritus"; за нимъ несли хоругвь Жанны, охраняемую только такими солдатами, которые уже исповѣдались и причастились; затѣмъ слѣдовала сама Жанна, сопровождаемая Гокуромъ и прочими начальниками. „Elle portait le harnoi aussi gentiment que si elle n'eût fait autre chose de sa vie" *).

Ночевали въ открытомъ полѣ. Утромъ Жанна, впервые ночевавшая во всемъ вооруженіи (т. е. въ латахъ), утомленная и больная, была, однако, на ногахъ первая, подняла отрядъ, причастилась передъ его фронтомъ; масса солдатъ принесла покаяніе и затѣмъ тронулись въ путь.

*) Она носила вооруженіе такъ же свободно и красиво, какъ будто всю жизнь ничѣмъ инымъ не занималась.

29-го апрѣля отрядъ прибылъ на высоту Орлеана и прослѣдовалъ мимо южныхъ англійскихъ бастилій. Англичане поражены были суевѣрнымъ страхомъ и не подавали признаковъ жизни.

Тутъ-то обнаружилась и нелѣпость принятаго направленія и недостойный обманъ Жанны военачальниками; сообщеніе съ городомъ возможно было только водою; большія парусныя суда, приготовленныя въ Орлеанѣ для перевозки отряда, могли пристать къ берегу не ближе Шесси, верстахъ въ восьми выше Орлеана (см. кроки), да, вдобавокъ, противный вѣтеръ (т. е. восточный) дѣлалъ невозможнымъ подъемъ парусныхъ судовъ до Шесси противъ теченія.

Можно себѣ представить положеніе мудрецовъ, думавшихъ быть умнѣе Жанны! „Вы думали меня обмануть, а обманули сами себя. Знайте, что совѣтъ Господа Бога нашего вѣрнѣе вашего“. Каково это было выслушать отъ 18-ти-лѣтней крестьянки имъ, благороднымъ, воевавшимъ цѣлый свой вѣкъ!

И въ той великой книгѣ, ссылки на которую доставили столько горькихъ минутъ ученымъ буквоѣдамъ, открывались теперь новыя страницы по адресу военныхъ; и опять не къ ихъ удовольствію.

По свидѣтельству одного изъ ея враговъ, Гокура, Жанна предсказала, что вѣтеръ перемѣнится—такъ и случилось: суда изъ Орлеана на всѣхъ парусахъ, безпрепятственно пройдя мимо англійскихъ укрѣпленій, пристали противъ Шесси. Но для перевозки всего отряда судовъ было недостаточно; ограничились тѣмъ, что погрузили продовольствіе и взяли Жанну съ 200 всадниками, а отрядъ долженъ былъ вернуться обратно въ Блуа и оттуда уже подняться правымъ берегомъ къ Орлеану, куда вступилъ толь-

ко 4-го мая. Итого безъ толку потеряно пять дней, а Жанна такъ дорожила временемъ: она знала, что не протянетъ болѣе года... Подожди, матушка: скоро заставятъ тебя терять по пятидесяти дней...

Въ Орлеанѣ Жанну приняли, какъ народъ принималъ ее вездѣ: „мужчины, женщины и дѣти такую радость творили, какъ если бы Богъ сошелъ между ними".

Изъ Орлеана Жанна послала англичанамъ свое второе требованіе снять осаду и очистить Францію. Ихъ генералы отвѣтили на это требованіе „скверными словами по адресу Жанны, называя ее потаскухой, коровницей и похваляясь ее сжечь, если попадется". Наконецъ, въ третій разъ она повторила это требованіе сама, подойдя по мосту *) къ башенному форту. Начальникъ обороны Глансдаль и его люди отвѣтили на это также скверными ругательствами; Жанна заплакала отъ стыда и гнѣва и крикнула имъ, что они лгутъ, а уберутся скоро, *но что онъ, Глансдаль, этого не увидитъ.* Такъ оно и случилось: въ послѣдній день штурма онъ утонулъ.

2-го мая Жанна проѣхала вдоль англійскихъ укрѣпленій праваго берега; за нею народъ валилъ толпой, а англичане опять молчали и не попытались атаковать даже эту безпорядочную толпу. „Эти безстрашные люди обратились въ женщинъ, а женщины противъ нихъ въ героевъ, точно у всѣхъ у нихъ руки были связаны" **).

„Пока дѣвственницы не было, 200 англичанъ гнало 800, 1,000 солдатъ королевской арміи, а съ ея приходомъ 500 французовъ сражались со

*) Со стороны Орлеана у полуразрушенныхъ арокъ былъ устроенъ французами на самомъ мосту вооруженный траверсъ, изъ-за котораго, вѣроятно, и говорила Жанна.

**) Alain Chartier.

всей англійскій силой и заставляли ея укрываться въ укрѣпленія" *).

4-го мая Жанна вышла навстрѣчу отряду, шедшему отъ Блуа, съ духовною процессіею и съ частью гарнизона; англичане опять не сдѣлали ни малѣйшей попытки къ сопротивленію; *отрядъ прошелъ между 5-ю и 6-ю бастиліями и вступилъ въ городъ безъ выстрѣла*. Жанна, утомленная, прилегла отдохнуть. Вдругъ она громко вскрикнула: „*голоса* меня зовутъ! нашимъ трудно... ихъ кровь льется... оружіе! оружіе! коня"!

Быстро одѣвшись, она прямо поскакала къ восточнымъ, воротамъ, за которыми уже встрѣтила раненыхъ, а дальше бѣжавшихъ отъ форта № 7-й, атака коего была предпринята *безъ ея вѣдома*. Но едва бѣжавшіе увидали Жанну, какъ громко закричали и повернули къ форту. Штурмъ, поддержанный Дюнуа, возобновился съ новымъ ожесточеніемъ и послѣ трехчасоваго боя фортъ взятъ, сожженъ и разрушенъ. И оплакала Жанна своихъ враговъ, что они умерли безъ покаянія; но, бросаясь въ самую горячую сѣчу, сама не убивала никого...

5-го мая было Вознесеніе; Жанна причастилась и провела день въ молитвѣ, а 6-го рѣшено атаковать фортъ № 8-й, на лѣвомъ берегу Луары, и, по всей вѣроятности, опять по настоянію начальниковъ, но не Жанны **). Непостижимо, почему ихъ такъ тянуло на лѣвый берегъ, когда съ очищеніемъ праваго англичане и сами оттуда бы ушли.

Но Жанна думала только объ одномъ: гдѣ бы ни дѣйствовали, лишь бы дѣйствовали, и по-

*) Позднѣйшее показаніе Дюнуа.

**) И въ этомъ случаѣ безъ подвоха не обошлось: Жаннѣ сообщили, что атака предполагается на правомъ берегу, какъ она требовала, а сами рѣшили атаковать на лѣвомъ, но Дюнуа, начинавшій признавать ее, открылъ ей заговоръ.

тому въ пустыя препирательства не вступала, а въ успѣшномъ исходѣ штурма она не сомнѣвалась.

6-го мая, утромъ, Жанна переправилась вмѣстѣ съ прочими командирами и войсками на лѣвый берегъ; здѣсь оказалось, что Гласдаль очистилъ и сжегъ форты 8-й и 11-й и сосредоточилъ свои силы въ фортахъ №№ 9-й и 10-й. Жанна, не ожидая, пока весь отрядъ переправится, бросилась къ форту № 9-й и водрузила свое знамя на контръ-эскарпѣ его рва. Но въ эту минуту раздался крикъ, что англичане въ большой силѣ идутъ съ праваго берега на помощь Глансдалю. Французы побѣжали въ безпорядкѣ къ судамъ, увлекая за собой Жанну. Англичане сдѣлали вылазку и бросились за Жанной съ „великимъ гвалтомъ и словами паскудными". Жанна поворачиваетъ на нихъ и, наклонивъ пику, бросается съ своимъ обыкновеннымъ возгласомъ: *„Во имя Божіе"* (En nom Dieu); ла-Иръ устремляется со своими за нею, къ нимъ присоединяются другіе; англичане въ паникѣ обращаются въ бѣгство и останавливаются только за своими валами. Французы врываются за ними по пятамъ и берутъ фортъ. Во избѣжаніе грабежа и безпорядка, которыми могли бы воспользоваться англичане для перехода въ наступленіе, Жанна приказываетъ фортъ очистить и сжечь. Оставивъ часть отряда для наблюденія за фортомъ № 10-й, который она рѣшила штурмовать завтра же, Жанна возвратилась въ Орлеанъ.

Но командиры были другого мнѣнія; они опасались въявь того, что неудача можетъ повести въ утратѣ полученныхъ результатовъ; опасались втайнѣ быть можетъ еще болѣе того, что новый рѣшительный успѣхъ Жанны затмитъ ихъ. Собрались они вечеромъ на совѣтъ, *безъ Жанны*, и послали ей объявить, что рѣшили ничего не

предпринимать до полученія новыхъ подкрѣпленій. „Вы были въ своемъ совѣтѣ, а я въ своемъ, отвѣтила Жанна; Божій совѣтъ исполнится, а людской погибнетъ! Завтра мы сражаемся“. Какъ читатель видитъ, она становилась рѣшительно невозможна и совѣтъ положилъ воспрепятствовать ея намѣренію силою. Гокуръ приказалъ запереть всѣ ворота и самъ взялся стеречь восточныя, т. е. тѣ, черезъ которыя отрядъ выходилъ въ предшествующіе дни для атаки фортовъ.

7-го, на разсвѣтѣ, Жанна сѣла верхомъ, объявивъ своимъ хозяевамъ, что къ вечеру возвратится въ Орлеанъ *черезъ башенный фортъ по мосту*, хотя и будетъ ранена. За нею двинулись войска, повалилъ и народъ. У восточныхъ воротъ Гокуръ объявилъ Жаннѣ, что никого не выпуститъ. „Вы злонамѣренный человѣкъ, воскликнула Жанна; хотите или не хотите, а войска пройдутъ“. Гокуръ чувствовалъ, что передъ этой волной возбужденнаго народа его жизнь висѣла на волоскѣ; да и его люди перестали ему повиноваться. Толпа открыла ворота, всѣ бросились къ лодкамъ и переправились на лѣвый берегъ. Войска двинулись къ бульвару форта № 10-й на штурмъ. Англичане защищались упорно и съ мрачнымъ ожесточеніемъ. Французы атаковали такъ, „какъ будто думали, что они безсмертны“, но бой тянулся три часа, а англичане не сдавали. Жанна, замѣтивъ, что штурмующіе слабѣютъ, бросилась въ ровъ и когда приставляла лѣстницу къ стѣнѣ, была ранена стрѣлой между шеей и плечомъ. Ее унесли, сняли латы; оказалось, что рана была сквозная; Жанна испугалась и заплакала, но въ эту минуту она увидѣла *своихъ* Святыхъ, отстранила хлопотавшихъ около нея людей, сама вырвала стрѣлу изъ раны и исповѣдалась. Явились охотники заговаривать

рану; она не позволила, потому что это колдовство. А между тѣмъ дѣло не подавалось; время уже было далеко за полдень. Дюнуа приказалъ даже трубить отступленіе. „Подождите еще", сказала она, а сама начала молиться, оставивъ хоругвь у бульвара. „Скажите, когда хоругвь прикоснется къ стѣнѣ", объявила Жанна. Развѣваемая вѣтромъ, она, наконецъ, коснулась: „Все ваше—входите"! Штурмующіе въ высочайшемъ состояніи одушевленія полѣзли на укрѣпленія, „какъ по лѣстницѣ", и бульваръ былъ взятъ. Оставались башни, но тутъ случилось нѣчто неожиданное: изъ Орлеана слѣдили за ходомъ боя, и когда бульваръ былъ взятъ, толпа бросилась оттуда по мосту, кое-какъ возстановила переходъ черезъ полуразрушенныя арки и подступила къ башнямъ. Англичане, видя это море народа, думали, что весь свѣтъ на нихъ обрушился *) и совершенно потерялись. Одни видѣли патроновъ Орлеана **), другіе Архистратига Михаила съ небеснымъ воинствомъ. Гласдаль рѣшилъ укрыться по небольшому висячему мостику въ башню, но ядро разбило мостикъ и Гласдаль утонулъ на глазахъ у Жанны, которую такъ оскорблялъ ***). Гарнизонъ былъ или разбитъ, или взятъ въ плѣнъ. Жанна вернулась въ Орлеанъ по мосту,

---

*) Такъ показывали потомъ захваченные въ плѣнъ.

**) Св. Эньянъ, св. Эвертъ.

***) Clamando et dicendo: „Classidas, Classidas ren ty, ren ty regi coelorum. Tu me vocasti putain. Ego habeo magnam pietatem de tua anima et tuorum", т. е. восклицала и говорила: „Гласдаль, Гласдаль, сдайся, сдайся Царю небесному. Ты меня называлъ... я имѣю великую жалость къ душѣ твоей и твоихъ". Тогда еще не было лицемѣрія языка и все называлось своими именами безъ перифразъ. Чистѣйшая, застѣнчивая, цѣломудренная Жанна, нисколько не стѣсняясь, говорила батаръ и другія слова. Къ чистому не пристанетъ.

какъ предсказала утромъ. Тальботъ и Суффолькъ, командовавшіе на лѣвомъ берегу, не подали никакой помощи.

8-го мая англичане очистили остальныя свои бастиліи, побросавъ все; остатки ихъ арміи отступили по двумъ направленіямъ—къ Божанси и Жаржо. Осада, тянувшаяся семь мѣсяцевъ, снята въ три удара. Въ Орлеанѣ торжественно отпраздновали освобожденіе отъ враговъ; процессія въ память этого событія повторяется ежегодно 8-го мая и до сихъ поръ.

7.

Знаю, что далеко вышелъ за предѣлы очерка, но иначе и сдѣлать было нельзя, задавшись мыслью дать хотя сколько-нибудь живой образъ Жанны. Съ одной стороны—дитя, съ другой—мудрѣйшій совѣтодатель и военачальникъ, храбрѣйшій солдатъ, находчивѣйшій диспутантъ, глубокій знатокъ человѣческаго сердца. Съ одной стороны—духовидица; съ другой—сильная, здоровая, нормальная натура *); безконечно набожная по наружности и въ то же время совершенно свободная отъ суевѣрія. Приносятъ кольца и просятъ къ нимъ прикоснуться. „Прикоснитесь къ нимъ сами, также будутъ хороши“, съ кроткой насмѣшкой возражаетъ Жанна.—„Какъ тебѣ не страшно воевать“?— „Я боюсь только предательства“, отвѣчаетъ она, ясно провидя грядущую судьбу свою. Грозный предводитель массъ, безпощадно истребляющій враговъ, и не могла безъ слезъ видѣть человѣческой крови. Послѣ снятія осады Орлеана народъ начинаетъ принимать ее за святую, отдаетъ ей почти божескія

*) Однажды она провела, не снимая латъ, *шесть* сутокъ!

почести; но она остается той же простой, смиренной дѣвушкой, сознавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, до чего это опасно: „Поистинѣ, не обереглась бы я ото всего этого, если бы Богъ меня не оберегалъ". Рядомъ съ этимъ, когда нужно настоять, она становится рѣзка и гнетъ подъ свою волю всѣхъ этихъ Гокуровъ съ братіею, не отступая даже передъ насиліемъ, какъ 7-го мая.

А какъ глубоко понимаетъ она военныя истины! Какъ ясно видитъ то, что „гдѣ смѣлый проскочитъ, на тихонькаго Богъ нашлетъ" *); что надо идти прямо къ цѣли, что, начавъ бить, нужно добивать до конца, не давая врагу времени опомниться; что ничего не сдѣлано, пока хотя что-нибудь остается сдѣлать. Что порывъ хорошъ для начала дѣла, но довершаетъ его только упорство. Что потеря времени иногда ведетъ къ потерѣ дѣла. Ее можно было, правда, повести по лѣвому берегу, когда она хотѣла идти по правому, т. е. надуть; но насчетъ того, что происходило въ сердцѣ массоваго человѣка, надуть было невозможно. Ея походъ къ Реймсу, дерзкій для книжниковъ и дипломатовъ, былъ въ сущности самымъ нерискованнымъ. Въ междоусобной войнѣ есть приверженцы обѣихъ партій во всѣхъ мѣстахъ: все дѣло въ томъ только, чтобы дать поддержку своей партіи. Дипломаты не понимали, что идти предстояло *не по чужой землѣ, а по своей*, а она понимала. И англичане испытали на себѣ даръ ея сердцевѣдѣнія въ невообразимой мѣрѣ. Паника между ними распространилась такъ быстро, что уже тотчасъ по освобожденіи Орлеана, Бедфорду пришлось отдать приказъ по сѣвернымъ французскимъ пор-

*) Наша народная поговорка, которую особенно любилъ покойный Пржевальскій.

тамъ не пускать на суда военныхъ, желавшихъ бѣжать въ Англію. Даже въ Англіи тѣ, которые должны были идти на подкрѣпленіе во Францію къ своимъ, отлынивали, всѣми мѣрами затягивая отправку, чтобы не столкнуться съ Жанной. Даже тогда, когда она была уже въ плѣну, англичане откладывали атаку нѣкоторыхъ пунктовъ, пока ее не сожгутъ: и въ темницѣ, и въ оковахъ она была страшна имъ. До такой степени страшна, что, приписывая ея силу дѣвству, было рѣшено лишить ее онаго, и нашелся благородный лордъ, безуспѣшно взявшій на себя это достойное порученіе...

Остановился я нѣсколько подробно на Орлеанской операціи еще и потому, что она рисуетъ складъ понятій и военные обычаи тогдашнихъ французовъ. Атакуютъ они съ увлеченіемъ, но послѣ первой неудачи расположены уступать; такъ было во всѣхъ трехъ дѣлахъ: 4-го мая Жанна застала ихъ уже въ отступленіи; 6-го ихъ обуяла даже паника; 7-го тоже собирались отступать. Не будь Жанны, всѣ эти три дѣла окончились бы неудачей и прибавили бы только новые факты къ розсказнямъ объ англійской непобѣдимости. Жанна показала имъ во всѣхъ трехъ случаяхъ, что только претерпѣвающій до конца спасается, что порывъ хорошъ, а упорство лучше. Начальники, которые при первой удачѣ расположены были засыпать на лаврахъ, въ ожиданіи подкрѣпленій и подъ другими болѣе или менѣе благовидными предлогами, на томъ-де основаніи, что „сдѣлано достаточно“, узнали на примѣрѣ Жанны, что „ничего не сдѣлано, пока хотя что-либо остается додѣлать“. И въ какомъ совершенствѣ она додѣлывала тамъ, гдѣ ее не связывали по рукамъ и по ногамъ!

8.

На другой день послѣ снятія осады, 9-го мая, Жанна, несмотря на рану, отправилась доложить дофину о сдѣланномъ и умолять его немедленно идти на Реймсъ. Но она не нашла этому сочувствія ни въ королѣ, ни тѣмъ болѣе въ его совѣтникахъ.

И врагъ-де силенъ, и армію содержать не на что, и т. д. Кто не знаетъ, что въ доводахъ никогда нѣтъ недостатка для прикрытія нерѣшительности что-либо предпринять? Этимъ вялымъ, сухимъ и дрянно-завистливымъ людямъ и Орлеанъ не былъ достаточнымъ доводомъ и ничего не говорилъ. Однажды, добравшись до кабинета короля и обнимая его колѣна, Жанна, сказала; „Благородный дофинъ, не держите вовсе столько и такихъ длинныхъ совѣтовъ: идите лучше въ Реймсъ принять вашу достойную корону“. Неувѣренность и колебанія повергали ее въ отчаяніе; она плакала, жалуясь въ молитвѣ, что ей не вѣрятъ; но повелительный Голосъ вѣщалъ ей: „дочь Божія (Fille Dé), иди, иди, иди: я тебѣ помогу, иди“! И она несла свой крестъ... Только 10-го іюня, т. е. черезъ мѣсяцъ слишкомъ, ей развязали руки и позволили съ отрядомъ герцога Алансонскаго приступить къ очищенію пунктовъ, занятыхъ англичанами по Луарѣ. 14-го іюня она взяла штурмомъ Жаржо, 15-го мостъ у Мёнга, 17-го заняла Божанси, 18-го разбила Тальбота и Фальстольфа на голову въ полевомъ бою у Патэ *). Итого въ пять дней два штурма и одинъ бой; это въ пору хотя бы и Наполеону. Вотъ что могла дѣлать Жанна, когда ей не мѣшали! Таковъ былъ конецъ англійской арміи, назначенной довершить завоева-

*) Верстахъ въ 15-ти къ с.-з. отъ Орлеана. См. „Кроки“

ніе Франціи: орлеанскія поля всю ее поглотили. Англійское владычество было подорвано къ корнѣ и это сдѣлано въ три дня работы у Орлеана и и пять въ его окрестностяхъ!

„Впечатлѣніе этой восьмидневной кампаніи было неизобразимо. Народъ и солдаты знали только Жанну. Великое дитя перемѣнило не только счастье, оно перемѣнило души. Солдатъ забывалъ свою жадность и скотскія страсти; онъ шелъ безъ „folle femme“, безъ грабежа, не торгуясь изъ-за жалованья, жилъ тѣмъ, что ему давали, всѣмъ довольный, лишь бы ему идти за Жанной. Дворянинъ забывалъ свою гордость и если не могъ справить себѣ коня и вооруженіе (т. е. латы), являлся на службу на крестьянской клячѣ съ лукомъ или шпагой. Въ народѣ и арміи раздавался одинъ крикъ: „въ Реймсъ! въ Реймсъ“ *).

Но было одно мѣсто, гдѣ онъ не находилъ отклика—это кабинетъ короля. Жанна вначалѣ натолкнулась тамъ на недовѣріе; теперь пугали слишкомъ громкія ея заслуги... Просьбы Жанны встрѣчали тупой отпоръ. Наконецъ дофинъ все же переѣхалъ въ Жіенъ, куда назначено сосредоточиться и ополченію. Но когда, 24-го іюня, всѣ тамъ собрались, начались новыя колебанія. Одни находили, что между Жіеномъ и Реймсомъ много-де пунктовъ, занятыхъ англичанами и бургундцами. Другіе предлагали идти въ Нормандію и т. д. Однимъ словомъ, куда угодно, только не въ Реймсъ. А между тѣмъ нуженъ былъ именно Реймсъ; для Тремуалей, де-Шартровъ, Гокуровъ коронованіе было придворной церемоніей; раньше ли, позже ее спустить— бѣда не велика; но для народа это было священ-

*) Martin.

ное помазаніе, безъ котораго король не король. Тѣ этого не понимали, а Жанна, дочь народа, больше чѣмъ понимала—она чувствовала это. Огорченная разноголосицей, она „ушла жить въ поля", т. е. вѣроятно куда-нибудь на бивакъ или въ деревню, лишь бы подальше отъ двора.

Наконецъ, 29-го іюня, тронулись въ путь съ 12,000 чел., изъ коихъ почти всѣ были верхомъ. Предстояло до Реймса сдѣлать походъ около 240 верстъ. Итого потеряно даромъ *пятьдесятъ* дней! (съ 10-го мая по 29-е іюня).

Предвидѣнія Жанны сбылись; города всѣ принимали дофина, какъ законнаго государя. Исключеніе составили только Оксерръ и Труа. Первый просилъ остаться нейтральнымъ и получилъ на это согласіе, давъ ла-Тремуалю взятку въ 2,000 золотыхъ экю *). Второй, по примѣру Оксерра, думалъ сопротивляться, но подъ угрозой штурма сдался. Самъ виноватъ: почему было не послѣдовать примѣру Оксерра вполнѣ и ла-Тремуалю барашка въ бумажкѣ не поднести?

И передъ Труа не обошлось безъ того, что подумывали, не повернуть ли назадъ; и повернули бы, если бы Жанна не спасла ихъ отъ этого позора. 16-го іюля, наконецъ, достигли Реймса, а 17-го дофинъ помазанъ на царство.

Намѣреніе Жанны было немедленно идти на Парижъ; положеніе было таково, что, не будь потеряно время, и Парижъ бы сдался. Уже 18-го іюля, т. е. на другой день послѣ коронованія, кажется было принято рѣшеніе выступить туда. „Завтра король долженъ выступить къ Парижу... Дѣвственница не сомнѣвается, что приведетъ Парижъ къ повиновенію" **). Не тутъ-то было:

*) Это, кажется, около 240,000 фр. по нашему курсу.

**) Изъ письма къ королевѣ одного изъ придворныхъ, сопровождавшихъ Карла VII.

король остается три дня въ Реймсѣ; 22-го ему вручаютъ ключи Суассона, 23-го онъ вступаетъ въ этотъ городъ, гдѣ и остается пять или шесть дней. А въ это время Бедфордъ привелъ въ Парижъ новое подкрѣпленіе. „Никогда, можетъ быть, и ни одинъ король не умудрялся лучше измѣнять своей коронѣ“...

Послѣ безплодныхъ переговоровъ тонкаго дипломата Реньо съ герцогомъ Бургундскимъ о сдачѣ Парижа и разныхъ не менѣе безплодныхъ передвиженій, благодаря которымъ англичане выигрывали время; послѣ пяти смертельныхъ дней, потерянныхъ въ Компіенѣ, Жанна, наконецъ, не вынесла и 23-го августа просила герцога Алансонскаго и другихъ командировъ приготовиться въ походу. Лучшая часть арміи послѣдовала за нею, *безъ разрѣшенія короля.* 26-го августа она вступила въ С.-Дени безъ выстрѣла и умоляла короля туда пріѣхать, но ни отвѣта, ни привѣта... Наконецъ, 7-го сентября, онъ пожаловалъ. Т. е. опять потеряно мѣсяца полтора...

Жанна забыла всѣ свои обиды и огорченія, и съ обычнымъ увлеченіемъ принялась за дѣло. Но король оставался вѣренъ себѣ и дѣлалъ все, что нужно, чтобы помогать своимъ врагамъ. 8-го сентября рѣшено было штурмовать Парижъ со стороны воротъ С.-Оноре (т. е. съ запада). Бульваръ былъ взятъ сразу. Жанна перешла сухой ровъ и взобралась на двускатный гласисъ (le dos d'âne), за которымъ оказался водяной ровъ. „Этого она не знала, но съ нею были такіе, которые это знали, да не сказали, ибо сильно хотѣли, чтобы приключилось несчастіе Жаннѣ *)“.

*) А были при ней: уже извѣстный Гокуръ и де-Райсъ, о нравственномъ характерѣ коего даютъ понятіе невообразимыя преступленія по части эротоманіи, за которыя онъ впо-

Это не остановило ее. Она приказала заваливать ровъ фашинами и чѣмъ попало, все время оставаясь подъ выстрѣлами на гребнѣ двускатнаго гласиса; но ничего не было приготовлено и работа шла медленно. Тѣмъ не менѣе, она не отказывалась отъ своего: молила только объ одномъ, чтобы король появился и, несмотря на то, что была ранена, не думала отступать, хотя уже было около 10-то часовъ вечера.

Но король не пожаловалъ; командиры ничего не сдѣлали, чтобы подбодрить уставшихъ солдатъ, и настаивали, чтобы Жанна отступила. Она не соглашалась; тогда ее насильно вывели изъ рва, посадили на лошадь и увели за отступающей арміей. Она очень объ этомъ жалѣла и утверждала, что крѣпость была бы взята.

Это была ея первая неудача. „Въ ту ночь въ совѣтѣ французскаго короля въ С.-Дени, какъ и въ совѣтѣ англійскаго регента въ Парижѣ, радость была великая".

Утромъ (9-го сентября), не смотря на рану, Жанна приказала поднять армію, чтобы снова идти къ Парижу. Между начальниками поднялся большой споръ; въ это время отъ Парижа показалась группа вооруженныхъ людей. То былъ Монморанси первый баронъ Иль-де-Франса *), до того принадлежавшій бургундской партіи и пришедшій съ 50-ю или 60-ю дворянами стать подъ знамя Жанны. По всей вѣроятности, онъ открылъ бы ей ночью ворота, черезъ которыя вышелъ **).

слѣдствіи былъ казненъ, не взирая на знатность рода и на маршальство.

*) Такъ называлась провинція Франціи, центромъ которой былъ Парижъ.

**) Что у Жанны были приверженцы въ Парижѣ и съ ними происходили дѣятельныя сношенія, доказывается тѣмъ

Этихъ новыхъ союзниковъ, за которыми можно было ожидать и другихъ, приняли съ понятной радостью.

Уже сѣли верхомъ и двинулись, какъ прискакали два принца крови съ просьбой къ Жаннѣ и герцогу Алансонскому возвратиться и съ приказаніемъ другимъ командирамъ привести Жанну въ С.-Дени!

Это извѣстіе поразило какъ громомъ Жанну и большую часть арміи, не не привело ее въ отчаяніе. Она повиновалась, но страстно лелѣяла послѣднюю надежду: переправившись черезъ мостъ, на Сенѣ наведенный герцогомъ Алансонскимъ у С.-Дени, атаковать Парижъ на лѣвомъ берегу Сены. 10-го сентября, раннимъ утромъ, Жанна, съ герцогомъ Алансонскимъ и отборною частью арміи, двинулась къ мосту; но мостъ исчезъ: по приказанію короля надъ разборкою его трудились цѣлую ночь!

Послѣ трехдневныхъ разсужденій въ совѣтѣ короля, рѣшили отступить за Луару. Помочь этому Жанна не могла.

Итакъ, король, фаворитъ и архіепископъ Реймскій добились своего: они отвергли руку Провидѣнія, подорвали авторитетъ Жанны и на неопредѣленное время отстрочили окончательное освобожденіе Франціи отъ иноземнаго ига.

Да и то сказать: она вѣдь до смерти всѣмъ надоѣла; и такъ или иначе, а ее нужно было упразднить. Приходилось отъ нея солоно и духовнымъ, и военнымъ, и такъ называемымъ государственнымъ людямъ. Она портила практику всѣмъ, дѣлая дѣло чисто по-мужичьи: сразу,

что, разбивъ шайку Франке д'Арраса и захвативъ его самого въ плѣнъ, она собиралась его обмѣнить на одного Парижскаго обывателя, бывшаго въ плѣну у англичанъ.

окончательно и безкорыстно. Скандальный и весьма опасный прецедентъ. (Единственная награда, которую она выпросила послѣ коронованія, заключалась въ освобожденіи родной деревни отъ налоговъ). И что за манера вѣчно ссылаться на Божью книгу? Говорить, что нечего разсуждать, когда нужно дѣйствовать? Врываться въ совѣтъ, устраиваемый съ нарочитымъ намѣреніемъ поговорить именно безъ нея; напоминать, что терять времени не слѣдуетъ; выступать въ походъ по сознанію неотложности операціи, но не испросивъ предварительно разрѣшенія? А почтеннаго старика, высокопоставленнаго маститаго Гокура, какъ она оскорбила! И не только оскорбила, а подвергла опасности быть разорваннымъ въ клочья. Да добро бы еще кто, а то дѣвчонка, да еще мужичка: обидно! Ее слѣдовало прикончить морально, въ ожиданіи благопріятнаго случая, который при ея сумашедшей храбрости и упорствѣ неминуемъ и поможетъ прикончить физически. Правда, она много сдѣлала и еще больше сдѣлала бы для освобожденія французскихъ провинцій отъ иноземнаго ига; но онѣ этого могутъ и подождать въ виду настоятельной необходимости воздать за такое множество оскорбленныхъ самолюбій. Подождать даже при междоусобной войнѣ, при которой, какъ уже сказано, мѣста, передавшіяся вамъ и вами оставляемыя потомъ безъ защиты, неминуемо подвергаются отъ вашихъ противниковъ разграбленію и прочему.

9.

Послѣ такого пассажа, Жанна, повинуясь Голосамъ, хотѣла остаться въ С.-Дени, но ее повлекли противъ воли за королемъ, такъ бы-

стро и рѣшительно отступавшимъ къ Луарѣ, что въ пору хотя бы разбитой арміи. С.-Дени и другія неукрѣпленныя мѣста, передавшіяся Карлу VII, подверглись немедленно разграбленію.

Съ этихъ поръ начинается для Жанны мучительный періодъ душевныхъ смутъ и невѣдомыхъ страданій, мрачный переходъ отъ величія славы къ величію мученичества...

Таскали ее за королемъ больше шести мѣсяцевъ. Наконецъ, въ половинѣ апрѣля 1430 г. „королю, бывшу въ городѣ Сюлли на Луарѣ, дѣвственница, видя и слыша всякое дѣло и повадку, какія король и его совѣтъ держали, чтобы возвратить королевство, она, очень недовольная тѣмъ, нашла средство раздѣлиться съ ними и безъ вѣдома короля, не взявъ позволеніе отъ него, показала видъ, что уѣзжаетъ въ проѣздку и безъ оглядки отправилась въ городъ Ланьи, для того, что тамошніе люди хорошо воевали съ англичанами парижскими и иными". Въ окрестностяхъ Ланьи она разбила шайку дворянина Франке д'Аррасса и взяла его самого въ плѣнъ. Такъ какъ человѣкъ партіи короля, бывшій въ плѣну у англичанъ и на котораго она хотѣла вымѣнять этого Франке, умеръ, то муниципалитетъ Ланьи воспротивился его освобожденію, представляя Жаннѣ, что освободить такого злодѣя значило насмѣяться надъ правосудіемъ.

Изъ Ланьи она попала въ Компьенъ, комендантъ котораго Флави довершилъ дѣло ла-Тремуаля съ братіею тѣмъ съ большею готовностью, что она отдала дворянина Франке на судъ презрѣнныхъ буржуа и виллановъ. При одной вылазкѣ, въ которой Жанна по обыкновенію зарвалась, онъ заперъ ворота и поднялъ мостъ, изъ опасенія, чтобы непріятель по ея пятамъ не ворвался въ

городъ (!); и она попала, наконецъ, въ плѣнъ, 23-го или 24-го мая 1430 года.

Въ Компьенѣ осталось преданіе, что однажды дѣвственница, послѣ исповѣди и причастія сказала окружающимъ, въ числѣ коихъ было болѣе 100 дѣтей *): „Друзья мои, и вы, дѣтки, объявляю вамъ, что меня предали и продали и что скоро буду осуждена на смерть. Молитесь за меня Богу, ибо больше не въ состояніи буду служить ни королю, ни Франціи".

Враги были въ понятной радости. Горе французскаго народа отвѣчало радости его враговъ: мрачное оцѣпенѣніе налегло на бѣдныхъ крестьянъ, мечтавшихъ, что ихъ бѣдствіямъ будетъ положенъ конецъ руками этого ангела-искупителя; невыразимо было отчаяніе городовъ, которые дѣвственница сохранила или возвратила Франціи. Въ Орлеанѣ, Турѣ, Блуа начались всенародныя моленія о ея освобожденіи; населеніе Тура, босикомъ, съ непокрытыми головами, носило въ процессіи мощи, съ пѣніемъ „miserere". Простой народъ вслухъ обвинялъ господъ и военныхъ въ измѣнѣ святой дѣвѣ, которая поддерживала бѣдныхъ и преслѣдовала пороки сильныхъ міра.

Какое же участіе принялъ въ общемъ горѣ король и его совѣтники? Никакого; какъ будто ихъ и не существовало, а подъ рукою принимались мѣры расхолодить это непріятное народное движеніе. Сохранилось слѣдующее извлеченіе изъ посланія Реньо де-Шартра жителямъ его архіепископскаго города Реймса:

„Онъ извѣщаетъ о плѣненіи Жанны дѣвственницы у Компьеня и *какъ она не хотѣла вѣрить совѣту, а все дѣлала какъ ей хотѣлось* (à

---

*) Она особенно любила причащаться съ дѣтьми.

son plaisir)... *И что Богъ допустилъ взять Жанну дѣвственницу за то, что она возгордилась и роскошно одѣвалась и что не исполняла велѣній Божіихъ, а творила свою волю"*. И такимъ-то образомъ подло-трусливыя рѣшенія совѣта превращались въ письмѣ лживаго кощунственнаго попа въ велѣнія Божіи...

10.

Страсти Жанны тянулись *пять* мѣсяцевъ...

И передана была Жанна взявшимъ ее батаромъ Вандонномъ его барину Ивану Люксембургскому, а Иванъ Люксембургскій предалъ ее англичанамъ за 10,000 *) франковъ; и заключена она въ Руанѣ **) въ башню, въ желѣзной клѣткѣ; и приковали ее за шею, по рукамъ и по ногамъ; и жила она на хлѣбѣ и на водѣ, денно и нощно стерегомая и оскорбляемая тремя англійскими солдатами.

И рѣшили ее убить, не не просто, а сначала обезчестить лицо ея, и дѣло ея, осудивъ ее якобы колдунью, а дѣло ея якобы діавольское.

И учредили надъ нею судъ неправедный изъ книжниковъ и фарисеевъ парижскаго университета, а поставили надъ тѣмъ судомъ епископа Бовэ, Кошона. И давали членамъ суда по 20 су ***) въ день, а ревнующихъ о ея гибели кромѣ того подарки; а епископу Кошону обѣщали руанскую епископію.

И было 40 слишкомъ допросовъ и много мукъ въ темницѣ, но Жанна мученица все претерпѣла и осталась вѣрною дѣлу своему и Голосамъ своимъ. И въ сонмѣ враговъ, одинокая, беззащитная, явила въ отвѣтахъ своихъ без-

*) Около 400,000 по теперешнему
**) Около половины декабря.
***) Около 40 франковъ теперь.

страшную стойкость, мудрость змѣиную, кротость голубиную, и не колеблясь торжественно пророчествовала, что англійскому владычеству наступитъ скорый конецъ. И не разъ становилась она судьею своихъ судей...

И ничего съ нею сдѣлать не могши, подстроили облыжное отреченіе ея отъ небывалыхъ грѣховъ и якобы вновь въ оные впаденіе. И повели ее за то на казнь. И Кошонъ рекъ ей тако (и громъ небесный его не разразилъ): „Ты возвратилась къ заблужденіямъ и преступленіямъ, отъ которыхъ отреклась, какъ собака возвращается къ своей блевотинѣ... Мы отсѣкаемъ тебя, какъ гнилой членъ отъ общенія съ церковью и предаемъ тебя власти свѣтской, прося ее *смягчить судъ свой надъ тобою касательно смерти и изувѣченія членовъ*". (Такъ сострадательно выражались духовные судьи, когда хотѣли кого-нибудь сжечь. Иногда они прибавляли еще „безъ пролитія крови")...

И сожгли *). И послѣднее слово ея было: „Іисусъ!" И черезъ смерть стяжала она себѣ безсмертіе.

Голоса обѣщали ей великое торжество: и по слову Ихъ содѣялось...

Такъ тебѣ и надо, мужичка! Не суйся не въ свое дѣло.

„Пришла къ своимъ и свои ее не признали". То есть народъ-то призналъ; не признали книжники, фарисеи и первосвященники, какъ и *тогда*.

Но сожгли не просто: „Et tantost elle fut de tous jugée à mourir et fut liée à une estache qui étoit sur l'eschaffaut, qui étoit fait de plâtre, et le feu sus lui; et là fut bientost esteinte et sa robe tout arse, et puis fut le feu tiré arrière; et fut veue

*) 30-го мая 1431 года.

de tout le peuple toute nue, et tous les secrets qui peuvent estre ou doibvent en femme, pour oster les doubtes du peuple. Et quand ils l'eurent assez à leur gré veue toute morte liée à l'estache, le bourrel remit le feu grand sur sa povre charogne qui tantost fut toute comburée et os et chair mis en cendres. Assez avoit là et ailleurs qui disoient qu'elle estoit martyre et pour son droit seigneur; autres disoient que non, et que mal avoit fait qui tant l'avoit gardée. Ainsi disoit le peuple; mais quelle mauvaiseté ou bonté qu'elle eust faite, elle fut arse cestui jour **) (*Bourgeois de Paris*).

Но какъ ни старался палачъ, а такъ и не добился сжечь ея сердце... И сами англичане говорили: горе намъ, ибо мы сожгли святую... И еще говорили: если бы она была наша, мы до этого не допустили бы...

И чтобы ничего отъ нея не осталось на землѣ, прахъ и сердце ея бросили въ Сену. И понесли ея мутныя волны священный прахъ Жанны на вѣчное успокоеніе и охрану отъ людскихъ лобзаній и отъ людскихъ оскверненій, въ, какъ она, непобѣдимый,—какъ она, великій Океанъ....

**) И тогда всѣми она была осуждена умереть, и была привязана къ столбу, который былъ на эшафотѣ, который былъ сдѣланъ изъ извести, и огонь на немъ; и тамъ она скоро задохлась и платье ея все сгорѣло, и потомъ огонь отодвинули назадъ; и была видима всему народу совсѣмъ нагая, и всѣ тайны, которыя могутъ или должны быть въ женщинѣ, чтобы снять всякое сомнѣніе въ народѣ. И когда они достаточно, въ свою охоту, насмотрѣлись на совсѣмъ мертвую, привязанную къ столбу, палачъ развелъ большой огонь на ея бѣдномъ трупѣ, который скоро весь сгорѣлъ, и кости, и мясо обратились въ пепелъ. Много было тамъ и индѣ, которые говорили, что она была мученица, и за своего законнаго повелителя: другіе говорили, что нѣтъ, и что дурно сдѣлалъ тотъ, кто ее такъ долго держалъ. Такъ говорилъ народъ; но какое злое или доброе она сдѣлала, а была сожжена въ этотъ день.

11.

„Епископъ Бовэ, твоя жертва нашла смерть въ пламени костра, а ты на пуховикахъ. Но это не составляетъ разницы въ послѣднія минуты жизни. Въ прощальный часъ, когда разверзаются двери смерти и бренное тѣло находитъ успокоеніе послѣ борьбы, жертва и палачъ часто получаютъ одинаковое облегченіе отъ земныхъ страданій; оба одинаково засыпаютъ, оба такъ же возрождаются въ мірѣ сновъ. Въ часъ, когда сумракъ смерти сгущается надъ вами, епископъ и дочь полей, когда хоругвь жизни опускаетъ надъ вами свою мрачную завѣсу, я хочу уловить въ этомъ безконечномъ мракѣ ускользающія очертанія вашихъ несхожихъ видѣній.

„Пастушка, освободившая, Францію, она въ своей тюрьмѣ; она у позорнаго столба; она въ пламени костра; когда началось ея послѣднее видѣніе, она увидѣла Домреми, увидѣла источникъ Домреми, увидѣла полные величія лѣса, въ которыхъ блуждала во дни своего дѣтства. Передъ ней совершалось торжественное пасхальное служеніе,—то, чего она такъ жаждала измученною душой и въ чемъ отказали ей люди; свершалось возрожденіе весны, скрытое отъ нея мракомъ темницы, отъ нея, столь страстно любившей величавую свободу лѣсовъ. Богъ возвратилъ ей всѣ эти радости, точно это были драгоцѣнности, расхищенныя у нея грабителями. И кто знаетъ (ибо минуты сна пробѣгаютъ годы), быть можетъ, Господь возвратилъ ей счастіе дѣтства. По особому благоволенію, быть можетъ, для нея было создано въ этомъ прощальномъ видѣніи второе дѣтство, столь же невинное, какъ и первое, но не омраченное, какъ то, сознаніемъ тяжелаго призванія въ грядущемъ. Отнынѣ ея

призваніе было исполнено, буря стихла, послѣдніе клочья грозовыхъ тучъ уже исчезали вдали. Кровь, которою она должна была заплатить,— отдана до капли; слезы, которыя она должна была пролить втайнѣ,—пролиты до послѣдней; ненависть, которую ей суждено было увидѣть во всѣхъ взорахъ,—была твердо выдержана и пережита ею. И на мѣстѣ казни, въ послѣдней борьбѣ, она еще торжествовала и сумѣла побѣдоносно принять удары смерти. Она умерла; умерла среди многотысячной толпы враговъ, проливающихъ слезы *); умерла подъ бой барабановъ и похоронный перезвонъ колоколовъ; умерла подъ трубные звуки, привѣтствовавшіе ея мученичество—поддерживаемая только своимъ послѣднимъ видѣніемъ.

„Епископъ Бовэ! Человѣка съ преступной совѣстью подстерегаютъ и преслѣдуютъ въ его видѣніяхъ самыя страшныя, совершонныя имъ дѣянія, а въ колеблющихся отраженіяхъ, созданныхъ надъ пучиною смерти (подобно отраженіямъ миража въ аравійскихъ пустыняхъ), чаще всего появляются нѣжные образы погубленныхъ имъ; отъ того я знаю, епископъ, что ты тоже видѣлъ Домреми въ твоемъ предсмертномъ видѣніи. Этотъ источникъ, о которомъ свидѣтели такъ много говорили, предсталъ въ твоемъ воображеніи, покрытый утренней чистой росой. Но ни роса, ни благословенный разсвѣтъ не могли уничтожить яркихъ слѣдовъ неповинной крови на его поверхности. У этого источника, епископъ, ты увидѣлъ сидящую женщину, скрывающую лицо свое. Но ты приближаешься и она подымаетъ къ тебѣ это изможденное лицо. Могли

*) Дѣйствительно, плакали всѣ, даже Кошонъ.

ли бы обитатели Домреми узнать въ немъ черты ихъ родного ребенка?—Ты, епископъ, ты знаешь ихъ хорошо.

„Великій Боже! Какой стонъ услыхали служители, оберегающіе покой его преосвященства, не вѣдая объ его сновидѣніи. Этотъ стонъ исходитъ изъ наболѣвшаго сердца ихъ господина, который теперь бѣжитъ отъ этой женщины и ищетъ убѣжища въ далекихъ лѣсахъ. Но онъ не можетъ спастись отъ этой женщины, которую долженъ увидѣть еще разъ передъ смертью. Найдетъ ли онъ хоть минуту покоя въ лѣсахъ, къ которымъ обращается съ мольбой о пощадѣ? Что это за шумъ, что за топотъ массы сбѣгающихся ногъ? Въ прогалинахъ, гдѣ пробѣгаютъ лишь олени, проходятъ войска, собираются народы. Въ этой волнующейся толпѣ мелькаютъ тѣни давно минувшихъ временъ: великій регентъ Франціи, Бедфордъ, лордъ Винчестеръ, принцъ кардиналъ. Вотъ епископъ Бовэ, судорожно укрывающійся въ чащѣ... Что это за вышка которую поспѣшно воздвигаютъ столь быстрыя руки? Неужели это мученическій эшафотъ для новой жертвы, и развѣ во второй разъ возведутъ на него ребенка Домреми? Нѣтъ, это судилище, высящееся до облаковъ, и суда ждутъ два народа. Займетъ ли преосвященный Бовэ опять мѣсто судьи и станетъ ли онъ вновь оспаривать часы жизни неповиннаго? О нѣтъ! Самъ онъ на скамьѣ подсудимыхъ. Уже все ждетъ; могучее засѣданіе собрано, судьи занимаютъ свои мѣста, свидѣтели налицо, труба гремитъ, предсѣдатель садится... Но какая неожиданность! Ваше преосвященство, у васъ нѣтъ защитника!—Защитника? у меня его нѣтъ: ни на небѣ, ни на землѣ я не нашелъ человѣка, который захотѣлъ бы взять

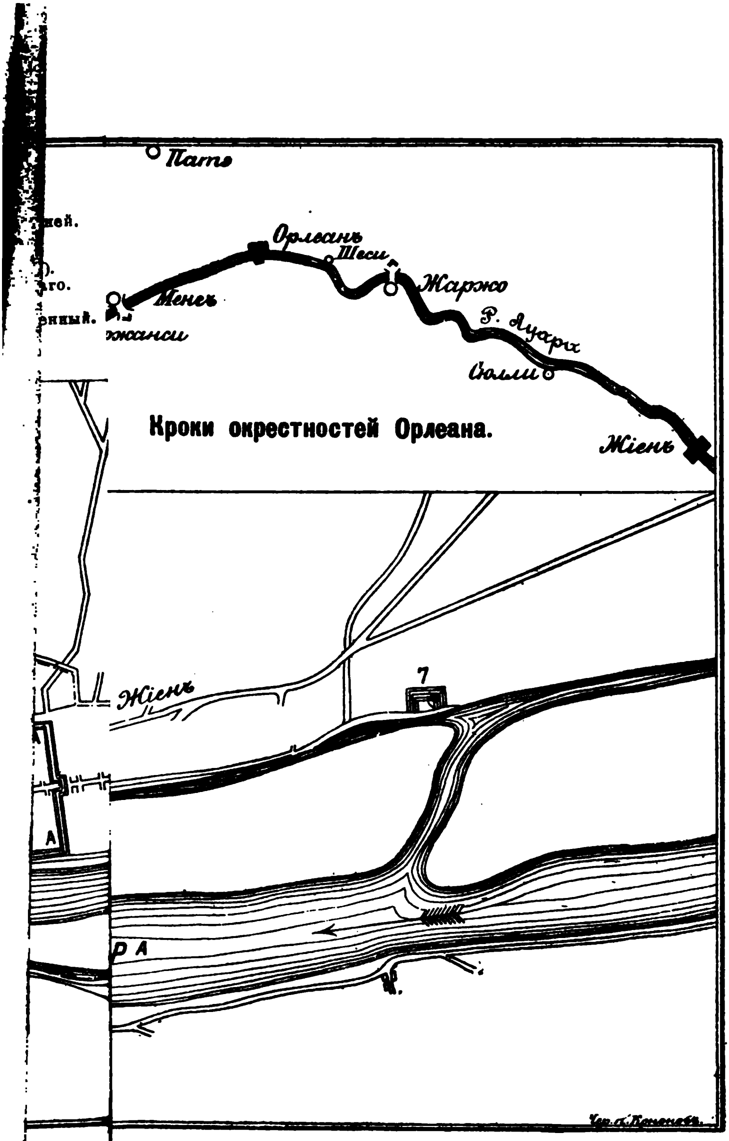
на себя судебную защиту: всѣ молчатъ.—Неужели дошло до этого? Увы! времени мало, шумъ великъ, безбрежная толпа уходитъ въ безконечность, но я поищу въ ней кого-нибудь, кто взялъ бы на себя вашу защиту... Я знаю, кто будетъ вашимъ защитникомъ... Кто идетъ изъ Домреми? Кто она, которая идетъ изъ Реймса въ красныхъ какъ кровь одеждахъ коронованія? Кто она, которая идетъ изъ Руана съ обугленнымъ лицомъ? Это она, бѣдная дѣвушка, у которой не было защитника и которую я избираю для вашей защиты. Она приметъ на себя, епископъ, защиту вашего преосвященства, я за это ручаюсь. Это она, епископъ, будетъ говорить за васъ; да, епископъ, она—когда молчатъ небо и земля" *).

12.

Смерть Жанны только замедлила довершеніе ея великаго дѣла; англичане болѣе не имѣли удачи, духъ Жанны какъ бы виталъ надъ Франціей, подвигая военачальниковъ на самоотверженное служеніе родинѣ. Оживляется даже король, избавленный придворными отъ зловреднаго вліянія ла-Тремуаля, котораго они захватили врасплохъ и подъ угрозой смерти заставили навсегда отказаться отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Карлъ VII первый положилъ основаніе постояннымъ войскамъ во Франціи и въ концѣ концовъ даже получилъ наименованіе „Побѣдоноснаго". Не прошло и семи лѣтъ со смерти Жанны, какъ согласно ея предсказанію, сдѣланному на судѣ, англичане и бургундцы были принуждены оставить Парижъ, покори-

*) Works of Thomas de Quincey. T. V.

вшійся королю. Таковъ былъ импульсъ, сообщенный всему организму Франціи великимъ духомъ святого ребенка.... Наступила наконецъ правда и для Жанны: черезъ 25 лѣтъ по повелѣнію папы Каллиста III, вызванному просьбою ея родственниковъ, а еще болѣе конечно настояніями Карла VII, было сдѣлано новое разслѣдованіе, на основаніи коего руанскій процессъ объявленъ пристрастнымь и лживымъ, Жанна возстановлена въ своемъ добромъ имени, а ея миссія признана не діавольскою, но божественною. Что тутъ больше дѣйствовало—запоздалое-ли раскаяніе, или не совсѣмъ пріятное сознаніе быть обязаннымъ короной колдуньѣ—судить не беремся.

шаго саженъ въ дюймѣ.
ьшаго верстъ »